

The illustration depicts a scene of destruction and hope. In the foreground, a large, dark, jagged piece of metal, resembling a broken anchor or a twisted iron rod, lies on a stone-paved ground. To its left are several large, dark, rectangular blocks. In the background, a large, arched opening in a brick wall frames a view of a vast, hilly landscape covered in dense, golden-yellow autumn foliage. A river or stream winds through the valley. The sky is a brilliant, hazy orange and yellow, with sunbeams radiating from behind the arch. The entire scene is set against a dark red background that frames the top and bottom of the image.

Павел Иллюк

ЗАКОВАННЫЕ В ЖЕЛЕЗО

Павел Федорович Иллюк

Закованные в железо. Красный закат

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11970417
Закованные в железо. Красный закат/ Павел Иллюк: SELL-BOOK;

Аннотация

Действие книги разворачивается на руинах мира, который уничтожен некогда забытым народом. Теперь, преобразившийся и восставший из пепла технологически, идейно и морально, он жаждет мести, власти и полного доминирования.

В неравную борьбу с врагом вступают три героя, сражающиеся одновременно на различных полях битвы. Это главнокомандующий Вирвис, воин Гавриил и шпион Михаил, которые должны положить на алтарь победы всё, что у них есть.

Война отбирает у героев их мечты и планы, их покой и желание жить просто жизнью. На них, по воле случая или по провидению судьбы, ложится миссия справедливости, здравого смысла и понимания жизни. На кончике их меча, среди их мыслей и на плечах их далеко не всесильной силы воли, теперь покоится мирное и свободное будущее простого народа.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Михаил	4
Глава 2. Несокрушимый	16
I	16
II	19
III	21
IV	26
Глава 3. Приказано выжить	29
I	29
II	32
Глава 4. В осаде	41
Глава 5. Хорошие	53
I	53
II	54
III	60
Глава 6. Шах	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Павел Иллюк

Закованные в железо. Красный закат

Часть 1

Глава 1. Михаил

*Украина; г. Киев
Окружная дорога
27 августа; 15:24*

Огромный черный джип с синими номерами правоохранительных органов, принадлежавший, тем не менее, разведке, уносил Михаила от города на сумасшедшей скорости. Пассажиры держались за все что могли. Слегка полный мужчина на переднем сиденье ухватился за подлокотник и ручку у потолка. Однако, при всем видимом напряжении его мускульной силы не хватало чтоб удержать свою, довольно таки большую, массу неподвижной и он, то и дело, перекачивался из стороны в сторону, то прижимаясь к правой дверце, то практически ударяясь лицом в правое плечо водителя. Вел этот агрегат молодой парень лет двадцати. Не выдавая особого смущения или переживаний, он со стариковским хладнокровием проскакивал в невероятно узких пролетах между машинами, бесконечно обгоняя и притормаживая, или, безудержно набирая скорость, выжимал из машины максимум возможностей. Михаил сбился со счета тем случаям, когда он, вздрагивая, ожидал удара или орал на мальчишку за неоправданный риск. Но парень не видел и не слышал ничего вокруг, кроме того, что было на дороге. Михаил даже попытался однажды остановить его. Соборов схватил парня за плечо и начал орать, придвинувшись почти в упор к нему, чтоб тот остановился. Но вскоре остыл, увидев только бесконечно движущиеся глаза и нерушимую сосредоточенность в них, боец даже не моргнул. Казалось, что он не заметил бы и очереди из пулемета по лобовому стеклу, потому Михаил просто смирился и положился на волю случая.

Город остался позади. Спустя полчаса, Михаил и военные, которые вывозили его из Киева, оказались на просторном шоссе, и поездка обрела менее авантюрную окраску. Водитель все реже сбрасывал скорость и мчался в левой крайней полосе, еще издали мигая фарами Мерседесам и БМВ. Многие съезжали вправо нехотя, но всегда делали это, когда огромная, трехтонная черная масса подлетала почти вплотную к их дорожным автомобилям, тут уже было не до принципиальности. Экипаж ехал со средней скоростью в сто двадцать километров в час. Они могли бы выбираться из Киева больше часа, но капитан Михаил Соборов жил почти на окраине. Таким образом, за двадцать минут экипаж отъехал от Киева почти на пятьдесят километров. Это было вне зоны поражения биохимической атаки. Мужчина на пассажирском сидении доложил главнокомандующему о том, что Михаила благополучно вывезли. Он также спросил о родственниках Михаила, что было положено делать в ходе раздельной эвакуации членов одной семьи.

Соборов заметил, что у толстяка есть военная рация, но тот предпочел говорить по мобильному телефону, что свидетельствовало о том, что суть разговора не предназначалась для слуха Соборова. Возможно, что это касалось Светланы, его молодой жены, которую было обещано вывезти из города. Очевидно, что связи с машиной эвакуации Светланы еще не было. Если ее не будет через десять минут, то Михаил никогда не сможет простить себе, что доверил ее жизнь незнакомым людям и безликой системе, которая всегда ни в чем не

виновна. Но пока что надежда была жива, и отчаиваться было рано и глупо. Михаил отдался в руки судьбы и успокоился. Он закрыл глаза и откинулся на огромном заднем сидении. Перед его глазами воле поневоле пролетали образы поглощаемого зеленым отравленным дымом Киева. Почему-то представлялось, что вирус будет именно зеленым, хотя на самом деле, даже в максимальной концентрации, он был бесцветным, и лишь слегка сероватым. Несчастные, беспомощные и перепуганные люди умирали на том же месте, где их заставлял вирус или химикат. Кто-то, наверное, пытался убежать, но падал замертво прямо на ходу. Так действовало химическое оружие Серень 400, которым, скорее всего, атаковали уже большую часть мира. Киев спасло то, что он был атакован спустя целых полчаса после атаки США. Точнее Киеву это не помогло, это спасло верхушку власти и военнотружущих, получивших время на эвакуацию. Известно было, что вслед за химической атакой, или может быть даже параллельно, шла биологическая атака вирусом Т9К57, под кодовым названием «Скарабей». Такое имя ему дали за то, что он пожирал даже уже убитую жертву и передавался всеми способами, включая прикосновение. Строк жизни вируса в открытом пространстве составлял более трех месяцев, а вдали от солнечных лучей он был практически бессмертен. Все это Михаил знал, ведь он сам добыл все эти данные, а те, которые добыл не он, добыли члены его команды и осведомители.

Ужасно и одновременно спокойно было думать об этом. Нельзя было не радоваться своему спасению, но нельзя было не оплакивать тех, кто остался там. Все наверняка умерли. Соседи, друзья детства, мальчишка, который продавал газеты и толстый продавец в хлебной будке, который гордился своим делом и всегда напоминал, что у него самый свежий хлеб в городе. А также знакомые водители маршрутных такси, которые возили Михаила из года в год в институт, а потом, когда он сдавал свой автомобиль на сервис или просто не хотел ехать, они возили его на работу. Он не знал их имен и даже не здоровался, но сейчас всех этих людей было жаль. Спустя пару минут, устав от тяжелых размышлений, которые требовали, чтобы с ними смирились, Михаил уснул. Слишком рано было принимать конец света как должное, слишком трудно было это понять. Последние три ночи Соборов не спал, поэтому стоило ему хоть на миг утратить контроль над собой, и сон сразу же ухватился за свой редкостный шанс.

Он хотел было спросить у сопровождения, не узнали ли они что-то о Светлане и в тот момент сон оковал его, заматавая за собою грань между реальностью и иллюзиями. Михаилу приснилась Светлана. Она как раз должна была отправляться домой, но, по своему обыкновению наверняка решила зайти в несколько мест и купить что-то для ужина. Светлана готовила всегда сама и не покупала готовые продукты, ведь в Украине, где не было, наверное, ни одной службы, которая бы проверяла качество того, что продавали в супермаркетах под видом продуктов питания, нельзя было доверять глазам. Светлана выбирала продукты на стихийных рынках, где оставалась хоть какая-то возможность найти натуральные продукты, которые и видом и содержанием соответствовали тому, чем этот продукт привыкли считать. Михаил видел, как она ходит между рядами деревенских бабушек, которые еще с утра привезли свои скудные урожаи в город. Она выбирала, тщательно осматривая и продукты и продавцов, боясь вновь нарваться на выращенные за неделю на жестоких пестицидах овощи или откормленные на каких-то химических добавках куриц. Через минут пятнадцать Светлана вышла на дорожку, которая вела к дому. Она тихо улыбалась, когда вокруг никого не было, очевидно представляя встречу с Мишей. У нее были прекрасные густые и светлые волосы, которые она мастерски использовала, когда хотела спрятать какие-то свои эмоции. Она опускала голову, будто от тяжелого груза, и пряталась в своих золотистых локонах, отдаваясь мечтам или воспоминаниям, мирская суэта никогда не могла поработить света ее души. Они с Михаилом совсем недавно поженились, и теперь она не могла нарадоваться. Все вокруг считали, что они созданы друг для друга. Михаил был красивым мужчиной, со слегка смуглой кожей и спортивной фигурой, типичный мачо, как любили называть его незнакомые жен-

щины, которые остались без его внимания. Светлана была стройной и худощавой женщиной. У нее было невероятно красивое лицо, которое было одновременно и по-детски милым и слегка, по-женски, вызывающим. Мужчины не могли отвести от нее взгляда. А Михаил не мог поверить, что она принадлежит только ему. Все было слишком хорошо, просто невероятно благополучно.

Когда Света подошла к дому, она услышала странные крики со стороны двора. Повернув голову, она увидела, как люди падают далеко впереди, потом ближе, потом упала ее соседка по этажу, которая была у соседнего подъезда, а потом резкий боль в легких и все... Михаил тут же подбежал и охватил ее. Он пытался привести жену в чувства и одновременно старался понять, что происходит. Через миг он понял, что это химическая атака, но почему тогда он не падает? Почему его не берет? Может это потому, что он в состоянии аффекта? В следующий миг по его глазам пробежала резкая вспышка света. Он одновременно вспомнил черный джип военной разведки и то, как его вывозят из города, и понял, что он не может быть рядом со Светланой. Михаил открыл глаза и проснулся: «Это еще не конец, пролетело в его голове». Он просто спал. Но теперь он мог узнать, что произошло.

– Вы узнавали, что с моей женой? Ее вывезли? – Михаил схватил толстяка за плечо и резко пододвинулся к нему, пытаясь взглянуть в глаза.

– Связь с главным бункером оборвалась. После того как вы уснули я не получал никаких указаний и не мог больше связаться, капитан.

– Где это мы? – их джип был в каком-то лесу. Свет, который пробежал по глазам исходил от прожектора или фонаря. Очевидно, что это была какая-то база, а может просто пункт сбора или дозаправки.

– Здесь нас ждет группа сопровождения и сутра для вас.

– Сутра? Зачем? Мы собираемся вступать в бой?

– Территорию, которая вдали от крупных населенных городов тоже могут патрулировать группы зачистки или своры мепсов. Нужно обезопасить вас.

Металлическими псами, или мепсами, были генетически модифицированные собаки, оснащенные усиленными металлическими пластинами. Броня была легкой и пробивалась из крупнокалиберного пулемета. О мепсах наши военные узнали из сводок по нападению на США. Это были свирепые твари, которых выпускали на охоту зачищать целые города. Они были размером со свинью, а некоторые не уступали размеру даже льву. Мепсов использовали, как альтернативу рядовым солдатам. Это было вызвано масштабами атак, и нехваткой людей для этих атак. Мепсы были нацелены на уничтожение жителей городов, их транспорта и даже небронированных солдат регулярной армии. Личное стрелковое оружие было против них бессильно. Мепсов обычно пригоняли к большим городам целыми стаями, и выпускали зачищать город. Собаки атаковали всех, кто был на улицах и даже были обучены врываться в квартиры, дома и офисы. Они были бесстрашны и свирепы.

Михаил откинулся на кресле и начал растирать лицо ладонями, стараясь побыстрее вернуть себе бодрость, и размять лицевые мышцы, которые после глубокого сна делали его речь слегка смешной. На улице уже почти не было света от солнца, лишь далеко на западе, между деревьями, еще было видно освещенную тающими лучами линию горизонта. Теперь стало понятно, что это даже не лес, а просто пролесок, вдоль которого они ехали без фар. Человек, который проверяли их с фонариком, проверял всех кто въезжал в пролесок и передавал по рации о приближении друга или врага. Он наверняка не подошел бы сам к джипу и остался бы где-то между деревьями, если бы машина не остановилась в указанном месте. Все эти шпионские штучки пролетали в голове Михаила чисто механично, когда он пытался оценить ситуацию и понять, частью какого плана он стал.

Вскоре все его предположения подтвердились, когда их джип остановился возле пяти или шести других. Может быть, дальше во тьме, их было еще больше, но надвигающаяся

ночь прятала от глаз любые образы, водитель же, как оказалось, вел с помощью прибора ночного видения. Как только они заглушили мотор, к экипажу подошел воин в сутре. Сутра – это сверхновый скафандр из адамантитового сплава, невероятно дорогая и редкостная броня. Первые чертежи этого оружия попали в руки украинских ученых более семи лет назад от японской разведгруппы. Эти костюмы были ключом в будущее. Непробиваемые для пуль всех калибров, и неразрушимые для взрывных волн, они были не уязвимы. Михаил знал о них достаточно много. Воины, носившие сутры, дрались на мечах, которые владели уникальным энергетическим свойством, способным рассекать адамантит. Михаил прекрасно владел этим скафандром и мечом в частности. Именно из-за его успехов в редком в наше время искусстве владения мечом – Кен-до, его и взяли в, так называемую, разработку спецслужбы. В начале двадцать первого века найти мастера Кен-до, который имел черный пояс и был победителем некоторых всемирных турниров – это была невероятная роскошь для Украины. Михаил был важен, он первопроходец.

– Номер экипажа? – спросил воин слегка приглушенным голосом из-за множества фильтров скафандра. Он был почти не различим во тьме потому, что костюм практически не отбивал свет.

– Двадцать третий, киевский экипаж – ответил мальчишка водитель. Михаил запомнил его голос, слишком мальчишеский, он действовал успокаивающе в этой ситуации, казалось, если бы все было плохо, то тут был бы какой-то ветеран, прошедший все горячие точки мира, но за руль посадили едва окончившего академию пацаненка.

– У вас один спецпассажир. Капитан Михаил Соборов, прошу пройти со мной.

Миша бросил последний взгляд на своих спутников и вышел из машины. Воин взглянул на Михаила, сверяя его внешность с фотографией.

– Здравия желаю, товарищ капитан, прошу за мной.

Михаил слышал едва различимые шумы в суставах скафандра и характерные приглушенные щелчки в электронных мышцах. Через секунду его взяли под руку и повели. Михаил не мог отчетливо видеть во тьме и потому воин в скафандре, где были очки ночного видения, повел его по пролеску. Михаил с трудом различал в кромешной тьме отблески на джипах, которых оказалось намного больше. Если бы эту точку рассекретили, то от всех этих людей, военных, ученых или даже политиков, не осталось бы и мокрого места. Хватило бы одной связки гранат или одного отряда в сутре. Спустя еще пару шагов Михаила остановили. Он услышал, как открывается какая-то дверь, но визуально не мог различить буквально ничего. Вскоре его подвели к ступенькам, и он как слепой щенок неуклюже вскарабкался в какое-то помещение, которое оказалось не более метра – полтора по площади. Изнутри открыли еще одну дверь, что дало понять, что помещение это было создано для того, чтоб свет изнутри фургона не попадал наружу. Михаил оказался в огромном трейлере. Дальше справа стояло две сутры, которые очевидно ожидали своих владельцев.

– Ваше имя, сер? – к Михаилу подошел парнишка с листом бумаги на планшете.

– Капитан Михаил Соборов.

– Прошу сюда, сер, вы в списке на офицерскую сутру первого класса. Это та, которая стоит справа, вам помогут ее одеть. Прошу поторопитесь.

Спустя пять минут Михаил уже был одет в прекрасную новенькую сутру, которая была еще и на него приписана, что означало, что этот скафандр отныне принадлежит только ему. Обычно сутру одевают не более чем за минуту. Пусть это и сложно, но умение быстро одевать и снимать скафандр – одно из основных, которому учатся будущие офицеры стального спецназа. Но, тем не менее, Мише пришлось настраивать его под себя хотя бы на глаз потому, что изначально они идут почти не подвижные, рассчитанные на человека со слабо развитой гибкостью суставов. Михаилу же требовались намного более свободные параметры. Пока он готовил свой скафандр, прибыл последний важный владелец сутры. Им оказался молодой

парень со странной для военного прической, похожей на прическу Джона Конора из второго «Терминатора». В самом начале Михаил подумал, что это какой-то тяжелый ребенок важной шишки, которого оберегают как президента. Потому, как парень был слишком уж сильно не похож на военнослужащего. У него на шее были татуировки, сам он был худощавым, а в носе была серьга. Однако спустя пару минут Михаил отметил, что парень почти самостоятельно справляется с сутрой, что есть довольно таки не простой задачей. Очевидно, что он уже имел дело с костюмом, поэтому выводы об этом юноше стоило попридержать к лучшим временам.

Как только Михаил оделся он вышел на улицу. Ему было легко и свободно в скафандре, он ловко воспроизводил и усиливал в десятки раз его действия. Но эта легкость была ощутима только владельцу и мигом улетучивалась, когда приходилось идти по земле или поднимается на ступеньки автотранспорта. К примеру, когда в трехсоткилограммовой сутре спускаешься по ступенькам трейлера, он пошатывается так, что кажется вы на карусели, а ступая на мокрую от дождя землю можно было погрузнуть на несколько сантиметров. Правда существовали уже новые сплавы адамантия и титана, которые, в отличии от сплава адамантия и чугуна, были около ста пятидесяти килограмм веса, что вдвое легче от этих сутр, которые были доступны на данный момент. Но титановые костюмы были намного дороже, а отличались только весом, поэтому их делали исключительно для спецгрупп разведки.

Сам по себе скафандр сутра походил внешне на робота полицейского, всем известного героя голливудской трилогии, однако отличались намного более высокой динамичностью в движении, не уступавшей в гибкости и скорости гимнасту. Также и сплав был намного прочнее, чем можно было себе даже представить. Особый металл, который был искусственно создан в военных секретных лабораториях, был чрезвычайно прочен и устойчив. Благодаря особому строению молекул, ему удалось придать невероятную плотность, в частности благодаря структурированности формы, позаимствованную у молекул алмаза. Алмазная пыль также была частью сплава.

– Капитан Михаил Соборов, меня зовут полковник Зорога, я командир отряда стального спецназа «Паладины». Мне поручено руководить спасательной операцией и вам придется мне подчиняться, пока вы не будете доставлены в Западное убежище – к Михаилу подошел мужчина в сутре, и принялся вводить его в курс дела.

– Нет проблем, но почему Западное? А как же Харьковский бункер?

– Харьковский Бункер не был тестирован после окончания работ, поэтому статус первого бункера передан Карпатии. Это временная мера, пока главный бункер не будет обжит и проверен спецнами. Нам нужно спешить. Отправляйтесь в БМП. Мы едем первыми на расстоянии два километра от остальных машин, чтоб в случае чего принять удар на себя.

– Хорошо. Я понял.

Михаил давно увидел два БМП и пять хамеров, которые стояли дальше в пролеске. Теперь, когда у него в распоряжении были сенсоры сутры, он мог по достоинству оценить размеры колонны. Он увидел и обычных бойцов, которые расположились по периметру, а с помощью тепловизора ему открылись и точки снайперов – разведчиков, которые были в радиусе ста метров вокруг колонны. Они не двигались, но тепло от них исходило. Что ж, все было организовано неплохо, и если бы этим ребятам не нужно было драться с другими воинами в сутрах, то тут можно было бы устроить вторую битву у Брестской крепости. Но если бы на колону напал отряд в сутрах, то все эти рубежи он бы прошел на одном дыхании.

Спустя полчаса обе машины БМП уже ехали на запад. Дорога была свободная от автомобилей, не было ни одного участника движения, а деревни были погружены во тьму. Тепловизоры выхватывали красные точки и силуэты движущихся людей. Сейчас, спустя всего несколько часов после начала атаки, нельзя было помочь этим людям, им необходимо продержаться несколько дней, пока не начнут отправлять спасательные отряды, которые должны

были бы приводить людей в бункеры, но все понимали, что это лотерея и многие не выживут. Пока что шла эвакуация тех, кто был в списках важнейших профессий, кто представлял собой хоть какую-то ценность, а просто прийти и рассказать людям про место расположения секретного бункера нельзя.

В БМП было тесновато. Восемь бойцов в сутрах сидели плечо к плечу друг к другу. Между рядами, практически на ногах лежал двух метровый крупнокалиберный пулемет Владимирова, в народе КПВ, единственное переносное автоматическое оружие, которое еще могло приносить пользу. Он стрелял 14.5 миллиметровыми патронами и предназначался в первую очередь против больших сил мепсов, которые были зашиты в легкую адамантитовую броню. Сутре пулемет не наносил вреда, однако кинетическая энергия пули из КПВ могла замедлить такого бойца. Под шквальным огнем из пулемета практически невозможно было продвигаться в сторону, из которой вели огонь. Также было доказано, что свыше десяти выстрелов из КПВ, выпущенных очередью в одну и ту же точку сенсорных очков, размером в один квадратный миллиметр, могли разогреть состав глазного стекла, и то давало трещину. Однако, в боевых условиях такую точность нельзя было выдать и даже в эксперименте пришлось ставить пулемет на специальные фиксированные опоры, чтоб выстрелы приходились в одну и ту же точку. Но, все же, офицеры прикрывали голову либо предплечьем, либо щитом, чтоб не получать такие неприятные удары, которые оказывали довольно таки ощутимые повреждения человеку, находящемуся в скафандре. Были даже случаи, когда воин в сутре, который пребывал в состоянии усталости и физического истощения или травмы, получал своеобразный нокаут от прицельного огня в голову короткими очередями. Поэтому пулеметчики никогда не отказывались пострелять по противнику в сутре. Вторым стрелковым оружием в отряде была крупнокалиберная винтовка NWS – 20, которая также лежала сейчас у ног в БМП. Она была предназначена для вывода из строя транспорта противника и кратковременного вывода из строя офицерского состава. Опять же, ударная сила пули банально вызывала потерю сознания или легкую дезориентацию, в основном оружие использовали именно против транспорта. В комплекте с винтовкой шло два ствола, один 14.5 миллиметров, а другой 20 миллиметров и носили ее в основном на креплениях за спиной, когда отряд был в рейде и в разобранном виде в остальных случаях. КПВ носили на специальной установке, которая в одном положении удерживала пулемет прижатым к спине, а в другом – поддерживала его под рукой бойца. Это достигалось с помощью перекачивания пулемета на подшипниковом колесе, установленном на правом плече. В общей сложности отряд стального спецназа состоял из пулеметчика, снайпера, трех воинов с повышенными навыками владения двуручными мечами и бойцом массового поражения. Снайпер и пулеметчик из холодного оружия владели небольшим щитом и заостренным дробящим оружием, которым было легко отбросить противника или нанести рваную рану. Такое оружие, как и все другое, было специально оснащено энергетическим веществом Ун, которое могло нанести вред адамантиновой стали. Щиты, которые носились за спиной, были и у остальных. У так называемых Тотусов, бойцов, натренированных на двуручные мечи, прозванных так потому, что их целями была сильно бронированная техника и офицерский состав противника, были всевозможные мечи от мала до велика и даже кинжалы. На латыни слово *totus* означает весь, вся или все, то есть подразумевается воин, который может все. Виджилант, боец, направленный на толпы мепсов, имеет в арсенале два одноручных меча и самый большой в отряде щит. Он мог драться и в защите, используя еще и огромный одноручный молот в паре со щитом, если ему нужно было отбрасывать волны мепсов, с которыми он физически не успевал расправляться мечами. Слово *vigilans* пришло с латинского языка и означает «заботливый» или, другими словами, воин, который должен прикрывать товарищей, или заботится о них. Все эти названия были придуманы в ходе глобальных изменений военной тактики, вызванных появлением сутры и мечей с частицами Ун. Старые название не подходили.

Колона приближалась к Хмельницкому. В черте города наверняка был и вирус, и Сирень 400, также ожидалось встретить группу мепсов, которые были замечены во всех крупных городах.

– Капитан, в воздухе обнаружен «скарабей» – один их воинов, который следил за показателями на мониторе, доложил командир колоне полковнику Зороге.

– А сирень?

– Сирени не обнаружено.

– Что на тепловизорах?

– На расстоянии трехсот метров видны большие группы объектов. Количество объектов свыше тридцати.

– Тридцать это мало. Разберемся в рукопашную, без шума. Пойдет Сверковский, Дреня и я. Остальные прикрывайте БМП. Мы бы не отказались от капитана первого ранга в офицерской сутре, если вы знаете что-то о бое – можете пойти с нами. Мне за вас ручались, и я многое слышал о вас. Если у вас есть причины не идти, то можете просто отказаться, я не хочу приказывать вам.

Михаил был не готов к этому. Он ожидал, что на них могут напасть, но помогать целому отряду стального спецназа в бою против кучки мепсов – это было подозрительно и слегка непонятно. Единственная причина подобной просьбы могла заключаться в том, что Зорога был не уверен в своих бойцах. Наверняка так и было, ведь многие не умели досконально обращаться со скафандрами и холодным оружием, и проходили переквалификацию в слишком короткие строки.

– С удовольствием – слегка преувеличил Михаил, – но с тем условием, что пойду я и один виджилант, больше никто не нужен. Связываться мы могли бы с помощью передатчика в скафандре. Я и виджилант останемся тут, и дождемся колону. Вам же, было бы более разумным ходом, отправится дальше на разведку. Тем более, что два наши БМП могут быть замечены с воздуха, и если мы задержим колону, то можем дожидаться организованной атаки.

– Что ж, пусть будет по-вашему. В таком решении есть смысл. Если вам будет угодно, то оставлю с вами Максима Годэ. Он не военный, но в свои-то двадцать три уже инструктировал наших бойцов. Может у него проблемы с дисциплиной, но как боец он намного сильнее моего виджиланта.

– Француз что ли? Ладно, мне все равно. Пусть будет по-вашему.

– Отлично, тогда удачи. Годэ на выход, переходишь под командование капитана Соболева. – Зорога передал приказ и двинулся к БМП. Когда Годэ выпрыгнул из второго БМП, Зорога осмотрел его взглядом, наверняка осматривая скафандр, кивнул и залез в БМП.

– Капитан? – мальчишка подошел к Михаилу.

– Имеешь хоть какое-то представление о том, как нужно себя вести в подобных военных операциях?

– Извините, но я не военный, но не беспокойтесь, свое дело я знаю. А звание мне обещали выделить в убежище, кажется, буду сержантом.

– Сержант так сержант. Идем на Юг. Там около тридцати мепсов. – Михаил позвал рукой и продолжил остальные рекомендации уже на ходу, его радовало то, что Зорога слышит их и этот малец, будь он чересчур капризный, постесняется противиться. Михаил не любил делать военные дела со штатскими, а особенно со штатскими двадцати лет отроду. Но он понимал, как редко встречаются нормальные бойцы на мечах и не перебирал.

– Следи за тылом. Если я смотрю вперед, ты следи за дорогой, чтоб нам не ударили в спину. Так же следи, чтоб не было никого на дороге. Там сейчас должна проехать колонна. Это понятно?

– Все понял, капитан.

– В бою особо не рискуй. Если не справляешься – сразу переходи в защиту и отбрасывай.

– Так точно – нарочито усталым голосом пробубнил французик, как его в уме прозвал Михаил.

Соборов также отметил про себя, что уже сожалеет, что поддался на предложение Зороги, этот эксперимент может закончиться плачевно. Да и кто такой этот Зорога? Почему Михаил решил, что ему можно доверить свою спину, если он прежде никогда не слышал этой фамилии? Как всегда излишняя доверчивость Михаила привела его в тупик. Разведчик в звании капитана, с опытом боевых операций и разведывательных действий в глубоком тылу врага, по своему обыкновению, как мальчишка доверял своим соотечественникам. Еще с детдома, когда ему казалось, что он один во всем мире и этот мир готов растерзать его на каждом шагу, он мечтал, что когда-то найдет себе друзей и наконец-то его прикроют. Когда Миша оказался в армии, то ему показалось, что он нашел свою семью, а встреча со Светланой окончательно успокоила его и он научился делить на своих и чужих, но теперь он жалел об этом. Мир рушился на глазах, все вокруг падает и разбивается, одно горит, другое взрывается, третьи умирают от невидимых для глаза причин. Где тут свои, а где чужие? Михаил смотрел на руины домов, которые подверглись массированному авиаудару, и начинал понимать, что случилось. Нет, он не собирался впадать в панику или кричать в безмолвное небо, он как-то привык уже к мысли, что что-то идет не так, и научился ее просто использовать. Это был просто настораживающий фактор, светодиод где-то в мозгу, который загорался тогда, когда надо было оптимизировать все свои усилия, когда нужно быть здесь, сейчас и полностью, и нигде больше. Иначе тебе крышка.

Они шли уже минут пять. Позади остались импровизированные баррикады из жилых многоэтажных домов. Это было тактическим ходом при химической атаке. Если противник хотел, чтоб жители города не могли уйти из зоны поражения до конца химической или биологической атаки, то нужно было отрезать основные пути отступления. На автомагистралях или развязках устраивали автомобильные пробки или вот такие баррикады из бетона.

– Они захлопнули двери в газовую камеру, парень, людей просто истребляли – Михаил заметил, что Годэ осматривает поле боя, стараясь понять, почему была произведена авиаатака. Соборову было плевать на его любопытство, но парня это отвлекало, а учить его уму разуму было не вовремя.

– Слышите лай?

– Да. Они за вот тем домом. Ты будешь атаковать первым. Одевай щит, и без геройства. Как только они бросятся на тебя, я ударю с фланга. Только не отбрасывай их на меня и не упали, иначе уже будешь бесполезен, они не дадут тебе встать.

– Откуда вы это знаете? Я таких тварей впервые вижу – очевидно Годэ нервничал. Тепловизоры показывали ему уже довольно таки отчетливые фигуры размером со льва.

– Ты их еще не видишь... Просто знай, что они ничего тебе не сделают, даже если будут год тебя грызть. Мы встречались уже с ними несколько раз в Африке. Тогда мы решили, что кто-то тестирует новое оружие, но не знали кто. Так что будь уверен, что я знаю на что они способны.

Они стояли за углом. Михаил выглянул первым, чтоб оценить свору. Свирепые твари без конца дрались между собой, лаяли и рычали. Это были настоящие дикие звери. В белой броне был вожак, который был чуть крупнее размерами, он вяло ходил со стороны в сторону и не обращал внимания на своих собратьев и их суетливые занятия, без конца всматриваясь во тьму и нюхая воздух, он, казалось, сейчас учует охотников. На мониторе Михаил видел показатели здоровья членов группы. У французика сердце плясало стэп.

– Посмотри на них, только не высовывайся сильно. – Михаил уже начинал сомневаться в парне. Он пытался успокоить его, дать привыкнуть к тому, что его ждет, опасаясь, что тот просто броситься убегать, если не будет готов.

Годэ выглянул и сразу спрятался обратно, прижавшись спиной к стене и закинув голову так, как делают, когда сильней беспокоится уже не возможно и нужно срочно что-то предпринять в направлении более умеренных эмоций. Степ французика переходил на более высокий уровень, и явно мог претендовать на призовые места в соревнованиях областного масштаба.

– Ладно, забудь, сам управляюсь – Михаил уже хотел идти, мысленно матеря себя за не собранность, которую он проявил там у БТРов.

– Нет, нет, я в порядке! – Годэ даже выставил руку, как бы останавливая Михаила – я пошел?

– Мне уже плевать, как хочешь. Только смотри меня не ударь, иначе я тебе башку снесу. Мой тебе совет – бойся меня, а не их, ладно? Это, во-первых, разумно, а во-вторых, очень полезно для твоего здоровья. Понял?

– Так точно.

– Просто вбег в толпу и поддержи их пять секунд. Я сразу за тобой. Главное не робей!

– Я все понял – стэп немного утих, но продолжался. Француз время от времени шумно выдыхал.

Годэ снял щит и мощный молот. Постоял еще секунду и побежал. Когда толпа из тридцати туш, весом в сто кило каждая плюс броня, увидела его, все сразу рванули как один. Когда на парня набросились, он закричал, как кричат прыгуны на резинках, и в итоге упал под весом, которого не ожидал встретить.

– Попробуй встать – уже спокойно проговорил Михаил. Он уже пару секунд рубился двумя мечами. Клинки входили в тонкую адамантитовую броню как раскаленный нож в масло, и, по меньшей мере, пять или шесть тварей уже лежало убитыми. Михаил вкладывал в удар огромные усилия. Бил то с разворота, то в прыжке, то раскручивался и веером клинков снова и снова влетал в толпу. На правой руке у него уже висел пассажир и всюду пытался разодрать адамантит, теряя по зубу в секунду. Позже, такой же клиент вцепился в ногу, но это было даже не ощутимо. Михаил оценил курьезность того, как стокилограммовые твари смешно развиваются как знамена при движении. Он не чувствовал их веса. Почему Годэ все еще лежит?

– Где, как ты?

– Я? Что делать мне? – парень сильно нервничал. Он оцепенел при виде той ярости, которая была на него обрушена. Они пытались прогрызть его всюду. Один даже схватил в пасть голову сутры целиком. Когда он налетел на него, парень инстинктивно закрыл глаза, когда же открыл – было темно даже в режиме ночного видения. Когда перешел в инфракрасное, то все стало красным – у меня что-то с очками, все красное, Капитан.

– Просто тварь в лицо вцепилась, сбрасывай и поднимайся. – Михаил уже перебил половину своры и говорил с легкой отдышкой. Начинались проблемы с движением, и про прыжки пришлось забыть. Михаил не хотел отбрасывать псов, чтоб они не вздумали убегать, тем более, что рассчитать силу толчка не всегда удастся и обычно отбрасывающие движения приводили к тому, что противник улетал на метров пять или шесть. Выйдя из боя мепсы могли сбежать потому, что ими двигал еще и инстинкт выживания как у волков. Нужно было методично их истребить, и не позволить кому-то из псов напасть на колонну незащищенных людей. Один мепс мог легко разодрать даже метал джипа, не говоря уже про пассажиров. А убить такого из стандартных автоматов тоже не вариант. Пришлось бы стрелять из пулеметов, а это – тоже самое, что накрыть поляну и начать жарить шашлыки в клетке со львами. Весь город, если бы в нем еще были группы, прибежал бы на пикник. Но Годэ решил по-своему. Ему показалось, что проще будет встать, если сбросить с себя пару тварей. Он отмах-

нулся тридцатикилограммовым молотом и два мепса улетело к стене того дома, где секунду назад он пытался утихомириться. Когда Годэ поднялся на ноги – стало еще жестче. Парень оказался не плохим бойцом. Взяв довольно-таки не плохой темп, он сметал по пару мепсов за удар. Ударяя то страшными сокрушительными ударами сверху вниз, то махал молотом, нанося боковые удары, а иногда довольно таки профессионально делал удар с разворота. Умение обращаться со щитом тоже присутствовало, твари то и дело натывались на блок и скользили в низ. Единственным недостатком была паника, с которой он все это делал. Парень забыл все установки и разбрасывал собак то туда, то сюда, и не все они погибали от ударов. Несколько из них хромя убежали на север, как раз к дороге.

– Успокойся, хватит – Михаил подбежал и схватил Годэ за руку. Но тот никак не мог успокоиться, и наносил удар за ударом по почти размытому по асфальту мепсу.

– Да успокойся ты, если хочешь то вернешься потом и продолжишь, он все равно уже никуда не убежит.

Но парень все никак не мог оправиться и остановиться, молчаливо молотя останки пса, он уже пробил асфальт. Тогда Михаил снял щит и ударил им Годэ, отбрасывая юношу. Только потом тот утихомирился и стал потихоньку приходил в себя.

– Простите, простите, капитан, простите – бормотал малец, отходя от шока и пытаясь выровнять свое дыхание. Михаил догадывался, что так будет, поэтому теперь он быстро смирился.

– Пойдем, несколько из них побежали в сторону дороги. Нужно быстро настичь беглецов. Я побегу вперед, но смотри мне, чтоб не отставал.

Михаил побежал к дороге, на север, где их либо уже ждали машины, либо же эти машины должны прибыть с минуты на минуту. Он пару раз звал Максима Годэ и тот отвечал в ответ что-то невнятное, но по отдышке было понятно, что парень бежит следом. Соборов всматривался в основном на редкие кровавые следы. Дикая регенерация закрывала рану и крови из беглецов капало все меньше. Пока что следы вели точно на автоколонну, которую уже было видно, хотя тепловизоры не показывали зверей. Бежать было легко. С асфальта сутра прыгала под два метра, а если постараться, то можно было подпрыгнуть и выше, так что обвалы и груды бетона были скучными преградами. Михаил помнил, как на тренировках они лазили в горах, по отвесной скале. Тогда нужно было вбивать конечности в камень, чтоб зацепится, и это было куда сложнее, чем бегать сейчас. Однажды Михаил не заметил разницу в уровнях, потому, что был в очках ночного видения, и случайно зацепил правой ногой небольшой кусок армированного бетона, который частично был зарыт в земле. Движение было мягким, потому булыжник не раскололся, а полетел далеко перед Соборовым. Сутра придает непередаваемое ощущение бесконечной мощи, но вместе с этим ощущением в комплекте идет также безграничное легкомыслие.

Сутра не делает бойца бессмертным, она лишь дает ему больше шансов выжить, это просто способ, оружие. Те, кто впадает во власть силы этого скафандра, снимаются с должности и идут мыть полы в казармах или умирают. Человек должен оставаться человеком всегда. Михаил хорошо знал это. Тренировки в горах вспомнились ему не зря. Один его товарищ тогда сорвался вниз с огромной высоты. Метров сто не меньше. Даже в полете он твердил в микрофон, что главное выпрямится и упасть на ноги и все будет хорошо, но это было не так. Он действительно умудрился выпрямиться, чем, тем не менее, только повысил скорость своего падения, и упал на ноги. При этом сделал это правильно, на согнутые ноги, позволив мышцам поглотить скорость. Сутра выдержала, магнитные мышцы не оборвались, просто тот парень, по обыкновению, напряг их так сильно, как только смог, инстинктивно полагаясь на эластичность, которая есть у природных мышц тела. Однако сила мышц костюма была куда на много выше, и этой самой эластичностью мышцы не обладали. Если они не могли выполнить приказ, они все равно пытались это сделать, пока не обрывались. В том

конкретном случае костюм подчинился и банально остановил падение, а не амортизировал его, тем самым не поглотив огромную инерцию, которая ударила по внутренним органам парня. В результате перелом позвоночника и летальный исход. Мораль такова, что возможности костюма заканчивались там же, где заканчивается мастерство владения им. Легкомыслие – враг воина, который носит это чудо техники... Единственный враг.

– Бизон, это Змея, вижу двоих металлических псов, направляются к колонне! Бизон, это Змея, как понял? Вижу металлических псов направляющихся к колонне! – в наушнике Соборова прошипел сигнал от колонны. Докладывали спокойным, но торопливым голосом, как всегда подумал Михаил. Он соскучился от этих голосов в наушнике.

– Змея, я Бизон, вас понял. Не открывайте огонь, повторяю, не открывать огонь! Я уже близко.

– Вас понял, Бизон, ожидаем ваших действий.

Михаил перепрыгнул последний фрагмент стены и увидел колону. Около двадцати джигов и пять хаммеров ожидали на дороге. Машины были без света фар. Два мепса медленно шли к ним. Один сильно хромотал на заднюю лапу, даже издалека было видно, что она повернута не естественно. Увидев эти следы от дробящего оружия, Михаил припомнил о Годэ. Обернувшись, он заметил, что парень за его спиной в двух метрах. По осанке парня он заметил, что тот слегка не в себе.

Мепсы были натренированы атаковать мелкие автомобили и держатся подальше от больших. «Даже раненый мепс полезет грызть шины вашему седану, будьте уверены» – так говорил инструктор. Но сейчас псы были ранены и озадачены размерами. Они не могли определить большие перед ними автомобили или маленькие и держались на расстоянии в несколько десятков метров. Удивительная сцена. Длинная колонна из машин, два матерых спецназовца и между ними эти несчастные жертвы, которых тренировали на смертоносных охотников. Действие проходило на пустыре под светом, почти что полной луны. Времени не было, Михаил решил поручить дело парню. Ему нужно знать, что один прокол не делает его бесперспективным, он должен понимать, что он в кругу друзей, которые всегда прикроют и поддержат. Те кто не получает второй шанс или получают его слишком поздно, часто ломаются.

– Справишься, француз? – Михаил даже повернулся к Годэ, чтоб тот понял, что это не шутка.

– С удовольствием, товарищ капитан!

На этот раз боец высвободил более привычное для себя оружие, два меча. В правой руке был меч более похож на огромное мачете, а в левой, как обычно, массовики носили колющий меч на две режущие стороны. Он смотрелся наиболее впечатляюще. Лезвие было как вытянутый треугольник, с медленно сходящимися двусторонними лезвиями. Годэ полностью сосредоточился на двух мепсах. Он какое-то время думал, как завязать бой и заставить их атаковать, чтоб они не начали убегать. Михаил тоже заметил это, но не стал советовать. Годэ вспомнил, что волки всегда атакуют суетливого и раненого зверя. Парень начал пылить ногами и бить ими по земле поднимая клубы пыли. Сработало! Один пес зарычал и начал идти на парня, тот, что был ранен, пошел по кругу, пытаясь зайти за спину, типичная тактика стаи. Максим уже не боялся спугнуть зверя и рванул на рычащую тварь. Тот тоже сделал пару шагов и прыгнул прямо к горлу Годэ. Парень не растерялся, и среагировал, уйдя в сторону и резко ударив рубящим ударом правой рукой. Пес завизжал и упал на землю с перерубленным позвоночником. В этот момент уже второй мепс, неимоверно напрягшись, рванул к Годэ и устремился к ноге. Макс подобрал ногу и псина, промахнувшись, оказалась под ней. Парень ударил в тот же миг со всей силой прямым в голову. Огромной силы удара не хватило. Адамантитовый шлем пса выдержал, но, все же, погрузившись слегка в землю, немного поддался и нажал на голову. Пес заскулил и отчаянно пытался вырваться. Годэ пой-

мал себя на мысли, что ему даже жаль этого монстра, и он быстро добил его заостренным клинком, та же участь ждала и другого пса.

– Хорошо, поехали. – Соборов трусцой направился к колонне.

Остаток пути Михаил и Годэ провели в замыкающем хаммере, который освободили специально для них, оставив только водителя. Шестьсот килограмм плюс водитель и амуниция были достойны такой чести. Мальчишка вырубился почти сразу и, чтоб не слышать его храп, пришлось выключить групповой канал связи. Михаилу показалось, что он остался один в целом мире. Он специально выключил все визуальные фильтры и начал просто всматриваться в темноту. Рев двигателя был почти не слышен из-за отключенных внешних звуковых сенсоров, водитель, который был в очках ночного видения, больше был похож на робота. Колонна ехала быстро. Иногда объезжая обвалы или столкнувшиеся автомобили, машины виляли на скорости в сто километров в час. В этой кромешной тьме Михаил всем своим сердцем почувствовал пустоту, которая его окружала. Единственный человек, который мог его одернуть как ребенка от этой пропасти была Светлана. Соборов уже всматривался в эту пропасть бездушной суеты, глупой войны, чужой войны, в которую он как мальчишка влез побуждаемый жаждой славы. Лучше он выбрал бы профессию врача, он стал бы отличным врачом, строгий и собранный, он бы всегда был на чеку, это у него с детдома. Тогда он бы нес жизнь, а сейчас он несет смерть. В его деле есть смысл, но это путь ребенка со свечкой по темному лесу. Потерял свечу – и ты еще одно обреченное приведение. Размышлять больше не было сил, и вскоре Соборов уснул.

Глава 2. Несокрушимый

Doom spiro, spero – «Пока дышу – надеюсь»

I

*Украина; г. Дубно
Воинская часть 4589
27 августа 10:00*

По длинному армейскому складу, почти бесшумно, шел человек с большим ящиком. Он был в синей форме, такой как у летчиков, которая одевается спереди и нужно вставлять ноги сразу в штанины, а потом просто застегиваешь молнию и ты уже полностью одет. Это означало, что этот человек работник этого склада. Он был атлетического телосложения, с короткой стрижкой популярной среди служащих в регулярной армии, когда сверху голову покрывает слой коротких волос, а по бокам и сзади она подстрижена самой мелкой насадкой машинки, и кажется, что волосы только на макушке. Этого парня зовут Гавриил, Гавриил Нелевский, но он никогда не слышал своего имени, потому, что с детства он не может ни слышать, ни говорить. Если бы не его отец, уважаемый полковник сухопутных войск, то его мечта служить в армии никогда бы не сбылась. Гавриил всегда хотел служить в армии, его привлекал порядок, смысл жизни воина, который готовится каждый день к защите своей земли от разного рода угроз и своего рода братские отношения среди служащих. Он терпеть не мог конкуренцию между людьми потому, что был убежден, что Бог каждого наделил качеством, в котором ему нет равных, и каждый должен быть на своем месте. В армии же каждому находили применение, пытаясь использовать таланты людей в полной мере. Пусть его жизнь висела на репутации отца и нескольких его должников, он все же был частью этой системы, ему нравилось работать тут.

В обязанности Гавриила входила чистка оружия, приведение его в должный вид и даже ремонт. Ему пришлось изрядно преуспеть в этом деле, чтоб получить право заниматься чем-то отличным от мытья полов или слежки за сроком годности продуктов питания на складе. И он работал несмотря ни на что. Гавриил видел, как подсмеиваются над ним невежи солдатики, которым подавай веселье, он даже читал по губам некоторые фразы, но это не влияло на него. Он прожил такую жизнь, в которой без смирения ты просто сгоришь изнутри. Тебя уничтожат твои же желания, которые ты никогда не сможешь реализовать, они приведут тебя к злости, ненависти, которые заберут у тебя твою жизнь. Поэтому он работал с удвоенной силой и, в конце – концов, чтение огромного количества литературы по оружейному делу, бесконечная практика и небольшой талант к механике сделали свое дело.

Как бы там ни было, а Гавриил хотел не этого, он, конечно, старался изо всех сил быть полезным, но в душе он мечтал оказаться на поле боя.

Когда с базы уходили на задание ребята, Гавриил всегда следил за ними издали, он представлял, что с ними уходит и он. Представлял, что не знает, вернется или нет, что задание невероятно сложное, но его нужно сделать. Например, в какой-то горячей точке, идет международная антитеррористическая акция и сегодня вечером нужно провести операцию, результат которой завтра скажется на будущем тысяч людей. Он обязательно смог бы, обязательно справился бы и отдал свою жизнь, если бы пришлось, ведь не сделай он этого, погибли бы его родные отец и мать, возможно, его будущая жена... Он был простой парень, с простыми мечтами о воинской славе, о важном деле, об участии в чем-то важном. Нет, он не

принадлежал к числу тех, кто верил в нерушимую славу своей страны, или ее вождей, которым никогда не интересовался. Нет! Он сознательно мечтал бороться с любым проявлением зла и несправедливости, он жил этим, он дышал этим, он готовился к этому каждый день. Что-то неведомое, какой-то древний воинский инстинкт вел и подстегивал его каждый день.

Но он не позволял этому желанию захватить все уголки его души. Он слишком хорошо знал, до чего приводит подобная жажда. Когда-то, казалось бы очень давно, еще в юности, он впервые влюбился в одну девочку, которая жила по соседству. Ему было лет тринадцать, а ей на год меньше. Он, конечно же, был знаком с ней еще с детства, но каковым было это знакомство? Кто он был для нее? Молчаливым, закрытым парнем, у которого не было ни друзей, ни особых способностей, парень, который целыми днями проводил за книгами или же в работе по дому. Несмотря на это, девочка, все же, взялась за роль единственного друга для этого странного человечка. Однажды летом, когда было куча свободного времени, Лена, чисто из любопытства, попросила научить ее языку глухонемых. Она стала первым человеком, который был рядом с Гавриилом так много времени, общался с ним, гулял и даже делился эмоциями. Они смеялись над комичностью попыток Гавриила объяснить то или иное сложное слово, которое он и сам плохо знал. Гуляя по улицам их маленького городка они ели мороженное и рассматривали все вокруг, а когда происходило что-то смешное, или просто любопытное, они многозначительно переглядывались и понимали эмоции друг друга благодаря одним этим взглядам. Иногда они следили за попытками почтальона отдать пенсию бабушке Кате, у которой была огромная овчарка подаренная детьми. Эта овчарка страшно не любила почтальона и всячески препятствовала его работе. Ребята тогда решили, что это из-за запаха спиртного, которым любил баловаться почтовый работник. Последний, кстати, предпочитал не оставаться в долгу и покрывал агрессивного пса всевозможной народной мудростью, которая, очевидно, должна была понизить самооценку овчарки и остудить ее пыл. Со стороны все это смотрелось очень мило, и ребята получали от такой стычки человека и животного массу позитивных эмоций. Особенно радовало время спектакля, оно было довольно таки продолжительным. Старая женщина обладала очень плохим слухом и в тех случаях, когда она уходила на огород, за дом, то совсем не слышала лая овчарки, и почтальон проводил у ее ворот немало времени. Самым любимым занятием для Гавриила было учить Лену языку жестов. Во время таких уроков они погружались в его мир, где не было звуков, и юноша чувствовал это. Они сидели друг напротив друга и могли следить за каждым движением глаз или изменением линий на устах, что передавало те эмоции и ту информацию, которая была доступна Гавриилу. В такие моменты Гавриил постоянно улыбался не в силах сдерживать радости, ведь в его мире тишины и невероятно тонких деталей, которые давали ему представление об тех или иных вещах, поселился еще один человек. Гавриил улыбался, и Лена отвечала ему тем же, хотя и не могла понять тех чувств, которые переполняли ее друга. Скорее она просто не придавала этому какого-то глубокого значения. Даже родители не были так близки с ним, ведь они всегда были заняты, а вечером приходили усталыми. У него были еще учителя, но те просто давали ему знания и совсем не интересовались им как человеком. Да, родители любили его безумно, как и все хорошие родители, но они скорее ждали, когда он станет взрослым и поймет тот мир, в котором живут они, не пытаясь вникнуть в то, что создавало Гавриила как человека. Да и не могли они сделать это полноценно, жесты хороши для общения, но когда разговоры заходили в тупик, то проще всего было просто улыбнуться и уйти. Кто-то всегда выбирал именно этот путь, причем чаще всего его выбирал именно Гавриил. Кто знает, кем бы он вырос, если бы в его жизни не появилась Лена. Она была другом и человеком с другой планеты, буквально из другого мира. Она, сама того не зная, вытащила его из пропасти внутренних миров, которые он уже начинал строить дабы убежать от тех реальных вопросов, которые нависали над ним, от одиночества, от безысходности положения и от неопределенности будущего. Гавриил терял веру, а эта

девочка вдохнула ее в него снова, и он доверился ей полностью. Парень увлекся этой дружбой всецело, ему вдруг показалось, что он не чужой в этом мире.

Но лето длилось всего три месяца, а осень означала, что она идет в школу, а он начинает свои вечерние занятия. Так уж сложилось, что Лена училась днем, в первую смену, а Гавриил во вторую, под вечер. Учителя, которых нанимал отец, могли преподавать только после обеда. В итоге ребята виделись все реже, иногда на каждые выходные, а иногда еще реже. Гавриил хотя и хотел видаться чаще, но по-детски решил, что это не так уж и важно. В этот сложный период он, как и большинство подростков, которые ищут себя, увлекался самыми разными вещами. Для него их было меньше, но все же он пробовал заниматься различными занятиями. В одно время это была живопись, к которой у Гавриила оказались способности, потом это были наука, а потом спорт. Так шел год за годом, но в трудные моменты, когда приходили неудачи или болезни, из глубины подсознания всегда приходил образ Лены, первого и последнего человека, который увидел в нем личность, какой бы она не была.

Но скоро Гавриилу пришлось узнать, что такое потерять свое счастье, оказаться опять одним против всех. Этим летом ему исполнилось семнадцать лет, а Елене – шестнадцать. Когда она сдала все свои экзамены, закончила другие дела, о которых Гавриил и не знал, они стали видиться каждый день. Ходили на озеро и даже записались на кружок рисования, куда очень хотела пойти Лена. Гавриил был, мягко говоря, не в восторге от этой идеи. Он знал, что там он будет как дикий зверь в зоопарке. Всем захочется проверить, правда ли он глухой, правда ли, что он не может говорить? Жестокие подростки могут даже попытаться нанести ему вред, чтоб услышать, что он скажет или прокричит, такое уже бывало прежде. Но ради Лены и ее умоляющих взглядов он согласился на это и был рад, что поступил так. Девушки и парни, которые ходили в эту школу, были немного другие, они работали над своими холстами, старались угодить учителю или еще кому-то, но им практически не было дела до Гавриила и ему это очень сильно нравилось. Он даже полюбил этих ребят, потому, что они не только смеялись или вели бессмысленные беседы по углам, как это делали его соседи одноклассники, они работали, стремились к чему-то кроме веселья. Но больше всего он полюбил этот кружок за то, что отныне он был не разлучен с Леной, даже больше, он тренировался с ней и вне школы. Они пытались изучить многие стили и работы других художников. Для Гавриила этот мир красок был немного знаком, и он чувствовал себя в нем ловко. А Лена была в нем новичком, но от нее исходило нескрываемое любопытство.

Один из таких вечеров закончился романтическим и незабываемым поцелуем. Гавриил тогда понял, что Лена стала частью его жизни раз и навсегда, и ему дико не хотелось отпускать ее в тот вечер. Он уловил какую-то грусть в ее глазах, видел, что что-то идет не так, чувствовал это, но его собственное счастье затмило все подозрения. Они расстались около полуночи, а на следующий день Гавриил узнал, что Лена уезжает. Мать сказала ему, что видела, как они грузили сумки в машину и уезжают, как она сказала: «скорее всего, на вокзал». По чистой случайности она решила узнать у Гавриила, куда именно они едут, потому, что даже подумать не могла, что сын не в курсе. Вчерашняя тревога снова всплыла в мыслях Гавриила, он быстро оделся и помчался пешком на вокзал. Он бежал в надежде, что Лена не уедет, что она просто провожает кого-то, а перед глазами крутились жесты матери, которые говорили о том, что все ребята уезжают в город на учебу. Что и Лена, наверное, поедет. Но Гавриил никогда не верил в это.

Он выбежал к путям, где было всего два перрона, вполне справлявшихся с их маленьким городком. Он пробежал глазами по людям и увидел Лену, которая была в очереди к вагону, она не видела его, и он не знал, как поступить. Что сделать? Побегать туда и на глазах у ее родителей обнять ее? Попытаться сказать что-то? Что? Что она для него важнее всех? Ох, если бы он понял это тогда и, если бы рванул изо всех сил и попытался что-то объяснить. Но сколько из этого она бы поняла? Гавриил помедлил, он понимал, что проис-

ходит что-то очень важное, но не был уверен, что от него что-то зависит. Он помедлил еще миг и, уже казалось, решился подойти и попытаться объясниться, сделал шаг, и в этот миг перед ним промчался большой товарняк. Он все ехал и ехал, в нем было тысяча вагонов как минимум, точнее так казалось Гавриилу. Он видел в короткие миги, когда образовывались пролеты между вагонами, как очередь Лены все уменьшается и уменьшается, люди входили в вагон. Вскоре товарняк наконец-то пролетел мимо, и Гавриил увидел, как проводник, окончив посадку, опускает мостик и готовится закрывать двери. Парень в отчаянии пробежался глазами по окнам и увидел в одном из них Лену. Она смотрела на него, прижавшись лбом к стеклу. Он перепрыгнул через перрон, подбежал к окну, не зная, что сделать, глупо было говорить, что он любит ее, что жить без нее не может, ведь по-сути они не были вместе, и он и сам не знал точно насколько она ему дорога. Он спросил на языке жестов – куда она едет, она ответила, что это переезд, что они уезжают навсегда. Гавриил помедлил, она улыбалась, он глупо улыбался в ответ, они были растеряны, на глаза находили слезы, а на лице была улыбка. Поезд тронулся, и Лена помахала Гавриилу, у нее на глазах выступили слезы, он шел за поездом, который все набирал ход. «Я напишу тебе» – показала жестом Лена, когда Гавриил уже почти бежал, вскоре перрон закончился и Нелевский остановился. Улыбка сошла с его губ, рука перестала махать и опустилась, будто под грузом в несколько тонн. Что-то кричало в нем, он никогда прежде не чувствовал такого, что-то неистово разгоняло сердце и разливало реки огня на него. А позже пришла пустота потом надежда, потом опять боль и так бесконечно. Гавриил стоял на краю перрона еще несколько минут после того, как поезд скрылся из виду...

Этот случай круто изменил его жизнь. Длительная депрессия привела к череде болезней, потом воскрешение и несколько выводов как результат урока. Любимым девизом для Гавриила стала случайно найденная в интернете фраза: *Doom spiro, Spero* – «Пока дышу – надеюсь». Гавриил понял, что с таким девизом отныне он будет непобедим, а чтоб не пропускать счастье ему пришлось под корень сменить свое понимание любви и всего что с ней связано. В частности он понял, что кроме того, чтоб найти любовь ее еще нужно распознать и уберечь. Лена позже написала ему, что не знала, что сказать и как сказать, и обещала, что они обязательно встретятся еще. Тогда начался период переписки, который уже больше не заканчивался. Иногда они встречались в городе и это были самые прекрасные моменты жизни Гавриила. Их любовь и сейчас висит на волоске, испытываемая обстоятельствами и ни он, ни она уже не берутся строить планов, но то счастье, которое они уже отдали друг другу никогда и никто уже не сможет затмить. Гавриил мечтал и много работал над тем, чтоб устроить будущее для него и ее, но у них было еще много преград, да и встречаться они начали все реже. Гавриил понимал, что возможно это конец, но выводов делать не спешил.

II

Утро сегодня выдалось пасмурным. На пробежке Гавриил не встретил ни своего соседа по беговой дорожке, бывшего боксера, ни нескольких молодых парней, которые почти всегда выходили на беговые дорожки стадиона. Вскоре начал капать дождь, заставший Гавриила на турнике. Тот стал скользким, и заниматься стало трудней, да и плечи намокали, и было принято решение возвращаться домой, пока дождь не усилился. Тренировка была продолжена дома. Отжимания и отработка ударов, а также, что стало новым увлечением Гавриила, тренировка боя на мечах. Он нашел руководство по неким костюмам на складе, а потом появились сутры, требующие умения драться на мечах. У них их было всего две. Гавриила приписали к ним как мастера по механическим частям, суставам и другим. Тогда – то он и понял, что грядет другой век, век таких вот скафандров, которые сделают стрелковое оружие вчерашним днем, и он начал практиковаться в бое на мечах. Он не знал почему, но что-

то говорило ему, что он должен. Нет, у него не было шансов попасть в элитные войска, где нужно координировать действия по рации, но он верил, он все еще верил в чудеса и шел на поводу своих предчувствий.

Важной составляющей тренировок Гавриила было развитие внимания. Он очень внимательно следил и за тем, чтоб его голова всегда была чиста от мыслей и идей, которые навязчиво роились в мозгу. Он старался быть чистым и открытым для любой информации, которая шла от окружающего мира, и он преуспел в этом. Он был красивым человеком. Он был силен физически и духовно, он был красив умом. Когда такие люди уходят от нас, мы не беспокоимся за них, мы плачем потому, что некому будет нас подстраховывать, что не будет того, кто всегда заметит угрозу, кто вытащит из самого ада. О таких людях говорят: «Думай о нем что хочешь, но когда мир начнет рушиться – молись, чтоб он заметил тебя зажавшегося в угол и обделавшегося от страха и вытащил прямиком из того света».

Гавриилу даже нравилось иногда мечтать о том, что он именно такой человек. Многие, если не все, парни мечтают быть героями, но одни только мечтают, а Гавриил стремился к этому, он набирался сил. Он замечал, что когда ветки деревьев шатаются от сильного ветра, то люди чаще оборачиваются в сторону, с которой дует. Зная о звуке и его свойствах больше чем другой рядовой человек, который с этим звуком знаком с детства, Гавриил понимал, что со стороны ветра приходит больше информации, а значит за этой стороной нужно следить чаще. Он учился читать тени, различать, как они ложатся на землю, от каких предметов или объектов отходят и как искривляются в зависимости от предмета, на который упали и от источника света. Весь мир вокруг него был как на ладони, а он при этом ничего не слышал. Кроме всего прочего он учился чувствовать субъективно, с помощью, так называемого, шестого чувства. Он запоминал, когда ему доверять, а когда нет, пытался изучить. Но вскоре пришел к выводу, что его очень легко спутать с фантазией и что настоящая интуиция приходит сама собой, когда существует реальная угроза.

После легкого завтрака Гавриил принялся утюжить форму. В результате всех действий в комнате и на кухне образовался бардак, и, в конце – концов, пришлось заняться еще и им. Закончив все приготовления, Гавриил отправился на работу. Он любил приходить пораньше, когда еще не было офицерского состава, который парня недолюбливал. Однако у Гавриила были мощные тылы, да и сам он стал профессионалом, за которым военные части драться должны, а не перебирать. Он мог выточить детали целиком, мог отремонтировать старые, а это тома знаний по металлу, механике и строению оружия. Те, кто вертел носом, были глупыми завистниками, которые не понимали, что все это результат тяжелого труда.

День выдался на славу. Может Гавриил и любил поработать, но и отдых был ему не чужд, а сегодняшний день не нес ни на его тело, ни на его разум, ни малейшей нагрузки. Поэтому, он на пару со своим наставником, довольно таки пожилым мужчиной, главным военным инженером во всем западном регионе, с головой ушел в развлечения. Как-то так сложилось, что именно сегодня был такой день, в который все вокруг застывает на месте и военная часть застыла. Офицерский состав испарился еще около двенадцати, тренировочная площадка была пуста, в ангарах кто-то был, но кроме звуков речи оттуда ничего больше не исходило. Потому старик и пришел к Гавриилу, очень уж он любил шахматы, а Гавриил любил учиться и преуспевать и к этому дню являлся серьезным соперником. Гавриил любил старика, тот всегда говорил с ним, несмотря на то, что Нелевский не слышал, и парню казалось, что он слышит и понимает, что он нормальный человек, который беседует со своим коллегой. Но без обеда им было не до игры. Поэтому пришлось пойти на старую хитрость, взять старый ящик и отправится на кухню. Если работник склада с ящиком, значит, он работает и совершенно неважно, куда он направляется. На кухне тоже были свои люди, которые не раз исчезали в тених складских помещений, чтоб отоспаться или просто позвонить

девушке. И вот Гавриил и его ящик с обедом уже направляются на склад. День обещает быть приятным.

– Ты изрядно преуспел в игре, друг мой – спустя несколько часов напряженной игры разорвал тишину Станислав Михайлович. Гавриил заметил, что тот что-то говорит, и вопросительно посмотрел на него. Мужчина, вспомнив об особенностях Гавриила, поднял большой палец вверх, вдогонку объясняя мимикой, что он удивлен сильной игрой Гавриила.

Сам Гавриил был удивлен. Сегодня он чувствовал себя невероятно хорошо. Много сил и некая легкость в теле, ему даже начало казаться, что он привык ко всем трудностям жизни и достиг гармонии и счастья в ней. Такое иногда бывает, даже глаза, кажется, замечают в несколько раз больше, а разум успевает за множеством деталей, которые прежде могли даже выводить из себя. Ближе к вечеру Станислав Михайлович ушел домой, как и большая часть персонала базы, но Гавриил еще оставался. Ему не куда было идти, и он проверял складские отчеты до позднего вечера.

В то время как далеко на востоке Михаил Соборов уезжал из Киева, опасаясь от атаки на его город, Гавриил Нелевский мирно рассматривал цифры на своем рабочем месте. Внезапно он заметил суету в коридорах. Люди носились туда и назад. Завопила сирена, но погасла через минуту. Гавриил выбежал в коридор, но там уже никого не было. Он отправился дальше на улицу и увидел страшную картину. В округе базы лежали люди. Кто-то вышел из здания напротив, сделал шаг и упал замертво. «Что происходит?» – кричал разум Гавриила. Из другого здания вышла группа людей в полной боевой готовности и противогазах. Химическая или биологическая атака – это было очевидно! Но на складе Гавриила было лишь оружие, если ему нужно добраться до противогазов, то это означает, что нужно пройти по зараженной территории, через всю базу.

Тем временем, пока Гавриил соображал, взвод, который выбежал из казармы, уселся в ближайший от них джип и помчался вон к выезду. Через миг джип начал менять направление и, резко повернувшись вправо, врезался в бетонный столб. Даже противогазы не помогли им! Но это и не удивительно, они были невероятно старыми, а фильтры были хуже обыкновенной маски.

Что же теперь делать? – мелькало в голове у Нелевского. И тут вдруг как гром среди ясного неба к нему в голову пришла мысль о сутре. Ведь у него на складе было две сутры, одна офицерская, которую одевать более предпочтительно и вторая обычная. Парень тут же помчался подальше от выхода вглубь склада. Ему, пожалуй, повезло, что на улице было довольно жарко, и воздух банально не двигался, ветра не было, иначе ядовитый газ задуло бы в маленькую дверцу склада и Гавриил бы тут же погиб. Но случай дал ему шанс и он его оценил, воспользовавшись им.

Еще одни двери остались позади. Нелевский бежал со всех ног к заветной двери в самую «крутую» комнату, как ее называли на базе те, кто о ней вообще знал. В этой комнате были сутры, оружие к ним и вся диагностическая и ремонтная аппаратура, которая прилагается в комплект к такой серьезной и дорогой технике. Эти сутры были тут случайно, они по бумагам уже давно стояли на складе в Луцке, а тут они несколько месяцев служили в тренировочных целях. Но это в теории, на самом деле они просто стояли тут, хотя однажды их применяли двое людей. Костюмы одели и забрали вечером, и спустя сутки вернули. С тех времен они служили любопытству Гавриила, и он утолял его в полной мере, как ребенок, получивший на рождество железную дорогу. Сейчас ему предстояло осуществить свои мечты, одев его, и одновременно окупиться в ад, который ждал его снаружи.

III

Украина; г. Дубно.

*Улицы спальных районов и окраины.
27 августа 17:30*

На улицах было пустынно. Машины стояли где попало, некоторые, потеряв водителя, врезались в столб или стену. Новенький джип БМВ, расплющив передок до неузнаваемости, уперся прямо в фонарный столб и тот согнулся почти на крышу джипа. Ближе к городу ехать стало не возможно. Среди машин не было дороги, Гавриил уперся в пробку. Пришлось покинуть БМП и отправится дальше пешком. От машин еще исходило тепло, с момента, когда на базе начали умирать люди, прошло всего десять минут. Пять минут пришлось потратить на одевание сутры, которая требовала тренировки в этом вопросе. Но теперь Гавриил шагал вполне уверенно. Он взял все оружие, которое было доступно, кроме снайперской винтовки, ожидая, что цели на большом расстоянии он все равно не заметит, не имея предварительных данных о них. Итак, в арсенале у него был большой двуручный меч класса Тотус, два меча поменьше класса Виджилант, большой кинжал, похожий на мачете, который крепился на голени и маленький нож для метания и личных целей на левом плече. Из огнестрельного – Гавриил прихватил КПП с полным походным комплектом, это был перебор, но он не знал о том, что его ждет.

Подойдя к когда-то людным местам и улицам, превратившимся в одно сплошное кладбище, Гавриила охватила паника и страх. Казалось, что все сговорились и куда – то ушли, в рай или еще куда-то, а Гавриила оставили одного на этой земле, пожинать плоды их поступков. Мозг старался объяснить сложившиеся непонятные обстоятельства, удивительное качество. Могло показаться, что это какой-то глобальный розыгрыш или протест против отсутствия мест для отдыха. Все люди сговорились и решили провести странную акцию. Они улеглись на асфальт где стояли и ждали команды на отбой. Гавриил вглядывался им в лица пытаясь увидеть признаки жизни. Он заглядывал в глаза и быстро отводил взгляд, такой пустоты он еще не видел, в этих глазах уже ничего не было, у них не было даже взгляда. Гавриил почувствовал слабость и легкую тошноту, сердце билось как сумасшедшее, а ноги стали тяжелыми как многотонные бетонные плиты. Он упал на колени и подался вперед, на руки, чтоб не упасть на бок. Это был ужас. Стены домов начали нависать, машины приближаться, перед глазами мелькали лица умерших, хотелось закричать, позвать кого-то, Гавриилу эта роскошь была недоступна. Он не мог понять, что с ним, а потом понял. Перед ним лежала Лена. Сомнений быть не могло... Он попробовал кричать, но так и не понял, что с того получилось. Ему уже возможно некому будет рассказать о том, что он чувствовал в этот день. Внутри что-то порвалось навсегда.

«Как так?» – мелькало в голове у несчастного человека, который, казалось, остался один на всем белом свете. Он заплакал. В груди что-то пекло, что-то рвалось наружу. Гавриил впал в гнев. Впервые за свою жизнь он впал в ужасный гнев. Силы снова влились в его мышцы. Он сбросил пулемет, взял на руки Лену, и снова упал на колени, снова заплакал, увидев ее. Его начало мучить чувство вины. Он снова поднялся и не сводил с нее уже глаз. Он шел обратно, за город, он клялся себе, что отомстит каждому врагу, который причастен к этому. Гавриил вспомнил о родителях, любовь к ним вернула ему человеческий облик. Он успокоился и силой воли подавил остатки страстей. Позже слезы возвращались, он не думал раньше, что Лена значит для него так много. Она была его единственным другом, его мечтой и надеждой одновременно.

«Я буду сражаться во имя моей любви к тебе» – это стало его новой целью, жить и сражаться с теми, кто причинил вред самому дорогому для Гавриила человеку.

Начинало темнеть. Гавриил смирился, что он должен продолжить свой путь. Заложив тело Лены камнями, буквально построив из обломков бетона саркофаг, он взвалил на низень-

кие стены огромную плиту, которая прежде служила перегородкой для этажей. Крест из металлических прутьев и короткая молитва, вот все, что он мог сделать. К сожалению, все...

Обессиленный потерей Гавриил отправился в город. Начало смеркаться. Когда он вернулся в тот же район, где нашел Лену, пережитая боль потери с новой силой нахлынула на него, но больше Гавриил не дал этому ходу. Хватит. Нужно было жить дальше. Он ничего не мог изменить, он не мог забыть, не мог даже всецело смириться, и он отдавал себе в этом отчет. Тогда он просто взвалил и этот крест себе на плечи и пошел вперед.

«Господи, прошу тебя, прости мне, если я своими словами или действиями прежде позорил тебя, прости, что никогда не обращался к тебе с доброй вестью и никогда не благодарил, но сейчас мне нужна твоя помощь. Прошу, позаботься там о Лене, я уже не в силах ей помочь. Прошу укрепи и меня, я не знаю куда идти и что мне делать, я не в силах уже и подняться. Я верю, что слышишь, тот кто есть любовь не бросит меня сейчас. Спаси меня и ее, Отец, любым способом каким захочешь».

Гавриил молился про себя, стоя на колене и опираясь на меч, как когда-то молились мужчины, которые отправлялись из дома защищать родину. Он стал заложником обстоятельств. Ему предстояло воевать, как он и хотел и вот она парадоксальность нашей жизни, теперь он ненавидел эту войну всем сердцем, как только мог ненавидеть человек такого доброго и чистого сердца как этот.

Набравшись вдохновения, Гавриил оглянулся по сторонам, вокруг не было никого. На дома падало желтое солнце, уходящего дня. Оно пробиралось сквозь деревья, покачивающихся от ветра, которого Гавриил как и прежде не слышал. На улицах по прежнему лежали люди. Гавриил встал на ноги и осмотрелся. Впереди была улица, ведущая прямоком к центру. Левее была многоэтажка, которую выстроили под офисы несколько лет тому назад. Краем глаза Гавриил уловил, что с третьего этажа этой многоэтажки выпрыгнула фигура человека, и он побежал туда. Перепрыгивая и наступая на прогибавшиеся под ним автомобили, Гавриил за полминуты подбежал к дому. Как только он выбежал из-за угла очередного строения и начал осматриваться, его вдруг охватила тревога, он посмотрел на право. Там был украинский танк, который стоял как раз дулом в сторону Гавриила. Дуло опустилось на сантиметр, и прогремел выстрел. Пусть Гавриил и не слышал звука, но в его голове все равно сильно загудело от столкновения со снарядом. Он летел и летел, пока не ударился спиной о стену, наконец-то, остановившую его. Тяжело поднявшись, Гавриил заметил, что при всей ужасной силе удара сутра не повредила. Немного поцарапалась краска и теперь посреди грудной клетки, в месте непосредственного столкновения со снарядом, появился блеск вместо незаметного мата. Быстро оправившись от головокружения, Гавриил отпрянул в сторону, от места, где он упал, с трудом успев сделать это до следующего выстрела. Спустя миг прогремел еще следующий залп и от стены полетели осколки, но это уже было не страшно. Нужно было двигаться к танку зигзагом, перекатываясь то влево – то вправо, это первое, что пришло в голову парню. Но перекатившись пару раз, он понял, что башня танка все равно не успевала за ним, и он бросился бежать быстрее, иногда перемещаясь то в одну сторону, то в другую. По тому, как танк подавался назад еще два раза, Гавриил понял, что стреляют наугад. Также пришлось заметить, что пулемета при нем не было, значит, от взрыва, повредило крепеж, который был из обыкновенной стали. В прыжке от танка воин выхватил двуручный меч и, в невероятном для человека прыжке, свалился с огромной силой на танк, впившись мечом в место, где наиболее вероятно был водитель. Вытащив меч, он продолжил рубить танк. Меч входил как в масло. Толстая броня не в силах была остановить сверхактивное покрытие меча – искусственно созданный энергетический элемент Ун. Спрыгнув с танка, Гавриил срезал дуло и еще часть башни. Сначала ему пришло в голову открыть люк и посмотреть есть ли кто живой внутри, но потом он решил просто срубить передок танка, который итак уже пришел в негодность. Когда он пару раз ударил, и от машины начали отваливаться метровые куски,

сзади кто-то вышел. Он подходил медленно, занося такой же меч у себя над головой. Увлеченный Гавриил не заметил сперва своего соперника, но того выдали тени. Обернувшись к человеку в черной сутре, где только можно увешанной всевозможными лезвиями и клыками, как в фильмах о викингах, Гавриил опять почувствовал тревогу. Отпрыгнув назад, он практически спасся от страшного удара. В тот же миг, когда он приземлился, первый воин, появившийся из танка, ударил с замахом по большой дуге. Хотя удар был достаточно внезапный и стремительный, Гавриил успел отпрыгнуть вперед, приземлившись на полуразрушенный танк. Второй воин тут же подпрыгнул и ударил сверху вниз, парни явно не ждали случая, а просто забивали его в угол. Оттолкнувшись резко рукой, Гавриил отлетел на несколько метров и приземлился далеко за танком.

Гавриил поднялся и встал в боевую позу. Он немного знал о бое на мечах и не намеревался сдаваться без сопротивления, тем более у него была просто феноменальная реакция и чутье. В бою нужно знать и свои преимущества, чтоб враги не могли сломать вас психологически. Нужно хвататься за все, что угодно. «Пока дышу – надеюсь» – прозвучало в мыслях у Гавриила.

Нелевский уже боялся упустить что-то и осмотрел пространство вокруг себя. Это была площадь, и к домам было довольно далеко, а это значило, что застигнуть его врасплох теперь будет сложнее. Парень бросил взгляд на дома напротив, это были старые пятиэтажки восемнадцатого века с узорами вокруг окон. Из одного из окон выпрыгнул третий воин в черной броне. Это было уже слишком, но деваться было некуда. Гавриил взял себя в руки и сконцентрировался, он заставил себя поверить в то, что он может победить. Те двое не нападали, они кружили вокруг как трусливые гиены, предпочитавшие сражаться с максимальным преимуществом. Третий мчался длинными прыжками. Запрыгнув на танк, он высоко взлетел и, выхватив в полете меч, падал на Гавриила. Нелевский откатился в сторону другого воина, который совсем не ожидал этого. Одним ударом он сделал глубокий порез у него на животе, рана сразу залилась темно-серой медицинской пеной, находившейся под давлением в специальных трубках в костюме. Она сохраняла герметичность и заливала рану, если создавался вот такой порез. Пока второй воин корчился от боли, Гавриил кувыркнулся еще раз по земле и, оказавшись позади у жертвы, в одном движении встал и срубил голову противнику. Он был спокоен и уверен, он был прекрасным воином.

Двое опешивших бойцов переглянулись. Они наверняка общаются и что-то придумают, подумал Гавриил. И он был прав. Они начали бить почти одновременно, держались вдали от Гавриила, пытаясь поранить его кончиками мечей. Он парировал удар за ударом, но их скорость и сила выводила его из равновесия, и приходилось отступать. Нелевский делал шаг за шагом назад, все быстрее и быстрее, двое противников атаковали уже невероятно стремительно и часто, внимания пока что хватало, но чем дольше он дрался в таком темпе крыльев колибри, тем быстрее рос шанс ошибиться. Нужно было изменить свою позицию. Либо подняться, либо отступить, либо войти в здание, где стены создадут преграды для противников, которым будет сложнее координировать действия. Если противников несколько, то нужно воспользоваться той возможностью, что они могут помешать друг другу. Но до стен было далеко. Гавриил с невероятным усилием отбил один за другим удары противников, немного отбросив их назад, потом он бросил меч за спину, и тот примагнитился к креплению, затем выхватил с плеча щит и одноручный меч поменьше.

Теперь у него появилось преимущество в защите, нужно не медленно убрать одного из них. Заблокировав еще несколько ударов, Гавриил сделал довольно резкий и опасный выпад в сторону противника, атаковавшего справа. Тому с трудом удалось отпрыгнуть довольно далеко назад. Тогда Гавриил переключился на левого. Он парировал удар и отвел его в сторону, что было нелегко, потому, как удар был невероятно сильным, даже учитывая, что Гавриил был в сутре. Хорошо, что он взял офицерский скафандр, в нем мышцы потолще. Отведя

удар, Гавриил ударил щитом в корпус, сбивая левого соперника с толку, и, когда тот отшатнулся на какой-то миг, ловя равновесие, парень резко метнулся и ударил сверху вниз в шею. Все было задумано и проделано идеально, но вмешался другой воин, подставив в последний миг щит над товарищем.

Левый сразу перегруппировался и откатился в сторону. Что ж надо признать, что самообладание у ребят то, что надо. Они тут же отреагировали и разошлись по сторонам. Это было сделано в ответ на защитную позицию Гавриила, которая себя оправдала, они сменили тактику. Против него дрались опытные и тренированные бойцы. Гавриил тоже спрятал щит, как и воин, атаковавший справа. Тут уже не до защиты, когда тебя атакуют с несколько разных сторон, тут либо ты, либо они.

Первым пошел тот, который зашел справа от Гавриила, это он защищал товарища щитом, и он прыгнул с дома, атакуя первым, он был смелее и более увереннее. Тот воин, которого Гавриил почти настиг после толчка щитом, был наверняка более подавлен и потому, выжидал. Нужно опять свести их вместе, решил Гавриил. Нужно прикрыться уставшим морально соперником от более сильного, потому, что подавленный воин более медленный и более способный на ошибку. Если же сделать так, чтоб он мешал более сильному, то их суммарное преимущество резко снизится. Гавриил считал на ходу. Он смотрел вглубь поединка, он еще ни разу с начала боя не подумал о победе или поражении, его разум был открыт для любой информации.

Гавриил взялся за выполнение плана. Он неистово рванул к нападающему, нарочно повернувшись спиной к аутсайдеру и начал молотить со всех сил заставляя того защищаться какой-то миг. Одновременно Гавриил заходил на право, разворачивая соперника, чтоб можно было увидеть атаку аутсайдера. Едва он успел это сделать, как тот подлетел в высоком прыжке и нанес удар. Гавриил отпрыгнул назад и сразу двинулся в атаку, специально перемещаясь со стороны в сторону, чтоб тот, что посмелей оказывался за спиной у аутсайдера. Смелый попробовал обойти, но не получалось и он откатился назад, пытаясь оценить ситуацию, и уже успел помешать своему товарищу. Оказавшись в западне, аутсайдер не смог отпрыгнуть назад, наткнувшись на своего же напарника, и получил удар в сердце от Гавриила. Когда смелый встал на ноги и понял, что произошло, когда его напарник, постояв секунду неподвижно, рухнул на землю, поднимая клубы пыли, то и он превратился в жертву. Он опустил меч чуть ниже и стоял неподвижно, переводя взгляд то на нелепо погибшего напарника, то на Гавриила. Он потерял уже второго своего товарища. Пусть с первым он смирился, решив, что Гавриилу повезло, но сейчас он должен был быть в растерянности. За несколько минут из охотника он превратился в жертву, потеряв огромное преимущество.

Гавриил не собирался давать ему прийти в себя. Перед его глазами вставал образ Лены, которую он потерял, скорее всего, по вине этого человека.

Сделав шаг, Гавриил, слегка коснувшись земли, взметнулся в воздух на приличную высоту и с огромной скоростью рухнул на землю, нанося страшный удар. Меч на половину погряз в асфальте, но противник кувырком успел отпрыгнуть влево. Гавриил вытащил меч и, резко кувыркнувшись назад через себя, ушел от удара. Оказавшись правее от врага, который всем весом шел вперед, Гавриил ударил справа, описывая круг ударом, от которого противник не мог уклониться или уйти. Ему пришлось блокировать удар своим мечем, тем самым, оказываясь уже в защите, а не в атаке. Гавриил нарочно бил легко, подготавливая тело к другой стойке, перейдя в которую он нанес решающий удар сверху вниз по шее наклонившемуся вперед врагу. Голова последнего из них упала на землю.

IV

Пулемёт валялся у той стены, в которую Нелевского вколотило снарядом из танка. В тот момент, когда был получен этот удар, пулемет был за спиной и удар пришелся по креплению, не повредив КПВ. Было решено взять его с собой, пока будущее остается слишком не определенным. Солнце уже практически зашло. Между домами было совершенно темно, только небо на западе еще светилось и переливалось то в желтых, то красных цветах. Было красиво, отличный летний вечер для отдыха в удобном кресле с видом на закат. Но скоротать его пришлось по-другому.

Гавриил на миг остановился и посмотрел туда на запад, ему вдруг стало грустно за той жизнью, которую прежде он не ценил. Эти последние лучи солнца в этот роковой день казались прощанием, будто прошлое, которое мы вполне могли сделать счастливым и комфортным, но не сделали по каким-то причинам, ушло. Оно собрало вещи и забрало с собой городские удобства, изобилие пищи, развлечения и тысячи всевозможных шансов и судеб, оставив только войну, которую так любят люди. Оно ушло, забрав с собой тех простых трудяг, которые ее ценили, а оставило политиков, военных и ученых, которые свою жизнь отдавали чему угодно, но не счастью. Оно ушло и бросило сейчас Гавриилу последний взгляд и вскоре погаснет навсегда. Да, солнце взойдет снова, но оно будет уже другое для всех нас. Гавриилу хотелось верить, что он остался здесь, в этом новом мире ужасов и смерти, жизни со страхом, как миротворец, а не как заключенный. Гавриил принял решение, что отныне он будет находить радость в каждом дне, в каждом удобном случае, маленькие радости – это и есть смысл жизни, пусть даже кажется, что вокруг ад.

Гавриил шагал на север. Его мучили тяжелые мысли и вопросы. Пока он был занят боем, он забыл обо всем на свете и сейчас он мечтал отвлечься опять. Он взял себя в руки и начал исследовать местность, утопающую во тьме. Он переключал всевозможные зрительные фильтры, то инфракрасное зрение, то тепловизоры. Но вокруг не было ни души.

Гавриил только что прошел центр городка, и справа от него было одно из самых уютных и старых кафе. Он взглянул на него и воспоминания нахлынули. Образы и почти осязаемое чувство уюта, которое он чувствовал в этом кафе лились одной волной и он ничего не успел сделать. Тут он встречался с Леной в те редкие моменты, когда они были свободны от дел. Лена уже отлично владела языком жестов, и они засиживались до закрытия, обсуждая всевозможные события и общаясь на любые темы. Они любили столик в углу у окна, особенно приятно было сидеть там с чашкой кофе или чая, когда на улице лил дождь. Кафе было слегка ниже уровня мостовой, потому, что располагалось в старом доме, и от земли до окошка было около метра. Люди сновали туда-сюда, пытаясь меньше намочнуть, а у вас в руках был теплый напиток, где-то за спиной светил приятный теплый свет от старой настенной люстры, а глаза не могли оторваться от самого близкого человека в мире. Будут ли еще такие моменты в жизни у Гавриила Нелевского? Лучше не строить особых планов.

Вдруг, после очередного пролистывания всевозможных визуальных фильтров, Гавриил уловил большое количество тепла на севере. Много живых объектов, возможно несколько десятков. Ускорив шаг, он помчался туда, тем не менее, сохраняя бдительность и смотря под ноги. Неосторожность уже стоила ему части экипировки, и теперь приходилось тащить пулемет в руке. Расстояние, отсчитываемое бортовым компьютером, быстро уменьшалось. Перейдя в инфракрасное зрение, Гавриил мог увидеть зеленую картинку, где было несколько десятков огромных существ, выстроившихся в полукруге перед дюжиной людей. Гавриил не знал, что так они ожидали прибытия своих хозяев, он вообще не знал кто перед ним и на что способны эти звери.

Итак, ситуация такова – один человек против трех десятков металлических псов в довольно таки упругой броне. Дальше, на большом мосту, устроенном над железнодорожными путями, который выводил на автостраду, всего в пятидесяти метрах, группа людей. Некоторые из них военные или бойцы полицейского спецподразделения, если судить по форме, они заняли периметр вокруг гражданских и целились в зверей. Вопрос в том, почему люди не уходили дальше на север, но это потом. Сейчас нужно было незаметно сместиться в сторону, чтоб на линии огня пулемета были только звери. Гавриил решил пойти левее от них, там была большая перевернувшаяся фура. Можно было не заметно пройти за ней и даже выбраться на прицеп. Людей нужно спасти любой ценой. На мосту есть освещение, видимо какие-то электростанции еще работали в автономном режиме, поэтому драться придется в условиях плохой видимости. Все визуальные фильтры давали слишком плохую картинку.

Подошва из мягкой резины позволяла двигаться довольно таки бесшумно, но что Гавриил знал о шуме? Поэтому, ему приходилось полагаться на реакцию псов. Когда какие-то из них нервничали – он замедлялся и ждал. Вскоре, благополучно запрыгнув на вполне приличную огневую точку, пришло время повоевать. До ближайших зверьков, размером с взрослую свинью, было метров шестьдесят – семьдесят. Гавриил открыл огонь. Пятеро псов упало замертво сразу, остальные запаниковали и разбежались по сторонам, пытаясь определить источник шума. Пока они это делали еще десяток псов, либо тяжелораненых, либо убитых пулями двадцатого калибра, упало на асфальт. Но остальные уже пришли в себя и обнаружили Гавриила. Прошло всего десять или пятнадцать секунд с начала боя, события разворачивались быстро, и предвидеть их было сложно. Гавриил опасался неизвестного ему противника и пытался убить из пулемета побольше, чтоб не ввязываться в ближний бой. Однако факт того, что их броня легко поддавалась пулеметному огню, уже радовал Гавриила. Вскоре около десятка металлических псов, по которым Гавриил не успевал выстрелить, уже практически залезли к нему на трейлер.

Стоя на коленях, он бросил пулемет и быстро выхватил щит, тут же выставив его вперед, чтоб первые из зверей пришлось на него и дали секунду времени, чтоб вытащить меч. Не ожидая, что вес нападающих будет довольно большим, Гавриил не подался вперед, а наоборот отшатнулся назад. Он вытаскивал меч в тот миг, когда во все возможные части его сутры впились разъяренные пасти десятка металлических псов. Гавриил покатился с трейлера на землю. Интересно, как бы он отреагировал, если все это не происходило в полной тишине?

Оказалось, что его противники не могут причинить ему никакого вреда, кроме как растаскивать его в разные стороны, сковывая передвижение. Гавриил встал, с трудом удерживая равновесие, его растягивали во все стороны, кровь из пасти псов заливала его руки и ноги. Зубы не выдерживали. Пытаясь удержать равновесие, Гавриил отбросил щит и вытащил второй меч. На его левой руке висел один, который развивался на ветру, когда Нелевский двигал этой рукой. Было нелепо драться с ними, чем-то походило на бой с комарами в темноте. Заколов последнего парень поднял щит и пулемет, он отправился к людям на мосту.

Среди разбитых машин, плотно заваливших большую часть моста, некоторые из которых еще догорали, на прежнем месте стояли люди. Их охраняли двое псов. За спиной у людей была сплошная стена – разбившийся трейлер, вот почему они не могли быстро отступать. Гавриил подошел к ним. Люди, которые стояли на мосту с удивлением смотрели на него, они никогда прежде не видели воина в сутре. А вид у Гавриила был воинственным. На ногах следы от крови из пасти псов, за спиной множество рукоятей мечей и силуэт щита, на плече пулемет.

Гавриил поприветствовал людей, подняв правую руку, их губы зашевелились, он увидел это, но не слышал. Сперва, нужно расправится с двумя псами, которые трусливо оглядывались по сторонам, не желая атаковать Гавриила. Он положил пулемет и вытащил двуруч-

ную катану. Псы бросились на него. Один был разрублен сразу, второму Гавриил подставил левое предплечье. Пес вцепился в алмазную броню со всем неистовством. Гавриил воткнул катану, которая находилась в правой руке, в землю, прижал руку с псом к груди и второй рукой обнял его за шею. Следующим резким движением левой рукой от себя он сломал псу шею, вдогонку жестоко деформировав его шлем и, очевидно, череп. Бой закончен.

Гавриил бросил собаку, и пошел к людям, попутно подобрав щит и меч. Они махали ему и радовались. Местные омоновцы, наконец-то, расслабились и поднялись с колен. Но вдруг они начали показывать руками куда-то за спину Гавриила, омоновцы открыли огонь из автоматов, опустившись на колени, Гавриил отшатнулся вправо, но в его левый бок впился тонкий меч виджиланта. Близко к краю, но все равно рана была ужасной. Гавриил растерялся, но отступить было не куда.

Левым локтем Гавриил с огромным усилием оттолкнул противника, и сопровождаемый ужасной болью, меч вышел из раны. Легкое головокружение усадило его на колени. Гавриил не почувствовал, но в следующий миг в руку костюм ввел амфитамины, чтоб дать ему силы пережить этот бой. Самочувствие улучшилось и силы прибавили. Тот, что бил не собирался ждать и сразу подошел, чтоб добить Нелевского, но вмешались омоновцы. Гавриил боролся с потерей сознания, хватаясь за реальность. Все плыло у него перед глазами. Где-то, казалось бы, далеко или же во сне, омоновцы палили со всех стволов по воину в черной сутре, кто-то даже выстрелил из подствольного гранатомета, и врага отбросило на пару метров назад. Гавриил терял сознание, тело не слушалось, сердце замедлялось и больно стучало в ушах. В ране жгло медицинской пеной, которая залила ее, но тепло в животе говорило о том, что кровотечение продолжалось. Гавриил не мог понять, почему он не может встать, а дело было в том, что ему повредили нерв, практически разрезав его вдоль пополам, но, не перервав связь.

Начинался болевой шок и мозг отключался. Вскоре сутра распознала признаки болевого шока и влила в вены Гавриила дозу морфия. Парень пришел в себя, картинка выровнялась, и он видел, как омоновцы в панике выстреливали в черную тень рожок за рожком, одновременно медленно отступая. Двое бойцов подбегали попробовать тащить Гавриила, очевидно надеясь на побег, но триста килограмм было перебором для них. Враг не спешил идти в атаку, он спрятался за щитом и медленно продвигался вперед, это было тактикой. Он не наступал, чтоб омоновцы не начали бежать, он как бы держал их внимание на себе и заодно заставлял сливать на него боеприпасы. Свет фонарей мигнул, и Гавриилу показалось, что это у него в глазах. Он поймал себя на мысли, что возможно вот так вот умрет здесь, а за ним убьют и вон тех людей, жестоко и хладнокровно. «Нельзя этого допустить, нельзя, ты меня еще не победил!» – накручивал себя Гавриил, силясь подняться.

Глава 3. Приказано выжить

Не стоит терять время, когда все остальное уже потеряно.

I

*Украина; г. Дубно
Мост на выезде из города
27 августа; 23:45*

Сомнений не было, противник был организован крайне предусмотрительно. Ему не было чуждо ни понятие тактики, ни стратегии, он не был легкомысленным. Воин в сутре вполне мог поднапрячься и пойти в лобовую атаку против шести бойцов ОМОНа, вооруженных автоматами Калашникова, но он предпочитал убрать все факторы риска. Более того он, скорее всего, ожидал скорого «воскрешения» Гавриила, потому, что наверняка знал, что сутра скоро подлечит его, а оставлять такого соперника за спиной – это глупо, пускай как он ранен. Гавриил все еще лежал, пытаясь понять, на что он еще способен и присматривался, аккумулируя силы. Его новый противник отличался от прежних троих. Его костюм был немного другой, он, казалось, был крупнее, а всевозможные заостренные лезвия на голених и запястьях, а также на шлеме, выглядели как-то особенно внушительно. Видимо так выглядела офицерская сутра неведомых противников.

Гавриил прикинул свои силы и расстояние, которое ему нужно преодолеть до воина и заранее выбрал оружие. Когда очередь из последнего Калашникова утихла, черный боец, подождав пару секунд, поднялся на обе ноги и спрятал щит за спину. Он даже не собирался идти к беззащитной группе людей, он пристально глядел на Гавриила. Он знает, что тот жив.

Нелевский понял, что внезапной атаки не получится. Он сначала резко метнулся, пытаясь атаковать врага, но боль быстро остудила его пыл. Легкое головокружение, опять тепло в зоне живота – это кровотечение снова открылось. Перекатившись назад, Гавриил медленно встал. Сердцебиение и дыхание участились, он тяжело дышал и потел. Рука потянулась за мечом, нужно сражаться до конца! Противник стоял смирно, смотря на Гавриила, и пожимал в правой руке меч. У него была прекрасная осанка, что говорило об отличной физической форме, и это давило на психику Гавриила, ему хотелось бы видеть его таким же сгорбленным и страдающим, как и он, но, увы. «Твои ребята тоже были ничего, но это на их судьбу не повлияло» – подбодрил себя Гавриил.

Он сделал шаг к сопернику, поддерживая боевую стойку. Вдруг откуда не возьмись, прямоком из тьмы, к нему выскочила еще одна фигура в сутре. Гавриил тогда не знал, что это имитационный робот с элементами искусственного интеллекта. Такие роботы были только у офицеров высокого класса, то есть у тех, кто владел сутрой и мечом мастерски и мог координировать не только свои действия, но и смешивать их с действиями машины. Робот ударил Гавриила ногами, оттолкнув обратно на землю, и парню опять пришлось пережить болезненный подъем на ноги. Очевидно, ему не собирались давать шансов.

Омоновцы стояли и не знали что делать, они понимали, что не могут ничем помочь. Гавриил тоже понимал это, ему к горлу подкатывала тошнота, а глаза то и дело теряли резкость. Нужно использовать их! Он прикажет им уходить, и враги отвлекутся, хотя бы глаза от него отвернут и можно будет попробовать нанести удар. Он показал людям рукой, чтоб те уходили прочь. Еще раз и еще раз. Люди начали отходить, это тут же привлекло внимание офицера, и он повернул голову, робот тупо последовал за его целью. Гавриил и мечтать не

мог, что отвлекутся оба, он стиснул зубы, зная, что сейчас будет очень больно, и с максимальной резкостью метнулся к роботу. Тот успел парировать удар, но следующий, который Нелевский умудрился провести с разворота и при этом довольно таки стремительно, пришелся четко по диагонали, от правого плеча до левой почки. На удивление парня крови не было – это был робот, и внутри только блеснули огоньки от коротнувших контактов.

Воин в черной сутре проследил взглядом, как падает его робот. Это должно бы вывести его из себя. Решив, что Гавриилу незаслуженно повезло, он с яростью помчался на парня. Нелевский парировал тяжелый удар, который разрушил его равновесие, и осел на землю, неудобно раскинув ноги в стороны. Дальше последовал удар сверху вниз, и как раз в этот момент у Гавриила немного помутнело в глазах, но вовремя отпустило, и он успел поставить блок. Гавриил откатился в сторону и поднялся на ноги. На удивление боли не последовало, это адреналин замаскировал ее.

В метре от парня был кусок бетона с торчавшей из него арматурой. Гавриил схватил этот кусок, размером с хорошую софу, за торчавшие прутья арматуры, и метнул в противника. Потом он довольно шустро выхватил кинжал и метнул его следом. Если противник вздумает разрезать кусок бетона мечом, то он как раз откроется для кинжала, этот трюк Гавриил подсмотрел в каком-то боевике, но вспомнить актеров и сюжет не удалось, да и результат трюка тоже. Времени, чтоб отпрыгнуть у темного не было, расстояние было маленькое, чтоб успеть прикинуть варианты и последствия ухода от столкновения. С другой стороны, он мог бы заблокировать брошенный в него валун, чтоб потом толкнуть его обратно, но тогда ничего не будет мешать пронзить его сквозь плиту. Гавриил готовился к любому исходу. Он специально бросил так, чтоб плита закрыла как можно больше пространства от глаз темного, в одной плоскости с противником. И тот клюнул, взмахом меча он разрубил ее пополам, кинжал тут же проскользнул между рассеченными фрагментами плиты и впился в плечо. Это была маленькая победа, которую нужно было попытаться превратить в разгром. Теперь как можно больше ударов нужно наносить именно справа от противника, ему будет тяжело отбивать их, но и нельзя забывать о собственной уязвимости.

Если бы можно было сравнивать этот бой с партией в шахматы, то Гавриил остался без пешек и офицеров, ему было трудно защищаться, и он не мог действовать решительно, потеряв способность к резким движениям на большие расстояния. У противника ситуация была несколько другая, он также остался без пешек и ему было тяжело защищаться, но в придачу он потерял и коней, которые прикрывали бы сразу несколько направлений вокруг себя. Кинжал сильно повредил ему плечо, впившись в сустав. Но все же движение его ног и туловища ничего не сдерживало.

Где-то впереди и справа, казалось бы очень далеко, светили три фонаря. Это была тихая летняя ночь, в которую так приятно встречаться со своими друзьями после трудного рабочего дня. В такие вечера Гавриил часто просиживал на ступеньках их загородного особняка, рассматривая в окнах, как жили их соседи. У них всегда были гости, веселье, застолье со сладостями для детей и алкоголем для взрослых. Его же отца всегда не было дома, даже в мирное время он занимался какими-то невероятно важными вещами, для Гавриила отец был героем и объектом подражания, он всегда был востребован, всегда пользовался уважением у всех, где бы он не появлялся. За ним приезжали дорогие черные автомобили с личным водителем, а в гости приходили старики в мундирах увешанных всякими воинскими наградами. Отец был героем и знаменитостью. А однажды он пришел домой очень счастливым и сказал, что его повысили, открыл шампанское, и они праздновали и общались все трое до поздней ночи. После той ночи за отцом перестали приезжать дорогие машины, и в гости к нему ходить тоже перестали. Как позже узнал Гавриил, отец получил невероятно важное задание, которое предполагало его почти тройную игру в разведке. Эта информация досталась ему чисто случайно, когда он чинил полки в воинском архиве. Там было много данных, цена

которых Гавриилу была неведома, но которую он по воле случая узнал. Ему запомнилось, что у отца был напарник – Михаил Соборов, который был его связным. Гавриил позавидовал этому не знакомому человеку, который мог видаться с его отцом чаще, чем его родной сын. Как бы там ни было, но после так называемого повышения, принесшее ему понимание о семейном празднике, Гавриил привык в такие вот вечера как сегодня проводить на улице до поздней ночи. Вдыхать теплый и свежий воздух и всматриваться в звезды, а не в едва различимые блики от несущихся на него лезвий меча.

Нахлынувшие на какую-то сотую долю секунды теплые ассоциации развеяла резкая сводящая боль в боку. Хромая, Гавриил направился к темному воину. Тот прижал руку к телу и, отбросив большой меч, взяв взамен тот, что поменьше в левую руку. Ему было тяжелее, чем Гавриилу потому, что он резко потерял преимущество, он сожалел об этом и наверняка винил себя, а Гавриил знал, что так и есть. Это сыграет с ним плохую шутку, победит только тот, кто дерется до конца, тот, кого нельзя сломать. Всегда один против всех, всегда в меньшинстве, всегда против более сильного противника, он привык уже, что сила решает не все. Чистое сердце и открытый разум, свобода целей, присущая Гавриилу, делали его неуязвимым.

Нужно было проделать еще один трюк, еще всего один, но откровенно ничего не приходило в голову, а в глазах мутнело все чаще, руки тяжелели. Если он сейчас не добьет вражеского офицера, то тот легко расправится с несчастными людьми даже одной рукой и без оружия. Гавриилу пришел в голову отчаянный план. Бросится на врага и, резко уйдя влево, проехать на коленях вне поля зрения противника и ударить по ногам. Это будет неожиданно. Решено! Собравшись, Гавриил сжал зубы и побежал. В левом боку резко заболело, и он даже споткнулся, но в конечном итоге, упав на колени и оказавшись за спиной, получилось так, что Гавриил не успел скоординировать движения и ударить по ногам. Опять нахлынула слабость. Он быстро встал, развернул меч острием за спину, и проткнул противника, стоя у него за спиной, вдогонку провернув его. Вся эта комбинация была проведена только на усилиях воли. Были исчерпаны какие-то затерявшиеся в теле ресурсы, на подобии куриного яйца, которое оказалось последним съестным в квартире в пятницу вечером, когда мечтаешь просто упасть и уснуть после работы. Глаза слипаются, но голод мучает сильнее, вы быстро поджариваете яйцо, берете его со сковородкой и ставите на подставку на стол. Все действия рассчитаны так, чтоб не терять ни минуты. Попутно вы выключаете газ и вешаете полотенце на ручку от духовки. Все, с газовой плитой покончено и после съеденного яйца, запив его минералкой, можно просто выключить свет в кухне и, прокручивая в мыслях традиционные посиделки с друзьями после работы, грохнуться с порога сразу на кровать. На этой неделе все кончено! Так и сейчас. Гавриил выдал из себя последнюю жилку, последнюю каплю сил и мечтал теперь лишь об отдыхе.

Они стояли так, спина к спине еще несколько секунд и первым темный воин, соскользнув с лезвия, упал лицом вниз. Гавриил стоял, пытаясь собраться с мыслями. Перед глазами все плыло. Омоновцы бежали к нему со всех ног на их лицах сияли улыбки и шевелились губы, они видимо кричали ему что-то приятное, но он никогда не слышал ничего приятного и не услышит и сейчас. Опять все поплыло, и Гавриил подался вперед. Он падал и смотрел, как мир замирает. Все сильно замедлилось. Резко стало легче, боль ушла, тело стало легким как перинка, мозг начал работать просто удивительно быстро собирая всю возможную информацию вокруг. Гавриил еще раз увидел лица солдат, которые уже подбежали к нему, они плакали от радости, они наверняка уже сто раз попрощались с жизнью, а он спас их, вытащил из бездны отчаяния и они были ему очень благодарны. Гавриил улыбнулся им в ответ, вдруг подумав, что все хорошо. Ему и вправду стало очень хорошо на какой-то миг. Хотелось верить, что все закончилось. Но спустя миг глаза покрыла темнота...

II

Спустя минуту.

– Кажется дело плохо, его грудная клетка не двигается!

– Что мы можем сделать, капитан?

– Я не знаю. Я впервые вижу такой скафандр. Не имею представления, как добраться до человека внутри. – Ответил Капитан Юрий Горейко, бывший спецназовец, а ныне командир местного отряда ОМОНа. Он осматривал скафандр то там, то здесь, ища какие-то зазоры или кнопки, но тщетно.

Вокруг Гавриила собралась толпа. Какая-то девушка заплакала толи от радости, что все закончилось, толи из-за сочувствия к парню. Правда в наше время в это было тяжело поверить, хотя когда мир рушится люди, отвлекаясь от своих желаний и страстей, могут вспомнить свои человеческие эмоции. Напряжение росло. В эти несколько секунд никто не берется делать выводы, у всех еще есть надежда у кого-то даже вера, которая спустя миг перерастет в надежду, а потом либо погибнет, либо оправдается.

– Блин, чувак, не умирай! – парень лет пятнадцати с невероятной верой в искрящихся глазах не смог сдержать чувства. – Давай же! Держись!

– Я не знаю, кто ты, но если ты жив – подай нам знак и мы будем тебе помогать, как сможем, только скажи что делать – капитан сделал попытку поговорить с Гавриилом, он и вправду не знал что делать, но Нелевский был без сознания.

Спустя минуту сутра распознала остановку сердца, и запустился реанимационный режим. Бортовой компьютер перебрал на себя управление всеми системами. Определившись с протоколом действий в подобных ситуациях, запустился автономный режим работы скафандра. Сначала сутра оттолкнулась от земли правой рукой, чтоб перевернуться на спину. Правая рука была прописана во всех случаях, чтобы не повредить более серьезные раны слева, ведь скафандр мог бы ошибиться в самоанализе, а если правилом прописана только правая рука, то возможное кровотечение слева было бы менее вероятно. Люди окаменели и ждали, что же произойдет дальше. Дальше пошел процесс запуска сердца. Вначале груди поднялись, чтоб с помощью искусственно созданного вакуума наполнить легкие воздухом, таким образом, повторяя действие грудной клетки человека. Дальше разряд, секунда на определение наличия пульса и перезарядки электродов, но пульса не было. Все повторилось снова и снова. В эти моменты грудная клетка резко поднималась, выгибаясь, спина отрывалась от земли, и все могли понять, что происходит. Искусственный, бездушный интеллект скафандра, который даже не осознавал, что он делает, а просто выполнял записанные для него приказы, невольно спасал жизнь человеку. Спустя две минуты сердце все-таки запустилось. Дальше подключился эффект дыхания, грудная клетка сутры работала как прибор искусственного дыхания. На экране, на который не было кому смотреть, вывелась информация, в виде двух колонок с процентами вверху и два таймера. Одна колонка показывала заряд батарей, около 96 % и время – две недели, которое могла работать с теми потерями энергии, которые шли на искусственное дыхание. Вторая колонка показывала 43 % и время чуть больше суток, которая определяла шансы на выживание Гавриила и она постоянно падала.

Люди молчали и смотрели. Было очевидно, что с человеком внутри что-то не так. Из толпы вышла женщина лет тридцати. У нее были длинные темные волосы и красивое лицо с минимумом косметики. Она вполне могла еще соревноваться с молодыми модницами, но о возрасте говорили складки на лице и взгляд. У нее был строгий классический стиль одежды. Голубая блузка, которая плотно обхватывала торс, подчеркивая бюст, и черная юбка ниже

колен, которая также повторяла фигуру. Склонившись к Гавриилу, она присела на колени, не думая об одежде или о колготках, она осмотрела его поближе.

– Я как врач могу с уверенностью заявить, что человек внутри жив. Этот костюм, скорее всего, поддерживает жизнь в нем с помощью искусственного дыхания, а те движения, что мы видели прежде – это наверняка была удачная попытка перезапуска сердца.

– Возможно. – Капитан вмешался в возрастающий гам толпы. – Люди, тише, прошу минутку внимания! Всем нам сейчас нелегко. Ни вы, ни я не знаем, что происходит. Мы знаем, что в черте города люди погибают мгновенно, знаем, что существуют эти злобные создания и эти люди в черных костюмах, которые охотятся на нас. Как видите опасностей более чем достаточно. У нас нет времени, чтоб обсуждать, чтобы то ни было, нужно немедленно убираться подальше от города. Предлагаю объединиться, и отправляться во Львов – это самый близкий от нас большой город, возможно, если это война, он еще держится. Пожалуйста, кто пойдет с моим отрядом, прошу мне за спину.

– Ну, я с вами – врачиха без особых разговоров отправилась к капитану.

За женщиной последовало большинство остальных людей. Но трое остались. Это были представители так называемой золотой молодежи. Два парня и одна девушка. Они были шикарно одеты с модными прическами и даже сейчас пожевывали жвачку, не изменяя своему стилю. Как всегда те, кто подражает глупее тех, кому они подражают.

– Слушайте, народ, а с какого вы решили, что нам нужно объединяться? По-моему это просто какой-то псих, который стырил на военном складе вот этот черный костюм, и какую-то бомбу. За ним отправили в погоню этого парня, и он его зарубил. С чего вы в штаны наложили? Фигня это! Все позади, можно идти домой. Лично у меня батя в министерстве работает, он бы мне все сказал если что.

После такой версии его друзья оживились, у них действительно появилась надежда, что все будет по-старому. Дискотеки, гламурные вечеринки и дорогая одежда. Они ухватились за эту надежду всеми силами и не могли отказаться от этой жизни, она владела ими. Остальным было проще.

– Не! Все... Мы однозначно в Киев, а вы тут бегайте от теней, ха-ха-ха – друг оратора поддержал своего соплеменника и деловито надел солнечные очки, хотя было темно. Их белокурая девушка вообще сияла от радости, как будто она не посреди поля битвы размером в город, а на стилизованной под конец света дискотеке.

– Ребята, успокойтесь! Вам тяжело смириться, нам всем тоже тяжело, но необходимо быть осторожными. Масштаб химической атаки должен быть очень большим, возможно это вся страна. Если бы ты был прав, то сейчас над городом летало бы десятков истребителей, за мостом был бы военный штаб, а среди нас бегали ребята из химзащиты. Но их нет! Мы одни тут понимаешь? Я еще раз повторяю – нужно быть осторожными.

– Ха, ребята, вам лишь бы себе проблем найти. То цены вам растут, то конец света идет, то власти вас имеют. Да успокойтесь уже, жизнь не такое уж дерьмо, как вам кажется. Я еду домой и не собираюсь париться с вами, неудачниками.

– Этот соплик мозги наркотой промыл наверно, попросту бред несет. Давайте его оглушим и заберем для его же блага – послышалось из толпы. Это был мужчина сорока лет с угрюмым морщинистым лицом.

– Да у вас все бред, что не по-вашему, я не собираюсь таскаться по подвалам и прятаться от ваших бесконечных призраков. Все поедом, ребята, еще успеем выспаться. Да, кстати, мы там и за вас словечко замолвим, чтоб вы в подвалах не простудились. Неудачники.

– Да ну их, пошли уже. Мерин я вон там припарковал.

– Ребята, стойте, нельзя вот так идти, вы не знаете, что вас ждет. Если придется, то я задержу вас и силой. Но лучше смириться с тем, что случилось. Как бы вам и нам не хотелось, но произошло что-то ужасное. Я долгое время служил в спецназе и участвовал в

военных операциях и знаю, как реагируют на подобные чрезвычайные ситуации и даже на слухи о них. Я еще раз вам повторяю, что если бы это было локальное ЧП, то тут уже было бы пол Украины военных и медиков.

– Ничего ты не сделаешь – парень выхватил револьвер и, держась на приличном расстоянии, чтоб его не могли скрутить, пошел в сторону моста, а его друзья побежали вперед с криками «так им» и «держи их шеф».

– Идиоты – женщина врач не смогла удержаться от комментариев.

– Да они больные напрочь, не видят что все вокруг уже давно не так.

– Все они видят, но смириться не могут. Такие думают, что они достигли вершины в этом мире вот и не могут смириться, что упадут с этой вершины. Они без нее жить не могут. Деньги и понты, которые можно купить опять же за деньги – это такой же наркотик, как и героин или марихуана. Только подсаживаетесь вы на иглу из понтов, и социального положения, и прыгнуть означает упасть куда-то вниз, где как бы хуже. Вот они и цепляются за любую версию, которая продлит их кайф.

Где-то вдалеке слышались выкрики, хлопанья дверей и потом свист шин. Люди стояли молча и смотрели в ту сторону откуда исходили звуки. Нельзя было рисковать людьми и пытаться остановить этих детей, капитан знал это, но чувствовал, будто он отправил их на смерть, а не они сами ушли туда, во тьму ночи. Но бросаться на револьвер, спасая парочку наркоманов – было бы еще большей глупостью. Сейчас почти все чувствовали, что эти молодые ребята отправляются практически на смерть, и никто уже ничего о них не узнает. Кто-то считал, что поделом им, кто-то жалел за глупость, а кто-то переживал больше за себя.

В желтом свете фонарей мост казался таким мирным и манящим. Небольшая кучка людей и огонь от какого-то догорающего автомобиля казались почти романтическими, но страх перед тьмой, которая окружала этот оазис жизни, вселял тревогу. Погруженный во тьму город, с очертаниями виднеющихся в лунном свете многоэтажек, казался мертвым. Груды бетона и метала, где никто не живет. Казалось, что люди, жившие прежде в этом городе, сговорившись между собой, решили жестоко пошутить над этой группкой людей. Они выключили свет во всех своих квартирах и следили за реакцией подопытных кроликов. Это действительно было неприродным, и попросту не укладывалось в голове, что весь город канул в царство мертвых, что все произошло так быстро, что даже некому было предупредить.

Свет десятка мостовых фонарей внезапно мигнул и даже выключился на несколько секунд. Люди замерли в надежде. В такие секунды начинаешь понимать, что для тебя сейчас действительно важно. Например, когда путешествуешь в горах с бутылкой воды, вначале кажется, что тебе жутко не повезло. Солнце въедается в кожу, а особенно в голову, как будто у вас на голове разводят костер. Начинает подташнивать от перегрева, ноги становятся тяжелыми и непослушными. Вы идете на краю пропасти, не замечая опасности, кажется, что хуже уже не будет, и можно не беспокоиться об этом. И вот, делая очередной неуклюжий шаг, ваша нога уезжает в пропасть. Сердце замирает на какой-то миг, доза адреналина быстро оптимизирует ваши силы, и вы успеваете, проснувшись от своего внутреннего нытья, скоординировать действия. Спустя доли секунды, казалось бы, ужасный день оказался практически катастрофичным. Вы держитесь за какую-то колючку, ваши ноги висят над пропастью. Сердце вылетает из грудной клетки. В голове идет фраза «еще б всего сантиметр и я был бы трупом». Вы начинаете понимать, что подгорать на солнышке намного лучший вариант, чем лежать где-то там внизу с переломанным позвоночником. Вы уже не хотите ныть. Вам стало лучше, хотя вы и в стократно более плачевном положении, чем прежде. Жизнь наладилась и это парадоксально. Знания в философии, сотни прочитанных книг по генетике и эволюции, знание о космосе и инопланетянах, а также понимание факта не возможности купить в этом году новенький Порше, уже не делают вас несчастным. Оказалось, что все это не

важно, сейчас главное просто выжить. Вы начали думать и вспоминать о том, как оказались здесь, уже вспомнили тропу и прикинули, куда вам нужно идти. Вам пришлось оказаться на краю пропасти, а вашим, ни в чем не повинным ногам, пришлось свисать без единой опоры на высоте около пятидесяти метров и вы думаете, что это прекрасно. Вы даже счастливы, потому, что вы можете выбраться отсюда и пожить еще пару дней. Теперь вы знаете, что приносит радость, а что страдания.

Тьма обрушилась на беженцев. Свет фонарей погас. Это было так неожиданно, что все замерли, где стояли. Они затихли, и даже их дыхания не было слышно. Минуту назад все было ужасно, мир рухнул, а что тогда произошло только что? Вы слепы, не видите куда бежать, луна спряталась за тучи, а где-то из города слышен тяжелый звериный лай и звуки стычки. Где-то дрались металлические псы. Одни из них рычали, другие наоборот скулили от ран, а здесь, на этом мосту, группка людей понимала, что приди они сюда, и все пойдут в расход. Спустя миг фонари загорелись вновь, они еще мигали, но было все видно и от сердца отлегло. Все как-то неожиданно оптимизировались, стали бодрей и начали действовать очень согласованно и быстро.

– План таков: найти автомобили, которые были бы на ходу и, объехав город, отправится на Юг – капитан начал раздавать приказы.

– Наша шестерка осталась в начале пробки, перед мостом. Мы с женой и внуком можем взять еще несколько людей.

– Сколько у вас топлива?

– Пол бака должно быть, машина хорошая и на ходу – это был пенсионер, они ехали из Ровно с женой и внуком, которого везли домой во Львов.

– А остальные? Если кто-то на транспорте и он на той стороне моста, то прошу, берите к себе пассажиров и грузимся в машины. Здесь нельзя оставаться ни минуты.

– У меня Лэнд Ровер, вполне могу взять кроме себя пять человек, если кому-то будет угодно ехать в багажном отделении – вызвался мужчина лет тридцати, в стильной рубашке с длинными рукавами и брюках, которые видимо были из дорогого материала. Мужчина был гладко выбрит и держался до сих пор очень уверенно, не смотря на ситуации, которые выпадало пережить.

– Я не против! – вызвался пятнадцатилетний подросток – я ехал с самого Киева на Таврии так, что, думаю, в багажнике Лэнд Ровера даже посплю.

– Даже не сомневайся, чувак, – владелец быстро подружился с парнем и остальными людьми, которые выбрали его – мы уже пойдем?

– Отправляйтесь. А остальные? Вы откуда?

– Мы все почти из того маршрутного такси. Когда образовалась пробка мы и застряли тут – это был водитель того самого маршрутного такси, его выдавала форма, которую недавно ввели как обязательную и она была совсем новенькая и даже жаль было, что ее запачкали чем-то черным.

Там были разные люди. Кто постарше, кто моложе. Была даже одна старенькая бабушка. Эта женщина была на своем загородном участке, где следила за овощами и беседовала с соседними владельцами. Она как раз возвращалась домой. Сегодня к ней должны были приехать дети, и сейчас она лишь надеялась, что они не успели въехать в город. Они должны были вернуться с отдыха в Крыму. Предполагаемым временем приезда было назначено девять вечера, но всякое бывает. Ее сын слишком уж любил погонять и иногда, когда было настроение и свободно на дороге, он проезжал двухчасовой путь почти за час. Сейчас женщина не знала, что случилось с ее сыном, его молодой супругой, дочерью и внуками. Хотелось побежать домой и ждать их, но мертвецы на дорогах и в машине, которых она видела еще, когда смеркалось, ясно давали понять, что она не сделает ни шагу. Вирус скарабей обладал таким качеством, что был смертельным только в большой концентрации и в

городе она была. Женщине оставалось только верить и надеяться, что дети живы, со слезами на глазах она смотрела во тьму города. Может другие боялись этой тьмы, а она не боялась, она хотела туда. Но как бы там ни было, а здравый смысл запрещал идти, и она решила отдалиться в руки судьбы. Если эти люди не бросят ее здесь, то она поедет с ними. Она не хотела быть им обузой и это еще сильнее давило на нее, но мечта увидеть еще раз своих детей, обнять сына и внуков смывала нерушимой волной все предрассудки. Только выжить. Возможно, добравшись до цивилизации, она сможет организовать их поиски или хотя бы дать информацию об их пропаже, а пока что нужно просто идти или ехать, и не важно – куда именно. Она все еще мать и должна держатся. Слезы постоянно накатывались на глаза, но она не смела показывать их, чтоб другие не прогнали бесполезную старуху. Нужно было быть полезным.

– Сворог и Бенда, отправляйтесь с людьми. Рева и Вольг, найдите три автомобиля побольше. Желательно даже один бус и один внедорожник, там, в пробке, машин валом – скомандовал Горейко.

В пробке действительно было много автомобилей, которые остались без водителей, ведь всех владельцев загнали в город мепсами, поэтому транспорт они бросили. Иногда, во тьме, люди наступали на трупы разодранных несчастных жертв мепсов, кого-то от этого даже вырвало. Чуть дальше, впереди, зажглись фары двух автомобилей, и от пробки отъехал джип со старенькой Ладой шестеркой. Ленд Ровер был немного испарпан, что свидетельствовало о том, что ему пришлось растолкнуть пару автомобилей, но как говорится, цвет краски на скорость не влияет. Не далеко от начала пробки было два буса, которые и стали транспортом для людей. Небольшой внедорожник Тойота, более похожий на семейный паркетник, взял себе капитан. Жаль, но ближе к середине пробки остались мерсы и БМВ, которые было бы слишком тяжело достать. Если бы ребята решились, то пришлось бы около часа расчищать для них путь, а такого времени не было.

Спустя час машины были на дороге. Ехали без фар, лишь на габаритах. Колона была организована по всем правилам. Фиксированная скорость, всегда либо восемьдесят, либо семьдесят либо шестьдесят. Впереди ехал капитан на Тойоте и водитель в очках ночного видения, дававшие возможность ехать без фар, ведь так было безопасней. За ними везли Гавриила, которого загрузили в бус с невероятными усилиями. Особенно тяжело было тащить его через пробку и пришлось для этого делать настоящие носилки на шесть человек. С собой прихватили также оружие и пулемет Нелевского. Пулемет погрузили в замыкающий колонну Ленд Ровер. Людей из него пересадили в бус, а на заднем сиденье посадили Стаса Ревеку, молодого парня, который славился в отряде лучшими показателями в стрельбе. Он с трудом удерживал КВП Гавриила, который дулом торчал из выбитого заднего стекла джипа, а вторым концом всем весом приходился на руки и колено омовца. Благо подвеска у этого прекрасного джипа была мягкая, и на дороге он неплохо держался, сглаживая маневры и неровности асфальта.

Они миновали Броды уже более чем полчаса назад. Слева, на востоке, начинало светать, и взгляды всех путешественников устремились туда. С других сторон их ждала лишь тьма. Она подгоняла их сзади и сдерживала спереди, попутно пытаясь, оттеснить справа, со стороны угрюмого и черного запада. Кто помоложе – улыбался, люди готовы были заплакать. Они ехали молча всю ночь, вслушивались во все звуки, которые отличались от рева двигателей, теснились друг к другу, как к родственникам. Когда люди остаются без уверенности в своих силах, то начинают искать союзников, так они подогревают надежду и обретают веру, и она множится с каждой парой рук. Воистину Творец предвидел все.

Свет все рос и рос, он крался к ним упрямыми лучами, не смотря ни на что. Солнце не заметило их беды и спокойно жило своей жизнью. Наступило раннее утро и, почти сразу, хлынул дождь. Где-то на востоке небо было хорошо освещенным, но самого солнца люди так

и не увидели, оно как будто не хотело смотреть на ужасы их маленьких судеб и спряталось за плотными тучами, скрасив свою растянутую в тысячелетия участь одиночеством. А кто из тех, кто был в мифах богами или героями хотел сейчас прийти и разгрести то, что натворили люди? Видим, что никто. Над людьми повисали черные тучи, которые не переставали суесться под влиянием неровного дыхания ветра. Отдельные их части постоянно меняли свои загадочные очертания, хотя и не открывали ни единого кусочка неба. Тьма даже после ночи оставалась везде, кроме белеющего востока.

На горизонте вырисовался древний форт. Это был Олеський замок. Он стоял слева от путников, на холме. За его крышами небо было светлым и живым, маня путников как недавно покинувших свой кокон мотыльков в свою, казалось бы, спасительную обитель. Видимо это было в генах, что каменные стены несут защиту, наверняка это след от страхов средневековых войн, живший в умах и рыцарей и бедняков. Он стоял гордо, невзирая на время, казалось стенам этого замка все нипочем. Его стекла зорко смотрели по сторонам, вечно ожидая бесконечных врагов, которые приходили то с запада, то с востока, они уже сбились со счета этим врагам и давно не запоминали их лиц. Этот замок был как старый ветеран, ослабленный годами, покрытый морщинами и болью древних как мир ран, но расчетливый и опытный как старый волк, хранящий последнюю каплю сил для невероятно точного и смертельного удара, обещавшего ему либо тепло жизни испитой из добычи, или принесет смерть. За этот замок длились бесконечные битвы во времена нападений татар, потом за него дрались короли Речи Посполитой и войска Богдана Хмельницкого. Известно, что 17 августа 1629 года, во времена набегов на земли вокруг Олеського замка, во время грозы, в одной из комнат этой цитадели родился будущий польский король Ян III Собеский. В самом начале XIX века замок пережил множество пожаров, потом было землетрясение и полный упадок. В конце XIX века замок начали реставрировать. Во времена Второй Мировой Войны замок служил лагерем для польских военнопленных, но вскоре опять пережил большой пожар и был заброшен. В конце – концов, в 1975 году, он обрел нынешний вид после последней реставрации и превратился в музей. Сейчас, в который раз, воскрешенный из пепла, он снова остался один на один со временем, и этот соперник ему уже не по плечу. Время никуда не спешит, его сокровище неподвластно даже воображению, а оружие как точно брошенный металлический нож самой последней конструкции, который проникает так глубоко как нужно, причем делает так всегда. Только труд и вера могут бороться со временем, это оружие способно отогнать его, но ненадолго.

С неба на машины рухнул дождь. Он гремел по металлу, обрушиваясь на него огромными каплями. Дождь был не очень плотным и не заливал лобовое стекло, но, упав, капля разливалась на несколько сантиметров. Это завораживало и тревожило, невольно приходило опасение, что стекло не выдержит удара, что, конечно же, было всего лишь плодом воображения. Новый день новой жизни начинался странно. Казалось, менялось все вокруг, и даже природа почувствовала какие-то изменения, но это отразилось лишь на ее настроении. И, слегка нахмурившись, она продолжила свой невероятно глобальный и сложный эксперимент под названием жизнь.

Каждый, кто сейчас ехал в машинах хватался за то, что мог. У старенькой матери целью были ее дети, она держалась за них с невероятной любовью, на которую способны лишь немногие из нас. Мужчина в дорогой одежде, сидевший за рулем Лэнд Ровера, просто любил жизнь. Он падал и вставал в своей маленькой жизненной истории часто, и привык к новым обстоятельствам, и смирился с ними, он был мастером выживания. Однако справедливо будет признать, что это больше уникальный случай, чем рядовой, основанный на довольно таки тяжелом жизненном опыте, полученном благодаря глубокому анализу, который, в свою очередь, был следствием достаточно высокого интеллекта. Сейчас он уверенно вел свой джип и его вид не выдавал ни беспокойства, ни усталости. Он не выдавал вообще ничего.

Его звали Игорь, он был когда-то жутким неудачником, начинавший как игрок в карты и воришка, ворующий дорогие автомобили. Потом был период успехов, потом падений, любви и тюрьмы. Период проблем с бандитами и наркотиками. И когда он уже не знал, кто он и зачем живет, когда грязный и бездомный он сидел где-то возле мусорного бака под дождем, дышал его вонью и боролся с холодом, думая лишь о том с какого дома он, тридцатилетний неудачник мог бы прыгнуть, тогда судьба улыбнулась ему.

Когда он зашел в магазин купить булочку, на заработанные попрошайничеством монеты, случайно встреченный давний знакомый предложил ему работу на почте какой-то крупной фирмы. Потом оказалось, что друг отмывает деньги мафии, а Игорь, с трудом умеющий читать, подписывал для него бумаги, которые его самого и подставляли. Потом им заинтересовались спецслужбы, он сдал им своего друга и опять оказался никем. Жизнь ломала его еще и еще, он падал и вставал, падал и вставал. Вот еще вчера он был директором крупной и успешной компании, а сейчас, оставшись без своих денег и власти, он уже привык к новым условиям игры и даже умудрялся находить в ней что-то хорошее.

Впереди, правее от дороги, была автозаправочная станция одной из крупных фирм. Вокруг нее горело ели заметное освещение, а также разноцветные рекламные полосы. Все было тихо и спокойно. Однако стеклянные двери были разбиты.

– Нам необходимо заправиться, Бэн. Останавливай. – Горейко приказал своему водителю. Остальные участники колонны также остановились. Горейко вышел и помчался к Лэнд Роверу.

– Рева, сейчас поедите на заправку, смотри в оба, ты наша основная огневая мощь. Игорь, кажется, вас так зовут? Медленно заезжайте задом на заправку, чтоб пулемет смотрел в ее сторону. Сможете?

– Нет проблем.

– Остальные следом за джипом, на разведку. Я хочу знать, нет ли там этих собак.

Омоновцы, кроме Бэна, которого Горейко оставил за рулем Тойоты, перезарядили автоматы и отправились за Лэнд Ровером. Игорь заехал на заправку и, не приближаясь к большому магазину, в котором были также кассы расчета за бензин, остановил Джип по приказу Ревеки. Следом пришли омоновцы. Они присели на одно колено и сквозь мушку прицела осматривали заправку. Сквозь окна ничего нельзя было разглядеть. Горейко в это время с помощью бинокля осматривал другие направления, с которых могли атаковать колонну, но все было спокойно.

– Все спокойно, капитан – слышалось от Ревы.

– Движения не наблюдаю – отчитался Сворг, который обошел заправку по периметру.

– Проверьте, что там внутри. Разбейте для начала окна. Стрелять в верхнюю часть. Береженного Бог бережет.

– Понял – ответил Вольг, стоявший возле Лэнд Ровера. Он выстрелил одиночным по большому стеклу, которое было от земли до потолка, и оно посыпалось на землю.

Из зала вдруг послышался громкий лай. Было видно, как внутри разлетаются в разные стороны стеллажи с товарами, а спустя какой-то миг из магазина автозаправки вылетел огромный мепс. Пес лаял и рычал то на Вольга, находившемся к нему чуть ближе, то на джип с Ревой. Он метался и думал, кого атаковать. Он уже было хотел побежать на Вольга, но потом передумал и начал отступать вовнутрь магазина. Он каким-то звериным чутьем чувствовал опасность. И это было не зря. Спустя секунду прозвучало три коротких очереди от Стаса Ревеки, стрелявшего из джипа. Крупнокалиберные пули разорвали морду пса на части, и он в один миг замолчал и рухнул на пол. Вокруг него быстро растекалась огромная лужа крови, затекавшая под стеллажи.

В воздухе застыло молчание. Отряд Горейки впервые успешно вступил в бой с этими тварями. Теперь они стояли и ждали, что будет дальше. Мепс лежал мертвым и больше из магазина никто не выбегал.

- Вольг, Дигир, проверьте, что там внутри.
- Слушаюсь.
- Вас понял.

Двое омовцев отправились внутрь, держа магазин на мушке прицела своих Калашниковых. Они медленно вошли в зал, пытаясь не закрывать обзор для Ревы с пулеметом. Под ногами хрустело стекло, выдавая каждый их шаг. Парни быстро осмотрели зал, и, удивившись, что все чисто, принялись за другую комнату. Дверной проем этой комнаты был разворочен броней мепса, а дверь была вогнута от удара изнутри.

- Давай туда гранату, Вольг.

Вольг кивнул. Он стал в стороне от проема, а Дигир стал чуть дальше напротив него. Вольг вырвал чеку и бросил гранату. Прошло три секунды и взрыв. Вольг влетел внутрь первым, проверяя ближайший угол слева, и потом тот, что дальше, за ним почти одновременно вбежал Дигир. Комната была пуста.

- У нас чисто.

– Вас понял. Соберите какие-то припасы и выходите – скомандовал Горейко. – колона, на заправку. Горейко показал рукой, чтоб все ехали за ним. Двигатели завели и направились к колонкам с бензином.

- Кто-нибудь знает, как заправлять?

– Я знаю, если на системе нет кода, то, думаю, получится. Электричество есть, могу посмотреть – прокричал кто-то из буса.

- Давай – ответил Горейко.

Парень побежал внутрь. Он застыл возле мепса и аккуратно обошел его, пытаясь не вставать в кровь. В это время Вольг и Дигир набивали пакеты всякими батончиками, печеньем, чипсами и водой. Система на компьютере была запущена, экран горел так, будто касир только что ушел в туалет. Но сам он, истерзанный и погрызенный лежал на полу. Не вольно отпрянув, парень, вызвавшийся заправить транспорт, взял себя в руки и перевел глаза на экран. Он пытался более не смотреть на пол.

- Включаю на все колонки девяносто пятый! – прокричал он.

- Давай!

Машины заправлялись. Горейко с отрядом беседовал немного дальше, а Дигир стоял с биноклем на дороге. Ребята жевали печенье и запивали водой. Остальную пищу раздали гражданским, что вышли из машин и дышали свежим воздухом на окраине территории заправки.

Все еще светало, но небо было темным и неприветливым. Дегир осматривался со всех сторон и попутно жевал чипсы. Вдруг, со стороны Дубно, на горизонте начала расти черная тень. Но это никак не могло быть правдой, ведь солнце еще только вставало и тем более оно пряталось за тучами. Дигир наблюдал еще минуту, и в его грудях росла тревога. Тень двигалась не равномерно, она как бы кипела, некоторые ее части то поднимались, то падали как маленькие волны. И тут он понял, что эта тень – это вовсе не тень, а огромная стая мепсов, двигавшаяся на них.

- Капитан! С севера движется большая стая этих тварей!

Горейко подбежал к Дигиру и забрал у него бинокль. Другие бойцы пытались что-то рассмотреть, но не могли.

– Так и есть – пробубнил он. – Все быстро по машинам, немедленно!! Горейко кричал во всю глотку. Омоновцы быстро разбежались по машинам и потихоньку выезжали с заправки. Спустя минуту вся колонна уже ехала на трассе.

Глава 4. В осаде

Жизнь не любит тех, кто играет роль жертвы

*Украина
Недалеко от г. Олеск
Утро*

После странного доклада Ревы, как называли в отряде Стаса Ревеку, упростив его фамилию до одного слога, чтоб было проще общаться в экстренных ситуациях, капитан увидел пятно и на Юге. Оно быстро приближалось. Сначала, как черное море, оно переливалось маленькими волнами, а позже уже начал доноситься шум от сотен прикосновений когтистых лап об асфальт, но до Южной стаи оставалось еще порядочных полтора километра. С севера стая была даже меньше, но все равно их зажимали в ловушку, ведь съехать с трасы не представлялось возможным. Земля на полях размокла, и там не проехал бы и Лэнд Ровер.

– Едем в замок! – решил спустя несколько секунд размышлений Юрий Горейко. Капитану это решение далось нелегко. Очевидно, что там они будут в безопасности какое-то время, но одновременно – и в западне.

Водители поспешно повиновались. Они проехали поворот на Олеск, на окраине которого был замок, несколько минут тому назад и сейчас нужно было разворачиваться. И успеть съехать туда до того, как северная стая подбежит к ним. Из машин выжимали максимум, но бус с Гавриилом, старенький Фольксваген, не успевал и отставал.

– Не растягивай, притормози, чтоб подтянулись с бусом.

Водитель Тойоты капитана украдкой глянул на него в надежде, что тот передумает, ведь очертания псов уже были видны, а они все еще не доехали даже до указателя на Олеск. Лицо капитана не выдавало волнений по этому поводу и исходило из каждого сантиметра просто мегатонны уверенности и твердости и парню осталось лишь повиноваться. Он смотрел то на псов, то на замок, который манил к себе полоской света, падающего между черных туч, и ожидал приказа двигаться. Двигатель тихонько гудел на холостых оборотах. Над замком то проплывали тучи, то из их просветов проливалось несколько лучей солнца, как фонариком освещающих каменную твердыню.

– Простите, капитан, виноват – послышалось в наушнике объяснение Вольга – резко завернул и попал на обочину, а там земля мокрая, но выбрался.

– Поехали! Трогай! – слегка тревожно приказал капитан, и паркетник сорвался с пробуксовкой. За ним полетели и остальные.

За деревьями, буквально в ста метрах от места разворота, был указатель на Олеск. Машины свернули, почти не сбрасывая скорость, и полетели по узкой дороге дальше к замку. Они ехали так несколько минут, затаив дыхание и ожидая, что вот – вот их, настигнут, и разорвут в клочья сотни этих огромных зверей в тонкой, но непробиваемой для обычных автоматов броне. Снова хлынул дождь, и небо, казалось, не собиралось больше показываться никогда, оставив землю людям с тьмой их сердец и без света солнца, которое отныне предназначалось лишь веселым крикам птиц. Из-за очередного поворота их глазам открылся Олеский замок. Небольшой, угрюмый и воинственный, он внушал доверие, несмотря на возраст. Его стены, выстроенные на краю холма, подпирали каменные опоры. На облезлой стене, которая как старый боевой и подлатанный танк, почти лишилась краски, виднелось черное окно, вдавленное в толстые двухметровые стены. Коричневая, выцветшая черепица крыши переливалась от поселившихся на ней лишайников. То – там, то – здесь на ней вылезли разного размера дымоходы, которые противились ветрам как часовые на мачтах военного

корабля. Они, казалось, вечно ждут своих врагов, не зная отдыха. Они были живыми и старыми, упрямыми и зоркими, надежными и опытными.

Дорога пошла по кругу и резко вверх, намекая на последние метры до въезда. С этой стороны, взору людей открылся замок. Он начал рассеивать надежды на защиту множеством окон, и больше походил на жилой дом. Видимо в древности замок окружал еще и высокий мур, но сейчас здесь были эти смешные для военного времени окна посреди пятнистой стены, которая не давала однозначного ответа об ее родном цвете. Дилемму между серым и желтым просто нельзя было решить без учебника истории. Оставалась надежда, что двухметровую высоту эти псы преодолеть не смогут или, что удастся забаррикадироваться. Капитан немного беспокоился об этом, и перед его глазами уже мелькали картины, как разъяренные существа метаются из комнаты в комнату, забирая его беззащитных людей одного за другим, а они лишь кричат потому, что у них нет даже патронов. Но долго думать об этом не было ни времени, ни желания, ни смысла. И Горейко, отмахнувшись от своего воображения, заставил мозг думать о мелочах.

Они подъехали к тяжелым воротам, за которыми очевидно был небольшой двор и это радовало, потому, что можно было спрятать несколько машин.

– Не глушить! – проорал капитан в общий канал всем водителям.

Он выскочил из Тойоты и помчался к воротам. Он пытался двигаться как можно резвее, но ноги засиделись, и он смешно шлепал по брукровке. Массивную ручку он рванул на себя раз пять, но маленькая дверь не поддавалась потому, что была заперта со двора.

– Дигир, ко мне! – Дигир, то есть сержант Дигиров, был единственным спецназовцем, который был не занят делом, и его можно было использовать – полезай туда и открывай, я тебя подсажу.

Омоновец резво метнулся на ту сторону, и послышались щелчки тяжелого дверного затвора. Ворота раздались в стороны, но не спешили открываться потому, что их кованые завесы, вкрученные в дубовые столбы, попросту не держали ворота на весу. Совместными усилиями ворота растащили, и машины кое – как влетели во двор, все проходило в большой спешке. Капитан и не заметил, точнее не придавал особого значения тому, что из замка к ним выбежало несколько мужчин, которые взялись помогать открывать ворота, это были уцелевшие жители Олеска. Сперва Горейко решил, что это его беженцы из Дубно, но, когда ворота вновь заперли и ловко подложили, где нужно, опоры, он понял, что замок уже обжили другие люди. Капитан решил не медлить со знакомством.

– Меня зовут капитан Юрий Горейко. Мы бежим из Дубно. Кто вы?

– Мы местные жители, эти твари напали на нас прошлой ночью – ему сразу ответил запыхавшийся после работы с воротами, тощий и измученный мужчина. Но вскоре из толпы вышел другой и продолжил уже более спокойно.

– Вам невероятно повезло. Город кишит этими зверями и целую ночь они бродили под стенами замка. Все, кто успел спрятаться за этими стенами, счастливики жившие неподалеку. В первые минуты, когда работали мобильные телефоны, мы узнали, что по подвалам спрятались и другие, но скоро связь пропала, и мы не знаем, что думать. Мы не могли отправиться им на помощь потому, что замок, как я уже говорил, стерегли. Более того мы даже боялись высунуться. Эти огромные львы, или кто бы они ни были, увидев или учуяв жизнь за воротами, начинали налегать на них с невероятной силой и те даже просели на завесах. Поэтому мы спрятались в домах, чтоб не провоцировать их. Слава Богу, что вы с нами, и мы сможем их разбить. Если бы только у нас было оружие прежде, мы смогли бы спасти и наших близких – мужчина не смог больше говорить. Ему к горлу подошел ком, и он боролся с нахлынувшими чувствами, закрыв лицо рукой, и отвернулся.

– Нет, не спасли бы. Это оружие их не берет. Мы выстреляли почти все до последнего патрона. У нас есть пулемет, но скорее всего там тоже мало боеприпасов. Будем думать, как быть. Кто у вас главный?

– Мы не выбирали главного. Я был когда-то мэром этого городка, но сейчас я – простой предприниматель... Был... Предпринимателем...

– Хорошо. Значит, эти люди будут вам доверять.

– Ревека, Свор и Вольг, быстро на стены с биноклем! Я жду доклада. Остальные люди следуйте в замок. Дверьми не хлопать, говорить только вполголоса! Повторяю, соблюдайте тишину. Как вас зовут – обратился капитан к бывшему меру.

– Меня зовут Александр Владимирович Заць.

– Хорошо, расположите всех людей в замке, узнайте, кто и в чем нуждается, и приведите всех в порядок. Я скоро помогу вам в этом. Мы должны быть готовыми уехать в любой момент.

– Я могу помочь, если нужно – вмешался водитель Лэнд Ровера – можете на меня рассчитывать.

– Хорошо, Игорь, я уверен, что Александру Владимировичу потребуется ваша помощь.

Люди заходили в замок, исчезая в темноте дверного проема. Свет не жгли, оставив несколько свечей на возможную ночевку. А висевший в воздухе запах воска остался еще с ночи. Беженцы устало шаркали по старому паркету, который успел покрыться черными полосками от мягкой обувной резины. Тапочки уже никто не одевал. Кто был любознательным, мог по дороге наслаждаться видами пейзажей и портретов различных королей, таких не важных и бесполезных сейчас. Если бы на улице была зима, то они бы наверняка нашли свой конец в камине. И никого из этих несчастных людей не интересовало бы, что один из этих портретов единственное в своем роде изображение того или иного монарха, графа или князя. Все равно тех, кто мог бы подтвердить или опровергнуть, что тот выглядел именно так, уже не было в живых.

В это время омовцы взлетели по лестнице и, расположившись в окошках на чердаке, изучали местность. Ревека остался над воротами, где была специальная смотровая площадка с навесом для ночных караульных, отвечавших в давние, не менее беспокойные времена, за безопасность отдыхающих от длинных балов и светских бесед князей. Тогда эти караульные обычно спали на своих постах, если не знали о надвигающейся угрозе заранее. Сейчас же, этим молодым спецназовцам, спать не хотелось. Они охраняли не вельмож, а своих друзей.

– Капитан – по рации шептал Ревека – вокруг все чисто. На западе, в городской черте, вижу движение, предположительно это не человеческие фигуры, но между домами не разглядел. Дальше, за линией автостреды вижу большую стаю волков.

– Они за линией дороги? Ты уверен? Они сошли с нее?

– Да, сомнений быть не может. Они в нескольких сотнях метров от дороги, медленно уходят на запад.

– Похоже, что удача улыбнулась нам. Что у остальных?

– Плохие новости, капитан, – говорил Арсен, его акцент нельзя было спутать ни с кем другим. – Вижу пять или шесть тварей на востоке, они расположились в небольшом пролеске.

– Продолжайте наблюдение, ребята. Я хочу знать о каждом шаге в сторону замка.

Некоторая часть проблем решилась. Нужно успевать замечать свои успехи, чтоб не казалось, будто ты работаешь зря, нужно отдавать себе отчет, когда заканчивается одна задача и начинается другая. Горейко чувствовал, что большой опасности ему удалось избежать, но расслабляться рано потому, что неизвестность может оказаться еще страшней. Он громко и уверенно шагал по коридору, разыскивая, где все остальные. Шум от их приглушенных разговоров отбивался от стен, карабкался по ним и звучал сразу отовсюду. На миг

капитан забылся в этих коридорах, расслабился, он перестал думать о делах и отдался страхам и иллюзиям. Вдруг в голове прозвучало, а вдруг я не смогу вывести всех этих людей? Вдруг я уже привел их в западню? А вдруг я войду в комнату, а там уже все мертвы? Выйду на улицу, а там уже растаскивают на части Реву и остальных ребят, ведь он, поддавшись панике, даже не проверил замок, перед тем как въезжать сюда. Он успокаивал себя, что все предвидеть нельзя, что он мог и ошибиться, но главное, что он не отступал и боролся! Но мысли в голове были неумолимы. Они рвали его сознание на части, набрасываясь то голодом, то тошнотой, то тревогой, то сонливостью. Он сходил с ума? Скорее это просто усталость и напряжение, говорил рассудок.

Капитан остановился, пот лился по спине и лбу, ноги тяжелели. Он ломался изнутри, опять ломался, как и тогда в Ливии, когда умерли все его ребята. Горейко нащупал рукой стену и прислонился к ней. Глаза закрылись. Его сильно тошнило, но рвоты не было. Собравшись, он вскочил в какую-то комнатку и вырвал за шикарным, а может и не шикарным диваном. Ему казалось, что он вырвал все внутренности, но на полу было чисто потому, что он не ел почти сутки.

– Слишком быстро, слишком быстрый темп – шептал он, лежа на диване пытаясь попутно утихомирить дыхание.

Он был мужчиной среднего роста, слегка полный, чем мускулистый, и более упитанный, чем стройный. Его круглое лицо и низкий лоб невероятно гармонично смотрелись с шикарными усами, но в каске эта гармония смывала остатки воинственности. Его можно охарактеризовать, как добродушного украинского прапорщика, который в армию пошел, чтоб не пасти коров остаток жизни, но начинка в нем была достойная генерала. Его недостатком была боль, пережитая в начале его карьеры. Пять ребят, целых пять классных парней, которые годами оттачивали мастерство и готовились служить на благо родины, все легли в одном едином бою. И было это отнюдь не героически. Тогда их подставило их же руководство, которое слило информацию о маршруте отряда террористам. Парней расстреляли из засады, а его взяли в плен. Он был не виноват, но принял все на себя и вскоре почти спился, потом почти сошел с ума, а теперь вот почти оправился, но все же не до конца. Однако теперь он знал точно, что ему по плечу очень многое, что он может пережить еще больше, чем уже пережил. Он удивлялся иногда удивительному правилу, «стоит тебе пережить один тяжелый день, и ты крепнешь в десятки раз». Сейчас ему было опять тяжело, но его дух уже уловил азарт новой битвы, и смело смотрел вперед. Он быстро оправился от минутной слабости. Нужно было отправляться дальше.

Юрий сосредоточился над тем, что у него есть, и чего нет. Он позволил себе остаться наедине со своими мыслями на какую-то минутку, и пускай его ждали, но эта минутка воскресит его дух из пепла. Он бросил взгляд на комнату, она была выкрашена в небесный цвет, походивший толи на выцветший голубой, толи, на – специально смешанный светло-голубой. На каких-то замысловатых креслах были не менее замысловатые узоры и разноцветные обивки. В углу стоял камин, украшенный керамической плиткой такого же небесного цвета, как и стены, предположительно, она была разрисованной вручную. На полу, сотканном из гладкого паркета, выложенного елочкой, не лежало ничего кроме скудных отблесков света, что проникал в комнату из маленького окошка. Основной объем впечатлений от комнаты составлял именно этот небесный цвет, исходящий от стен, усиленный светом из окна. Основное впечатление от мебели складывалось от картины на всю стену, и большой софы, которая занимала четверть комнаты. Предназначение комнаты выдавал письменный стол с множеством полочек, выстроенных на нем, и выдвижных ящиков, колонами спускающихся по бокам проема для ног. Стол стоял сразу за софой, слева от окна. Его поставили бы в упор к окну, но все эти нелепые полочки, построенные на нем как отвесные стены большого золотого рудника, закрыли бы большую часть света, попадающего в комнату. Навер-

няка такие столы предназначались для использования при искусственном свете, но владелец этого видимо любил больше бывать за ним днем. Также он, скорее всего, был левшой, в противном случае стол поставили бы справа от окна, ведь тогда свет не закрывала бы пишущая правая рука.

Когда Горейко, отвлекшись от нависшей на нем ответственности, и вновь принялся размышлять над ситуацией, то она выдалась ему не такой уж и сложной. У него был транспорт, в котором было по пол бака бензина, если не больше, ведь ночью они заправились. У него было полмагазина патронов к КППВ, а с этим он вполне мог расчистить себе путь от металлических псов, как это делал под Дубно Гавриил. У него было пять опытных бойцов, которые верны ему и вполне могут за себя постоять. Он задумался о Львове и вдруг поймал себя на мысли, что туда ему совсем не хочется. Куда тогда податься? И вдруг в голову пришло воспоминание о встрече со своим старым другом, Владиком Нелевским, который иногда бывал на военной базе в Дубно. Они встретились в центре города, было уже поздно, и Влад, вернувшись из одной из своих командировок, был невероятно уставшим. Он тогда спешил только в одно место, домой, но все же не удержался и выпил со старым другом чашку кофе. Таким он был, раздавал себя всему миру, а его сын прожил почти без отца и это при том, что Владислав любил его и страшно скучал всегда. При той встрече, помимо разговоров о семье, Влад еще упомянул, что на западе Украины ведется масштабное строительство. Эта информация была секретной, но по намекам было очевидно, что это бункер, который было необходимо построить из-за какой-то угрозы.

– Я не могу тебе сказать много, но если мир начнет рушиться – езжай в Карпаты – так сказал ему Влад.

Что ж, очевидно, что одно из условий выполнено, и мир действительно рушится, а значит ехать нужно именно в Карпаты. Юрий прокручивал в памяти эти слова снова и снова, силясь вспомнить, было ли это действительно намеком, или просто слова усталого человека, который мечтал отдохнуть на природе. Прокручивая в памяти разговор, он все же пришел к выводу, что шуток и мечтаний от Влада он никогда не слышал и тот вечер не исключение. В голове начали складываться первые фрагменты головоломки. Видимо военные на высоком уровне предвидели подобные события или хотя бы высокую степень вероятности таких событий, но, побоявшись паники, ждали до последнего, попутно готовясь к худшему. Что ж, это вполне логично, «Никогда бы не поверил, что никакой информации не просочилось, и она просочилась» – говорил с собой Горейко, смотря пустым взглядом на паркет.

– Карпаты, так Карпаты – сказал он наконец-то голубому камину, который, казалось, смешно пыжился своими рисунками и историей, как это делают, когда прикрывают непонимание.

Шум от множества голосов летел по длинному коридору, впитывающего все звуки от шагов Юрия Горейки. Отлично положенный паркет из старого, предварительно высушенного дуба, прекрасно прилегал к полу как мрамор, посаженный на цепкий раствор. Из дальнего зала, судя по большому количеству голосов, доносящихся в коридор, слышались некоторые, хорошо различимые, обрывки фраз. Горейко попытался вслушаться, чтоб понять, что его ждет, но признаков какого-то направленного спора не было. Это была просто волна негодования от растерянных людей, которым нужна была то пища, то вода, то какие-то гарантии. Каждая реплика исходила от другого человека, а усталый голос пожилого человека, все пытался их успокоить.

Горейко, набравшись решительности, надеясь заразить ею остальных, глубоко вдохнул и влетел в комнату. Он немного знал психологию людей еще из спецназа. Сейчас эти люди слишком заиклились на негативе, их охватывала паника, и нужно было быстро вытащить их из этого состояния в реальность. Он выбрал тактику, которая предполагала дать людям что-

то одно из того, что они хотели. Дать это нужно было так, чтоб они забыли про все остальные желания, трансформировав все их в одно. Это тактика курящего, который, когда начинает чего-то хотеть, курит сигарету, таким образом, утоляя одно из сильных своих желаний, снижает их общую силу. Это не совсем подходящий метод для умного и сильного человека, но для нескольких десятков растерянных и напуганных людей ничего лучшего не придумаешь.

– Здравствуйте люди! Меня зовут Юрий Горейко, я капитан взвода ОМОНа. С частью из вас я уже знаком, мы путешествуем из Дубно, с остальными рад познакомиться. Скажу пару слов о том, что я, как и вы, немного растерян из-за того, что происходит, меня также тревожит неизвестность. Скажу вам больше, я думаю, что мы сильно зависим от удачи, а это уже плохо. Но я также знаю, что на данный момент мы в укрытии, пока что нам ничего не угрожает кроме неизвестности. У нас, как я вижу, нет раненых и лежащих, поэтому в нашей ситуации есть много позитивных моментов. Знаю, вы в гневе ведь все, над, чем вы работали, все кануло в Лету, но главное – это наша жизнь и за нее мы будем бороться. Обещаем, что я и мои ребята не бросим ни одного из вас. Нам необходимо держатся вместе!

– Какой у вас план, капитан, – быстро вставил Игорь, кому как не ему знать, как сложно управлять массой людей. Он очень сильно подыграл и помог Горейку тем, что не дал нескольким бьющимся в истерике женщинам, сеять панику в сердцах у остальных.

– План есть, он рискованный но...

– Знаем ваши планы! Вы используете нас всех, и все умрут, никого вам не жаль! Уже науправляли страной, ироды! – толстая тетка лет пятидесяти начала поливать всю комнату своей истерикой и малодушием. А зачем она это делала? Хотя она знает зачем? Что это изменит? Будущее нужно лепить из того, что есть, а не из того, чего нет. А если есть только пару рук, оптимизм, и надежда, то зачем рушить и это? Что ж, воистину малодушие и страх убивают не хуже пули.

– Да – вмешалась другая женщина – почему мы должны вам доверять? Вы заперли нас тут как скотов, говорите, что так нужно и ничего не рассказываете! – она заплакала.

– Да хватит вам – в разговор влез уже какой-то мужчина – ребята хотят нам помочь, мы все в одной и той же ситуации.

Гул от шума и споров продолжался. Горейко не особо печалился по этому поводу, он даже удержал бывшего мера от реплик.

– Пускай попробуют изменить что-то разговорами и злостью, когда у них не получится, они снова обратят на нас внимание – шепнул он ему на ухо.

Люди спорили несколько минут. К ним присоединялись все новые и новые участники. Кто-то плакал, кто-то негодовал и злился, кто-то кого-то оправдывал, кто-то кого-то ругал. Какой-то мужчина даже выбежал к Горейку, и начал злиться, в чем-то упрекая его, но перед видом холодного, уверенного и спокойного взгляда тут же остыл, утих и украдкой отправился куда-то в толпу, чтоб более не обращать на себя внимание. Он вынырнул из ада этих споров и грязи, из этой ненависти и отчаяния и вся она разбилась в один миг, наткнувшись на разум и веру, которые предлагал Горейко. Он понял, а если и не понял, то нутром почувствовал, что в его негодовании нет ни капли истины и ему стало стыдно. Вскоре все больше людей разошлись из толпы по комнате, не в силу выслушивать глупые доводы и всю ту грязь, которая полилась из озлобившихся еще при былой жизни людей. Вскоре в споре уже участвовало всего лишь несколько людей, и Горейко понял, что пора.

– План действительно есть – сказал он просто и спокойно, так, как будто ничего не произошло.

Он излучал уверенность, хотя в душе сильно переживал, что ничего не получится, сердце билось и хотелось дышать чаще, но этого никто не заметит. Горейко не был прирожденным лидером или героем, но когда было нужно, когда было тяжело, он восставал из пепла первым.

– Мы отправимся на Юг. Обогнем Львов, который наверняка либо разрушен, либо отравлен, и отправимся в Карпаты. Есть большая вероятность, что там находится бункер. В любом случае в условиях глухой местности мы будем в большей безопасности, чем в окружении городов. Вы можете ехать, а можете не ехать, решать вам. Но я хочу знать, сколько людей поедет со мной.

– Я с вами – вызвался Игорь и отправился за спину к Горейко и мэру. Он был прекрасной фигурой второго плана в этой партии. Сообразительный и искушенный в психологии, он делал первые правильные шаги, протаптывая дорожку для других.

В след за ним пошли и другие. Все те, кто ехали из Дубно, семья с двумя детьми и еще много-много других. Заядлые спорщики, укротив, наконец, свою гордыню, тоже решили присоединиться. Многие из этих людей шли на риск, но они просто не знали, что еще они могут сделать. Они взвешивали ситуацию и не видели выхода, потому приходилось доверять этому незнакомому военному. Утешала только ОМОНовская форма и калаш на плече. Это хоть немного их успокаивало. Хотя государство и рухнуло как карточный домик, но его реквизиты еще внушали доверие даже притом, что прежде вызывали больше недоверия. Ведь Украина была далеко не примерной страной, в которой бы произрастало благополучие и здравый смысл. Может сейчас пришло ее время?

– Что ж, отлично! Готовьтесь в дорогу – вдруг его внимание привлекли люди в одежде официантов – Я вижу среди вас официантов. Тут есть какое-то кафе или ресторан?

– У нас прекрасный ресторан, был – отозвался парень лет тридцати в белой рубашке и черных брюках, на официанта он был не похож. Видимо это был один из менеджеров или администраторов.

– У вас хватит еды, чтоб накормить людей?

– Да, конечно.

– Я могу рассчитывать, что вы займетесь этим?

– Хорошо, все равно это лучше, чем просиживать здесь.

– Прекрасно – Горейко радовался, что все складывается довольно таки неплохо и среди этих людей есть те с кем можно иметь дело. Тем более, что несколько из местных видимо были знакомы с этим парнем и вызвались помогать – часть еды заготовьте в дорогу. Фрукты и полуфабрикаты, все, что в упаковке или сохраняется без холода. Мясное и рыбное можете приготовить все. Его нам все равно далеко не довести.

– Игорь, – Горейко подозвал к себе водителя Лэнд Ровера – мы уже знакомы и я хотел бы, чтоб вы проследили за продуктовыми запасами, спичками, металлической посудой, в которой можно было бы готовить на костре. В общем, все, что может быть полезно в длительном путешествии – после согласия, Горейко хлопнул его по плечу и отправился к бывшему мэру.

– Александр Владимирович. Я хотел попросить вас найти пару одеял, ведь ночью может быть довольно таки прохладно. Сложите их в коридоре и, если останется место в фургонах, мы возьмем их с собой. В общем, я хотел бы, чтоб вы еще опросили всех людей и выяснили причины, которые мешают кому – то из них отправиться в путь, если такие будут.

– Хорошо, я сейчас же всех опрошу.

– Ах, да, узнайте, есть ли среди них полицейские, пожарники, бывшие военные, которые могли бы помочь нам в организационных вопросах.

Также полезными могут быть врачи. Первых отправляйте ко мне, а врачи пусть будут в вашем распоряжении.

– Хорошо, сделаю все, что смогу.

Довольный своей работой, Горейко отправился на улицу. В кухнях шли приготовления обеда, Игорь, этот странный человек внушавший доверие, заготавливал съестные припасы,

а мэр выуживал пользу из зевак, или вагонов, как называли часто гражданских военные. Горейко немного озадачился своему доверию этому Игорю, у которого вместо фамилии было почетное звание водитель Лэнд Ровера. Он ничего о нем не знал, в общем, парень был очень дисциплинированным и старательным, и невероятно умело балансировал на грани между выскочкой и гением. Горейко остановился на выводе, что свою жизнь он ему не доверит, но многое другое, если присматривать за ним одним глазком, доверить можно. Да и мэр был человеком, очевидно, своим. Малоинициативным и более исполнительным, которым можно было руководить и направлять вполне успешно. Даже администратор местного ресторана вселял оптимистические чувства, однако от этого штиля было еще более тревожно. Общее видимое благополучие наверняка скрывало подводные рифы, которые скрыл прилив страха и безысходности. Наверняка кто-то из этих беженцев вскоре преподнесет сюрприз, но ресурсов, чтоб пережить такой сюрприз хватало.

– У нас сорок вагонов ребята, точнее сорок два – связался по рации с командой Горейко. – как у вас дела?

– Запад чисто.

– Север чисто.

– На юго-востоке по-прежнему прохладается несколько этих тварей. Там далеко в лесу я видел движение, но не уверен кто это, однако ставлю доллар, что там эти твари.

– Предлагаю бросить кого-нибудь им и смыться за это время – предложил Рэвека – думаю если это будет Арсен, то возможно они даже примут его за своего, если он разденется до гола. У них похожий шерстяной покров.

– Капитан, думаю, Рэвека может убить их, вызвав взрыв мозга. Он заговорит их до смерти – парировал Арсен.

– Ну, если никого из вас не бросят туда, то делом чести, пока я не сошел с ума от ваших дурацких шуток, было бы спуститься к ним самому. – Вольг был немного не в юморе, впрочем, в его случае это было нормально. Зато Свор и Бэн валились от смеха.

– Рад, что вы в хорошем расположении духа, ребята. Свор, отправляйся в замок и следи, чтоб там был порядок. Будешь моими глазами. Если что не так, то сразу сообщай. Бэн, ты идешь осматривать замок. Я хочу, чтоб ты осмотрел все комнаты. Может быть, ты найдешь там что-то ценное. Например, оружие охраны или сигнальные ракеты. Возьми себе провожатых, кто-то из гражданских – либо сторож, либо гид.

– Так точно.

– Дигир и Вольг, вы, по – прежнему, следите сверху. Рева на воротах.

– Принял.

– Вас понял.

– Так точно, Кэп.

– С тем парнем кто-то остался?

– Да, женщина – врач сидит с ним в белом Фольксвагене.

Горейко открыл дверцу. Женщина вздрогнула от резкого звука. Она очевидно задремала. Гавриил по-прежнему лежал на полу в багажном отделении в том же положении, в котором его положили.

– Как он?

– Без изменений. Лежит и все. Грудная клетка движется, других движений в конечностях или ногах я не замечала.

– Что ж, будем надеяться, что с ним все хорошо. Очень не хотелось бы, чтоб этот парень погиб. А есть какой-то шанс, что он придет в себя?

– Скорее всего, что нет. Его рана в очень не удобном месте. Ему осталось около шести часов, и это только в том случае, если кровь остановилась.

– А если кровотечение не остановилось?

– Тогда он погибнет спустя час или еще меньше.

– Значит, спустя час мы будем знать, что с ним.

– В принципе да. Но если бы мы могли добраться под броню, то я, скорее всего, могла бы ему помочь, если бы имела парочку простых инструментов. Нить, иголку и острый нож. Ну и возможность все это прокипятить. Женщина тяжело вздохнула. Хотя – какая разница. Просто планирую, чтобы не отчаиваться. Я уже осмотрела все и не нашла никаких кнопок, ничего. Кроме этих в шлеме, но мне их не нажать.

– Сейчас попробую.

Горейко нажал на кнопки ножом, они втиснулись. Он нажал то на одну, то на вторую. Потом попробовал на обе сразу. Это были кнопки, для листания визуальных фильтров в тех случаях, когда ломалась система голосового управления костюмом. Открывалась сутра только изнутри, но он пробовал еще несколько минут. Потом осмотрел остальные части тела. Мэр отправил к нему несколько людей, местного охранника из ресторана, парня, который только пару дней назад вернулся из армии и бывшего полицейского. Они вместе перевернули Гавриила и осмотрели спину, но ничего не получилось. В одном из зазоров Горейко поломал нож, пытаясь разрезать с виду податливую прослойку. Отчаявшись, они уселись на землю, пытаясь выровнять дыхание. Трое мужчин с удивлением смотрели на Гавриила, точнее на его дивный скафандр и терялись в догадках. Горейко вкратце объяснил им, что это «какой-то скафандр, а внутри свой человек». Фактически Горейко понимал, что за шесть часов доехать до бункера, где не факт, что кто-то есть и, даже если есть, то не факт, что он разбирается в таких скафандрах, не реально.

– Этому парню возможно уже не суждено проснуться, а я так мечтал поблагодарить его.

– Не будем отчаиваться, капитан, организм человека иногда выдерживает невероятные нагрузки, поверьте, в нем скрыты колоссальные резервы. Я была свидетелем таких случаев, когда выживали те, кому делаешь операции только потому, что этому обязывает совесть, которая не позволяет просто бросить человека умирать. А иногда умирали те, кто практически ждал выписки из больницы. Так что не стоит хоронить живых – вступилась за Гавриила женщина.

– Вы местные? – обратился к помощникам Горейко. Они сидели у противоположной стены и в молчании следили за разговором.

– Да, мы все местные.

– Среди тех, кто в замке есть механики или инженеры, может еще кто-то, кто мог бы понять, что тут к чему? Мне хотелось бы попробовать все.

– Есть один парень, который чинит машины, но я не уверен, что он сможет помочь.

– Приведите его, пожалуйста.

– Мой дед работал в Львове, в железнодорожном депо. Он старый и плохо видит, но может быть, я подумал, что... – парень понял, что дед скорее всего не поможет, но проникшись жалостью к умирающему Гавриилу, попытался все же что-то предпринять.

– Веди деда.

Горейко встал и вышел из фургона. Его опять атаковали его старые страхи. Он пытался отвлечься и пошел наверх, к Дигиру и Вольгу, чтобы осмотреть псов, которые отсиживались в пролеске. Все равно он был бессилен.

Он слегка приоткрыл глаза. Они быстро привыкли к освещению, потому, что было темно. В углу экрана были его жизненные показатели. Энергии было навалом, а вот жизненные показатели гасли. Ему оставалось чуть меньше пяти часов. Гавриил попробовал поднять голову. Костюм сразу вывел надпись «Отключение автопилота» и голова поддалась. Возможно, что он не смог бы поднять ее своими силами, но костюм умножил его силы в миллионы раз, превратив даже легкий рывок в вполне уверенное движение. Какая-то жен-

щина наклонилась над ним сразу. Она что-то говорила ему, но откуда ему знать, что она хотела. Сбоку были еще люди, все они с недоумением смотрели на него. Он вернул взгляд на женщину, которая явно что-то сильно от него хотела и упрямо добивалась этого. Он немного свел веки, пытаясь навести фокус, потому, что слабость добиралась и до глаз, размывая изображение, за которое он так хватался. Он сдался и опустил голову, пытаясь что-то придумать. В такие моменты тяжело понять, что именно нужно сделать. Хочется отдохнуть, сильная усталость врет, обещая спасение во сне. Он знал это. Ему вспомнились психологические тактики спецназа, о которых он так любил читать. Там было все, что нужно для выживания и ничего лишнего. Никакого вранья, никаких иллюзий и домыслов, никаких предположений. Он обожал эту определенность, и ее простоту, читая все это, он примешивал эти догмы к своему мировоззрению, незаметно становясь сильнее. Одна из них гласила «Оказавшись в тяжелом положении, продолжай принимать решения, планируй свое спасение всегда и везде, пытайся устроить свою жизнь любым способом». И он думал из последних сил. Лицо женщины, которая так пыталась ему что-то сказать, держало его внимание и постоянно, то исчезала в мире теней и бликов, то возвращалось к нему, как лучик надежды. Он видел, что она чем-то обеспокоена. «Может снаружи опасность, и она хочет, чтоб он ее спас?» Нет, другие мужчины тогда бы были перепуганы и смотрели по сторонам, но они смотрели только на него. Да и сам он ничего не может уже сделать.

Вдруг его накрыла мысль, что он умирает. Ему сразу вспомнились родители, которые возможно живы. Они были военными и их вполне могли эвакуировать. Он не хотел умирать, не попрощавшись с ними, или хотя бы не увидев их одним глазом. Вспомнилась могила Лены и вдруг захотелось к ней. Но неизвестность вдруг испугала его. Раньше он думал, что не боится смерти, однако смерть это пустяк, самое страшное в мире чувство, когда знаешь, что ничего нельзя изменить. Оно ужасней всех, от него хотелось избавиться. Гавриил с двойным рвением всматривался в губы женщины, пытаясь прочесть слова. Он заметил, что теряет контроль из-за легкой паники, которая, впрочем, вызвала прилив адреналина, что не так уж плохо. Инстинкт самосохранения, эта замечательная программа, которая в один миг развивала все иллюзии и занимает в мыслях достаточно много места, чтоб даже страх отступил, заставляя думать. «По крайней мере, я еще жив, а раз я жив, значит у меня есть шанс» – схватился Гавриил за единственный свой козырь. Его знания о психологических тактиках спецназа вступили в силу, еще одна его любовь спасала ему жизнь. Она гласила, что среди тьмы отчаяния и несчастий нужно находить любой проблеск света, который можете найти, потому, что только он способен вам помочь. Подогреваться отчаянием и страхом это – то же самое, что лезть в прорубь, пытаясь спасти обмороженные ноги. Мысли зашевелились в голове и полетели. На лбу даже проступил пот. Гавриил боролся опять и, заметив это, он вспыхнул новыми силами и надеждами. Вся эта борьба заняла от силы тридцать секунд, но он не забудет их никогда. Еще одно правило выживания гласило, что нужно уметь праздновать свои маленькие победы, чтоб не казалось, что вы ни на что не способны. Он боролся за жизнь и это уже хорошо, это уже маленькая победа.

Сил просто не было, Гавриил накручивал себя, опасаясь снова потерять сознание. Он всмотрелся в движение рук этой женщины, которая уже вспотела, изображая ему что-то. Она сжимала пальцы обеих рук, сводила их кулаками вместе, а потом разводила пальцы и выворачивала их вверх и в стороны, как иногда изображают взрыв. «Что она хочет сказать, что сейчас что-то взорвется и мне надо идти? Нет, я не смогу, вряд ли. Стоп! Она хочет, чтоб я открыл костюм. Может они смогут перевязать рану. Что ж, похоже на то. Нужно попробовать».

Мысли роились в голове, силы прибывали. Открыть костюм без голосовой команды можно было выполнив запрограммированное действие. Проблема была в том, что каждый мог выбрать свое. Под левой рукой была кнопка, которую можно было нажать правой рукой

или, сильно поднатужившись, даже левой. Стандартным действием было завести левую руку за голову и нажать на кнопку. Но этот костюм одевали прежде другие люди и они могли перепрограммировать его, что означало бы, что Гавриилу не выбраться из него без специалиста. Был еще вариант порезать костюм мечом, но об этом не хотелось думать. По крайней мере, пока что. Гавриил поднатужился и завел руку за голову, унылым и слабым движением потянулся к левой подмышке. Сутра то и дело останавливалась, не различая мышечных усилий со стороны Гавриила, однако он таки смог. Нажал на кнопку и в нескольких местах сразу разошлись швы. Все сработало. Множество наслоенных листов можно было отогнуть и вытащить в итоге Гавриила. Ноги открывались отдельно, но туловище было свободно.

Отпрянувшая от Гавриила врачиха бросилась к ране и начала кричать что-то другим мужчинам, тыкая пальцами то на одного, то на другого и безапелляционно приказывала выполнять какие-то действия. Она раздвинула шлем и посмотрела на Гавриила. Он бросил на нее слабый взгляд и улыбнулся, поняв, что угадал. Теперь можно было отдохнуть. Женщина нервно гладила его по лбу и вытирала катящиеся слезы. Ее тронула эта улыбка, люди всегда размякают, когда какие-то ожидания оправдываются. А этот парень ей был так симпатичен, он был грозным воином с мальчишеской улыбкой, и она спешила вернуть ему должок за то спасение под Дубно, когда он вернул ей ее будущее и мечты практически на блюдечке. Она копошилась над раной и вспоминала эту улыбку, которая грела ее. Однако теперь есть только дело.

Гавриил практически сразу отключился. Его глаза, цепляясь со всех сил за реальность, медленно ушли под тяжелые веки. Лицо обмякло, оставив следы от последних эмоций, предварительно исказив их до неузнаваемости. Сначала врачиха даже испугалась, что это остановка сердца, уж слишком резко он вырубился, но вскоре поняла, что ничего страшного не произошло. Спустя несколько минут к ней наведалься и Юрий Горейко. Многие из тех, кто был под Дубно, пытались чем-то помочь, столпившись вокруг буса, но вскоре позвали на обед и они ушли. Капитан поднялся наверх, и отпустил ребят пообедать, ведь их ждала долгая дорога.

К счастью кишечник был не поврежден, хотя меч и опалил его немного. У органических тел было странное свойство, которое защищало их от сверхактивной Уны, способной с легкостью резать метал и камни как масло. Фактически это доказывало наличия энергетической оболочки тела человека. Если бы не эта война возможно наука шагнула бы в невероятную область, открыв новые горизонты и возможности человека.

Наложив швы, подлатав несколько разрубленных сосудов, женщина закончила. В общем, она была довольна результатом, а это означало, что Гавриила ждало какое-то будущее.

В следующие полчаса были подготовлены люди. Все столпились во дворе, и Горейко распределял их по машинам. У одного из присутствующих оказался бус Спринтер, оснащенный пассажирскими креслами, он мог взять на борт около двадцати человек. Все складывалось довольно таки хорошо. Свор проверял исправность остальных машин. К капитану, в тойоту, грузили провизию.

– В Лэнд Ровере поедут Рэвека и Сворог. За рулем Игорь. Вы двое нужны, чтоб переносить пулемет. Если нужно выбивайте окна или люк. Лэнд Ровер едет в центре колонны. Держись в левой полосе, а все остальные водители в правой. Понятно?

– Так точно.

– Капитан, с поля к нам мчатся несколько этих тварей – раздалось в рации. Это был Дигир, который остался в дозоре на крыше.

– Наверное услышали как мы хлопаем дверьми.

– Рэвека Сворог и Бэн – на ворота с пулеметом. Вольг – уводи людей в замок.

Сам Горейко взметнулся по лестнице и наблюдал за дорогой. Из города к ним мчалось пять псов и еще трое или даже больше из поля. Патронов на них хватит. Вскоре те с города врезались в ворота с разбега, и деревянные ворота сильно подались вперед. Псы яростно лаяли и рычали. У них, казалось, должны были быть недюжинные глотки, чтоб издавать такой оглушающий лай. Ситуация начинала выходить из— под контроля. Ревека уже стоял с пулеметом.

— Бэн, быстро за руль и подопрй ворота вторым фургоном.

— Понял.

Спустя несколько секунд ворота уже были надежно подстрахованы почти трехтонным Транспортером. Рева вопросительно глядел на капитана, держа псов на мушке, но капитан медлил. Он ждал, может еще другие прибегут.

— Вали их — приказал он, наконец.

Короткие очереди из трех или четырех патронов двадцатого калибра пробивали броню, резко и беспардонно прерывая все яростные потуги псов. Однако Горейко не особо радовался этому. Он смотрел на них и думал о том, что если бы они выехали за ворота хотя бы на пару минут раньше, то эти твари разорвали бы их в клочья. И на что он надеялся, когда планировал проскочить незаметно?

— Теперь придется ждать минут двадцать. За это время должны прибежать те, кто мог услышать звуки выстрелов. Будем надеяться, что таких нет. Эти ворота меня сильно смущают. Рэвека, иди осмотри их, а я постою на карауле. Вольг, смени Дигира, пусть отдохнет и перекусит. Остальные — отбой.

Горейко был обеспокоен тем, что их жизнь зависит только от случая. Если парочка таких тварей выскочит из-за дома и Рева не успеет их подстрелить, то им конец. Горейко был бессилен и это его мучило. Он пытался убедить себя, что все не так уж плохо, но факт был фактом. Они как котята, брошенные на четырех полосный автобан. «Что ж, Господи, я бессилен, пусть будет по-твоему». Горейко отдавал в руки Творца лишь некоторые непобедимые ситуации, где его силы были никчемные и смешные. И это была одна из них. Слишком много факторов должно было совпасть, чтоб эти люди могли добраться до бункера, и все их человеку не дано предугадать. Прежние он смог пережить и это внушало доверие и спокойствие. Он смирился с любым будущим. В мыслях всплывали идеи остаться в замке, но треск дубовых ворот, слетающих с петель, живо развеивал их. Это была мнимая безопасность, которая закончится вместе с патронами к пулемету, а их было не больше сотни. Нужно было рисковать, но нужно было также рассказать о риске людям. Их жизнь теперь в их руках пускай доверяют ее ему или оставят себе, но решать вместо них нельзя.

Горейко стоял перед ними уже не такой уверенный как в первый раз. Он был тверд и решителен, но никого не хотел больше обманывать, выкладывая все на чистоту. Люди слушали молча. Былые склоки остались в прошлом. Горейкохватило чувства юмора приметить про себя, что их злость была от голода, и он пообещал себе кормить их регулярно. Все же его дух, в который раз, воспрянул из пепла. В этот раз он воспрянул еще быстрее, чем прежде. Если другие крепкие парни не падали духом, то Горейку пришлось преуспеть в умении подниматься с колен, и он преуспел.

— Мы с вами, капитан, мы в одинаковых условиях. Конечно, если кто-то — против — то оставайтесь, но я не могу не рекомендовать отправиться всем вместе на Юг. Как бывший ваш мэр я призываю держаться всем вместе и дальше!

Глава 5. Хорошие

Если мир рушится – ищи друзей.

I

*Карпаты
Округа бункера
28 августа; 19:05*

Вечерело. Безоблачное небо обещало звезды и луну. Колонна из множества джипов и автобусов с беженцами, среди которых был и Михаил, остановилась недалеко от Западного убежища. Машины разъехались между деревьев, казалось, что им нет конца, но, тем не менее, с воздуха их было не видно. Высокие карпатские ели плотно сходились над машинами своими старыми ветками. Было запрещено, насколько можно было что-то запретить гражданским, выходить из машин, курить через окно и говорить на повышенных тонах. Спецназовцы, расположившиеся по краю периметра, всматривались между деревьями. Они почти не двигались, стоя плотно прижавшись к деревьям или приседая на корточки. Чуть дальше, во впадинах или зарывшись в гниющую листву, лежали воины в сутрах. Они были первым рубежом обороны, охранявшим гражданских. Когда люди только приехали сюда, лес затих, слышно было лишь скрип высоких стволов елей и шелест листвы, но сейчас уже вновь запели птицы, что означало, что люди тут уже давно и окружение к ним привыкло. Если бы какой-то охотник или грибник гулял по лесу, то он прошел бы просто по спецназовцу и ничего не заметил.

Был приказ ждать темноты, чтобы не выдать расположение бункера и заодно удостовериться в наличии или отсутствии наземной или воздушной слежки. Конечно руководство не питало надежд, что расположение бункера большой секрет для противника, но бункер был крепостью, которую фактически нельзя взять. А вот люди, нуждающиеся в более чем полчаса времени для проникновения в убежище, были достаточно уязвимой целью. В принципе шанс, что противник не знал о бункере, был, и он был даже выше, чем противоположная вероятность, но нужно было перестраховаться. Людью больше нельзя рисковать ведь скоро их будет уж очень мало. Возможно, что только теперь ценность человеческой жизни начала приобретать свои истинные очертания.

Денек выдался солнечным и ясным. Лишь иногда небольшие белые тучи пролетали по небу, подгоняемые сильным, но теплым северо-западным ветром. Было очевидно, что этот ветер принесет в горы тучи побольше. Так всегда бывало. В этих краях небо показывалось очень редко. Тучи и целые циклоны поливали эти земли день изо дня. Они как огромные фуры, которые спешили на Юг, упирались в кончики гор и, подхлестываемые ветрами, не могли двинуться дальше, пока не сбросят большую часть своей ноши. Карпаты жадно обдирали их своей водяной данью, хотя иногда уже и сами не могли всю эту воду использовать во благо. Тогда случались потопа, которые сметали леса, деревни и размывали берега.

– Первый, это седьмой, Вижу движение на востоке, но распознать не могу – в наушнике Зороги раздался доклад одного из подчиненных.

– Седьмой, оставаться на позиции. Одиннадцатый и двенадцатый, двигайтесь на запад.

Сорок человек Зорога расположил по периметру. Остальные десять оставил в центре, они двигались то к одной предполагаемой точке нападения, то к другой. На них были спец-

назовские плащи, такие как у снайперов, сливающиеся с местностью, и казалось, что движется куст или вовсе легкий ветер сдувает верхний слой листвы.

У Зороги под командованием было около пятидесяти человек в сутрах, а это большой отряд для стального спецназа, но полковнику не привыкать. Он был, пожалуй, самым опытным командиром подобных операций в Украине. На его счету секретные миссии по всему миру на протяжении пяти лет. Если учесть, что сами сутры взяты на вооружение около шести лет назад в качестве экспериментального оружия, и выпущены в массовое производство всего год назад, то Зорогу можно было считать первопроходцем и ветераном. Эта область военного дела была еще слишком плохо изучена, не было литературы по тактикам ведения боев на мечах и тактик руководства такими отрядами. Еще не было ни позиций в бою, ни точек которые можно было прикрыть огнем. Вся многовековая история ведения войны канула в Лету, и новую печатали такие как Зорога. Ввиду этих обстоятельств он вполне мог ожидать скорого повышения.

Одним из спецназовцев, которых Зорога расставил по периметру, был Михаил. Он всматривался между деревьев и гнал мысли о Светлане, что постоянно подкрадывались и требовали внимания, но это было не допустимо. Он поддерживал внутреннюю дисциплину даже среди своих размышлений, заставляя себя думать только об окружающей среде. В самом начале он забросал себя листвой, медленно, без шума и резких движений, вблизи казалось, что сонный медведь пытается намазаться грязью и листвой, а издали и вовсе не было ничего заметно. Потом Михаил, как это делают спецназовцы, оказавшиеся в незнакомой местности, настроился на окружающую среду. Когда он полностью привык к окружению, захотелось расслабиться, но это обманчиво и приходилось заставлять себя изучать на память очертания деревьев и даже считать их. Он лежал тут уже второй час, костюм не пропускал холода от мокрой земли, но тело начинало просить смены позиции, чего делать было нельзя. Подавлять подобные желания он уже научился, сейчас было важнее не потерять бдительность. Ему хотелось потереть глаза, которые начинали ныть, что обуславливалось еще и слегка затемненным стеклом очков.

Он уже в который раз пересчитывал деревья и кусты. Он мог видеть около пятидесяти деревьев, если не поворачивать головы. Насчет некоторых он сомневался одно это дерево или несколько. Также он знал, что возле десятого, если считать слева, лежит бревно, похожие бревна лежали возле двадцать третьего и сорок девятого. Он шутливо называл их Вася, Коля и Витя, потому, что когда он только вышел на позицию, они показались ему сразу же подозрительными. Чуть дальше была неровность, образованная толи поваленным старым деревом, которое обросло мхом, толи старым пнем от такого дерева, заваленного листвой. Он следил за ним краем глаза всегда, потому, что враги в первую очередь спрятались бы именно там. Михаил с легким нетерпением ждал темноты. Он выбрал ее сигналом о конце своих мук и внушал себе, что она принесет ему счастье, и эта мысль поддерживала его в моменты, когда приходило нетерпение. Очень важно ставить себе маленькие и достижимые цели в подобных ситуациях. Эти цели питают ваш дух.

II

*Бункер «Карпатия»
Тот же день.*

Сам бункер медленно наливался жизнью. Электрики, механики, служба охраны, организованная из бывших танковых войск и авиации, ставшие резко бесполезными, выполняла самые различные поручения. В будущем этих ребят ждала переквалификация, но сейчас они распаковывали новую технику, проверяли освещение и воздушное наполнение тысяч мини-

атюрных семейных квартир, расставляли стулья в столовых, собирали постели в казармах, проверяли военную технику в амбарах и перепроверяли склады с провизией. Другие занимались уборкой за ними, собирая обрывки упаковок или пломб. Электрики в большой спешке, из-за поставленных нечеловеческих сроков, перепроверяли основные электрические магистрали. Многие из них любили отключать ввиду неопределенной даты начала эксплуатации бункера, совпавшая с нынешним днем. Электриков ждал огромный объем работы в многоэтажном спальном квартале. Казарменное электроснабжение было подключено ввиду того, что в бункере уже жил рабочий персонал.

Одной из важнейших задач был запуск кузни, где предполагалось собирать новые костюмы – сутры, которые стали единственным ключом к будущему. Там кипела наиболее напряженная работа. Инженеры в белых халатах и касках бегали и перекрикивались, рядовые механики перепроверяли ключевые элементы печей, роботов сварщиков и еще миллиона приспособлений. Программисты ломали головы над недоработанным программным обеспечением и их безопасностью. Кроме того с кузней не было связи. Она находилась глубоко под землей, ниже всех отсеков, кроме складов, находившихся на том же уровне, и связь с другими уровнями не получалось установить. Чуть позже выяснилось, что не было проложен кабель. Это означало также и то, что сама кузня не запускалась еще после инсталляции, и это сильно повысило напряжение. Работа с запуском кузни обещала затянуться до утра. Ее огромная площадь в три четверти гектара, почти полностью напичканная электроникой и механизмами, требовала множества сил.

В общей сложности бункер напоминал многоэтажный дом с огромными замысловатыми ответвлениями, стоянками, нависающими балконами и целыми этажами. Он располагался под горным хребтом вблизи самой большой горы – Говерлы. По сути, некоторые дальние районы планировалось еще достроить и там, но эти планы уже, к сожалению, в прошлом. Если описывать бункер по грубым меркам, то получится, что он построен в три уровня. Первый и самый низкий – складской. Там располагалась кузня, атомная электростанция с батареями, и огромные амбары со всевозможными ресурсами, провизией, оружием и даже самой дорогостоящей техникой. Вверх от склада, на поверхность, вел огромный лифт, способный поместить на себе небольшой истребитель, и самый большой для бункера серпантин. Следующий уровень состоял из двух частей. Одной частью были жилые этажи, где были, если перечислять снизу вверх и по порядку, жилые апартаменты руководства, довольно таки большая больница на триста коек и жилые комнаты, расположены на четырех следующих этажах. В общей сложности комнаты были рассчитаны на две тысячи триста семей. Самым верхним этажом был так называемый хостел, или отель без удобств, где в одной комнате жило много людей. Он был рассчитан на одиночек и случайных беженцев и мог поместить полторы тысячи человек, благодаря двухэтажным кроватям. По сути это была одна огромная комната с небольшими проходами между кроватями, которые едва позволяли разминуться двум людям. Комната была символично разбита гипсокартонными тоненькими стенами на секторы по десять кроватей, но такие стены почти никакой роли не играли. Скоро все эти кровати будут заняты, а сейчас там, в суматохе, сновали рядовые солдаты, развозя та тележках одеяла и подушки. Они еще не успели сделать это и для половины кроватей, ночь обещала быть длинной.

Следующий отдел второго уровня, построенный на противовес жилому кварталу, включал в себя командный центр, состоящий из нескольких этажей, выше него был корпус обслуживающего персонала и ремесленников, дальше научно инженерный центр, и на самом верху военные казармы для рядовых солдат. Рядом с казармами был еще огромный ангар транспорта, различных боевых машин, вертолетов и другой техники, который размерами не уступал складским помещениям нижнего уровня.

Самый нижний, складской уровень был самым внушительным строением. Многоярусные, влитые в бетонный пол полки из мощных швеллеров, держали на своих ношах самые разные вещи. Амбар делился на пищевой и обычный отдел. В пищевом – были разные продукты питания, от муки до вяленого мяса. Большая же часть складских помещений занимали всяческие батареи, оружие, боеприпасы, тонны автозапчастей и различных элементов бункера, как например стержни атомной электростанции или моторы водяного и воздушного снабжения бункера. Склад вообще был местом достаточно зловещим. Человек, страдающий даже легкой формой паранойи, сошел бы тут с ума. И все это из-за огромных потолков, которые стояли на сотнях необъятных опор, таявшие где-то вверху во тьме. Свет тут почти не жгли потому, что если бы попробовать включить все осветительные приборы, то на них ушло бы почти двадцать процентов общего объема вырабатываемой электроэнергии. Также было сложно поддерживать температурный режим этих помещений, но задача сильно упрощалась благодаря мощной вентиляции, только вот персоналу приходилось привыкать к прохладе. Главное, что влага рассеивалась.

Возле амбаров была кузня и электростанция. Она, можно сказать, только на эту кузню и работала, потому что на адамантитовую печь шло около шестидесяти процентов всей вырабатываемой энергии. Над ними располагались кабинеты военного руководства, залы заседаний и главный, так называемый серый кабинет, в котором должен располагаться главнокомандующий бункером. Все чиновники переходили под его руководство. Многие получали соответственные обязанности и занимались организацией жизни в бункере. Однако в случае нашей страны все высшие чины были отданы военным, моментально взявшие на себя всю власть, что было предусмотрено конституцией. Доверие народа к различным депутатам было мизерным, поэтому вряд ли у них были шансы, хотя некоторые уже планировали свои интрижки и выходы к власти.

Выше, над командным центром, располагались комнаты с компьютерами и людьми в серо-синей форме обслуживающего персонала. Тут вели контроль за различными службами бункера, водоснабжением, электропитанием, различными очистительными системами воздуха и воды, в общем, за всем, что питалось от электроэнергии в этой подземной цитадели. Каждое утро тут проводилось распределение людей, разбегавшихся по бункеру с сотнями заданий. От выполнения их и зависела нерушимость бункера, что казался таким совершенным и независимым. На самом деле его мощь зависела от этих людей.

Выше, над корпусом obsługi бункера, был научно-инженерный центр. Здесь занимались бесконечной научной деятельностью, пытались находить всяческие противодействия вирусам, оружию врага и кризисным секторам бункера, усовершенствуя его.

Над учеными располагались казармы. Койки, койки и еще раз койки, общий душ, простенький, но большой спортзал, который был сразу за тоненькой стеной и большая столовая в которой, впрочем, было не так уж и много места. К слову сказать, над каждой двухъярусной кроватью был свой турник, специально сконструированный для подобных военных казарм. Таким образом, солдаты могли проще поддерживать свою форму, не мешая друг другу в спортзалах. Беговые дорожки частично заменяли приседания, направленные на усиление мышц и скакалки, в чем-то заменявшие бег.

Рядом с казармами, всего в нескольких десятках метрах от поверхности, располагалась стоянка транспорта. Сейчас водители пытались расположить транспорт поплотней, чтоб поместилось парочка прибывших БТРов. Ребятам сильно мешали вертолеты, которые занимали много места, но место между ними занимать было строго запрещено. На стоянке было даже три истребителя. Она была очень внушительных размеров. В общей сложности вся конструкция бункера была возведена некоторым сверхпрочным материалам, которые были созданы всего несколько лет назад. Они были очень легкими, но прочными, хотя и не любили ударов. Что же касаться огромных площадей под землей и в

твердой породе, то это заслуга невероятных свойств Уны и адамантита из которых делали резцы для буровых установок. Сейчас бункер, и огромная площадь над ним, бала покрыта Уной, ее нанесли на горы и подвели к человеку, питавшему ее. Если убрать этого человека, активность Уны исчезнет, но место нахождения, так называемого источника, было мало кому известно. Для этой роли подбирались особые люди. Они жили особняком, занимались и делали то, что и остальные, только делали это в пределах одной какой-то комнаты, таская за собой достаточно тяжелый провод. Их было не больше десяти на убежище, зато благодаря им, никакая буровая установка не могла пробиться к бункеру. Когда таким людям надоедала их роль, находили других, было известно, что при психологическом истощении радиус, который могли привести к активности источники, сильно уменьшался. За этим следили специальные люди, которые, также, должны были следить за цельностью щита и латать так называемые дыры. Если Уну не удалось активировать слишком долгое время, то она распадается и превращается в различную материю. Чаще всего это был гелий. Но, пока что, связи были прочными, несмотря на масштабы покрытых площадей.

Бункер медленно оживал. Люди, бывшие его кровью, разносили по нему свою жизнь. Лепили ее своими руками, облагораживая интеллектом, чувствами и слезами. Они были его жизнью, он существовал для этих людей и был создан для них. Они зажигали свет и пускали по его жилам воду, электричество, воздух и свои слова. Одни из них были усталые, другие бодрые, третьи едва сдерживали слезы, переживая страшные потери. И только благодаря работе, они отвлекались. Они обнимались, плакали, смеялись, чтоб подбодрить себя или своих друзей, радовались, что им удалось спастись от ужасной участи, которая не миновала многих-многих других. Они мечтали об отдыхе или о работе. Что-то планировали, что-то любили, а что-то ненавидели. Они жили, как так, как у них получалось.

Во многих коридорах уже горело слабое освещение. В столовых подключали последние печи, конечно, что-то пойдет не так, но в общей сложности уже шло приготовление первого обеда. Повара боролись с усталостью и пытались готовить вкусно. Им не хотелось, чтоб кто-то был не доволен, ведь в их новом мире было уже слишком много плохого и хотелось заработать улыбку, способную воскресить их дух. Многие люди, посылаемые в отдаленные уголки бункера, работали с грустью и тяжелым сердцем, если оставались наедине и расцветали на глазах, увидев кого-то другого. Все резко почувствовали зависимость друг от друга, как это было в былые времена, когда выживание одного зависело от выживания целого племени.

Говорят, что все, что не делается, все к лучшему, что ж, возможно это так? Мир прошлого, направленный на удовлетворение собственных желаний, которые так и не удалось утолить, рухнул и в этом есть что-то символическое. Он рухнул и в буквальном и в переносном смысле, ему больше нет возврата, человечество больше не сможет так оступиться, как оно уже оступилось. Даже если бы этой войны, дерзкой, наглой, бесчеловечной и не произошло, все равно, мир должен был рухнуть. Мир иллюзий, лжи и жадности всегда рушится, его поклонники не всеильны. А ведь вся гуманность, о которой мы слышали по телевизору, все эти громкие слова о демократии и первенстве человеческой жизни шли от тех, кто, уходя с трибун, скрипел зубами, планируя свой новый кусок власти, необходимый ему как инъекция наркоману. Как мы видим теперь, кому-то захотелось слишком уж большой дозы, кто-то позарился на весь мир.

Кто бы то ни был, но у него есть лицо, руки, ноги, это человек, хотя внутри, под кожей, между суставов, кровяных сосудов и нейронов, к которым претензий нет, сидит маленькая, злобная черная ненасытная дыра. Она стягивает к себе с детства все больше и больше, вначале это были маленькие вещи, потом люди, потом страны, а вот теперь эта черная дыра посягнула на мир. Узнать бы имя этого человека, и встретиться бы с ним с глазу на глаз. Наверняка если выдернуть его из мира его же иллюзий, расколоть, растоптать его самоуве-

ренность, там окажется маленький и робкий человечек, который просто делал то, что ему хотелось. Он будет плакать и жевать сопли, говоря, что не хотел ничего плохого, что он какой-то чуть ли не миссия, спасающий мир. Он будет говорить вам то, что говорил себе годами, оправдывая свою жадность и убивая совесть. Обмануть себя можно, но факт остается фактом, если ты рушишь что-то – ты злодей, если ты защищаешь и строишь – ты человек. Да, да, просто человек, а не святой.

Наконец свои права предъявила ночь. После того, как люди были размещены в хостеле, где их обследовали врачи, в нижних залах заседаний командного центра началось первое собрание. За большим столом сидело множество офицеров. Сред них были генералы, полковники и все остальные военные, находившиеся на данный момент в бункере. Многим не хватило мест, и они стояли вокруг стола или опираясь спиной на серые стены, валясь от усталости. Главное место и те, что были ближе к нему, пустовали. Очевидно, что этих людей и ждали. Все те, кто сохранил бодрость духа, поглядывали на двери комнаты совещаний, где предположительно и были все первые лица, ожидая, что она вот-вот откроется. Остальные либо спорили о чем-то, либо беседовали с глупыми лицами, очевидно гадая над каким-то непонятным обстоятельством. Другие, кто был поважней и повыше рангом, получившим место за столом, перешептывались с соседями, наводя справки то об одном, то о другом. За столом был и Зорога. Он был бодр и энергичен, несмотря на вторые сутки без сна. Усталость была лишь в его глазах, хотя они оживали мгновенно, когда кто-то тревожил его вопросами, от которых полковник тут же пытался избавиться, чтобы не впутаться в очередную интрижку или демагогию. В них он смыслил плохо потому, что был практиком до мозга костей, потому и стоил на поле боя не менее десятка теоретиков. Он был здоров физически и духовно, его лицо отдавало жизнью, тогда как его коллеги, полысевшие и убитые слабостью от сигарет и выпивки, с трудом волочили языком.

Вскоре распахнулись двери комнаты совещаний, и в зал въехала инвалидная коляска. За ней вошли шестеро мужчин, тут же рассеявшиеся на свои места, располагавшиеся в непосредственной близости от места главнокомандующего. Многие не заметили и не расслышали в общем шуме толпы, как в комнате появился главнокомандующий, и продолжали свои усталые и напряженные беседы. Мужчина в инвалидной коляске, оказался главнокомандующим. Он был с виду лет пятидесяти или даже младше. Голову его покрывали седые волосы, зачесанные вперед, они придавали его лицу жесткости и служили контрастным фоном для черной повязки, прикрывавшей левый глаз. Левая сторона его лица была изуродована еще и шрамом, слегка терявшегося из виду из-за налегавшей на него глазной повязки, которая первой бросалась в глаза. У него были ноги, поэтому травма позвоночника была на лицо. На плечах у него были погоны с тремя большими звездами и красной каймой. Это означало, что он прибывал в звании генерал-полковник. Военная форма была гладко выглажена и очень удачно сидела на его атлетической фигуре. Его вид внушал уважение и силу, уверенный и спокойный, даже немного мягкий взгляд, отдавал интеллектом и опытом. Этот человек внушал доверие и своеобразную покорность, которая, тем не менее, не имела ничего общего с жалостью или лицемерной любовью раба. Нет. Смотря на этого человека, вы видели своего наставника, старшего брата или отца, видели воина и защитника, многим заплатившим за тот долг, что взял на свои плечи.

– Друзья! – прогремел мягким басом главнокомандующий. Его голос не был хриплым или слишком громким, но он прозвучал в ушах у всех – прошу минутку внимания.

Все резко взглянули на командира, и их взгляд невольно замер на харизматичной и волевой внешности главнокомандующего, оседая то на шраме, то белоснежной голове, то на отдающей морскими легендами глазной повязке. Но основное внимание занимали погоны, приводившие всех в ту форму сознания, что была обусловлена воинской иерархией.

– Меня зовут Богдан Сергеевич Вирвис. Мне выпала честь быть главнокомандующим нашего нового дома, западного убежища. Мне также выпала честь быть вашим командиром. Этот долг я начинаю исполнять с настоящего момента. Вкратце опишу ситуацию. Во-первых, стоит упомянуть, что я был пятым в списке на эту должность, но произошли кое-какие события, с которыми нам придется смириться. Эти печальные события привели к гибели большинства высших воинских и политических чинов. Сегодня утром, по дороге в убежище, были сбиты самолеты президента и министров, которые должны были доставить их в харьковское убежище. Транспорт с высшими воинскими чинами, ехавший по иному направлению с гражданскими, был уничтожен сильно превосходящими силами противника. Можно сказать, что эти люди взяли на себя удар, тем самым выиграв время для остальных. Таким образом, мы с вами оказались в довольно таки шатком положении. С одной стороны оставшиеся военные силы, научные и человеческие ресурсы отлично защищены в трех подземных бункерах, а с другой мы остались без более-менее слаженного руководства и опыта в этом деле. Во всем этом есть как плюсы, так и минусы, но, как бы там ни было, реальность такова, что мы с вами загнаны в угол и путь у нас только один – вперед. Поэтому я и главнокомандующие остальных бункеров, сегодня сошлись на мнении, что новым кодексом нашей жизни будет некий план действий, предусмотренный ведущими учеными, историками, военными и политиками, для ситуаций, когда верхушка власти в стране истребляется врагом. Этот план называется «Феникс». В нем есть множество недоработок, и мы, наверняка, познаем их на практике, но структура власти, распределение обязанностей в бункерах, основы внутренней и внешней политики было решено использовать в реальных условиях. Я и мои коллеги приняли окончательное решение защищать те законы, которые предусмотрены этим планом. Если кто-то из вас против того, что там изложено, должны мне сообщить в ближайшую неделю, если конечно мы ее проживем, и тогда вы сможете покинуть бункер без права возврата. В конце недели, за нарушение новых правил и законов, будут применяться самые строгие наказания. Я уверяю вас, что пока на этой планете есть хоть капелька воздуха, которым можно дышать, я буду соблюдать дисциплину в рядах нашей новой армии, какой малочисленной она бы не была. Если у кого-то депрессия, несварение желудка из-за того, что нет телевидения, спиртного или любимого телешоу, советую как можно быстрее решить эту проблему – по лицам офицеров пробежалась улыбка, все было по-прежнему. Старая добрая дисциплина не давала времени падать духом.

– Я уверяю вас, это не конец мира! Пока хоть один человек жив, можете быть уверены, что будущее у нас есть!

Генерал выдержал паузу. Его лицо было совершенно серьезным и спокойным. Этой паузой он отделил вступительную часть своей первой речи от деловой. Он умел говорить речи.

– Теперь к делу. Согласно плану «Феникс», иерархия власти в стране будет возглавляться советом главнокомандующих. Все виды власти будут сосредоточены в руках этих людей. Будет задействован принцип большинства, то есть все вопросы будут решаться в кругу трех главнокомандующих путем голосования.

Иерархия в нашем бункере будет возглавляться мной. В моем подчинении будут пять военных корпусов, отдел науки и обслуживания. Также будут сформированы, причем буквально через несколько часов, следующие военные корпуса: Корпус разведки и шпионажа; Корпус внутренней безопасности бункера; информации и связи; отрядов специального назначения и особых операций; техники и снабжения; Отдел науки и обслуживания бункера. На данный момент я уже сформировал командирский штаб. Начальниками корпусов назначены военнослужащие ранга полковник или генерал.

Теперь о враге. К сожалению, до нас доходят лишь обрывки информации. Есть информация о костюмах, подготовке врагов и их питомцах, но кто они такие достоверно не

известно. Есть лишь предположения о том, что это некая террористическая организация, которой удалось сохранить колоссальную секретность при многомиллионном составе. Нам известно, что под натиском сил этой группировки пал весь мир, все страны и народы. От населения нашей страны осталась треть, и еще неизвестно, какая именно судьба ждет жителей деревень и маленьких городков, они не были целью химических и биологических атак. Нашей первой задачей является безопасное наполнение бункера людьми. Этим начнем заниматься со дня на день, как только сформируем руководство и укомплектуем корпуса. Еще хочу добавить, что жизнь на поверхности с сегодняшнего дня закрыта для всех, кроме членов специальных подразделений, разведки и снабжения. Советую как можно быстрее привыкнуть к этому и смириться. Для снятия психологических нагрузок будем проводить различные мероприятия, но пока что соберите свои силы в кулак и не падайте духом, ведь это бесполезно. Все мы кого-то потеряли, все должны от чего-то отказаться, забыть о своих мечтах и планах, ничего не поделаешь. Я еще раз настойчиво рекомендую быстрее смириться с этим фактом.

Также вам нужно знать, что для военного персонала обязательным являться овладение антистрессовой методикой «Оплот». Я повторяю – это обязательно! Неподчинение будет наказываться дисциплинарными наказаниями. Это делается для вашего же блага, не забывайте.

III

Совещание продлилось до утра. Говорил в основном главнокомандующий, но абсолютно новой информации, которая становилась новым фундаментом для мировоззрения людей, было так много, что люди слушали с интересом, и усталость не касалась их. Они видели новый путь, где-то впереди им зажигали свечу, как ориентир в темноте и они шли к ней. Вместе с этой свечей в них загоралась надежда и вера, воскресали силы. Лишь те, кто не мог смириться были обречены на муки, но и им нужно всего лишь сделать это, понять, что либо так, либо никак. Это было так легко и невероятно сложно одновременно. Как забыть о погибшем сыне, как забыть девушку или жену, которую не смогли найти при эвакуации? Но что поделать? Нужно, как говорится, просто поднять воротник и идти дальше, и пусть с неба льет как из ведра, пусть вам холодно и даже некуда идти, а вы просто идите и все. Это просто... Будущее полно сюрпризов, а наши души воскресают от самой маленькой искры, которую иногда даже не успеваешь распознать.

Ближе к утру Вирвис распустил всех кроме своих секретарей, советников и командиров корпусов, входивших так же в совет. Исполнители же разошлись по своим новеньким комнатам и копили силы в коротком сне, стараясь не думать о том, какая каторга ждет их в эту первую неделю. Среди них был и Михаил. Возбужденный переживаниями о Светлане он даже не мог думать о сне, а выпитая чашка кофе из автомата, стоявших повсюду в длинных коридорах, еще большее натянула нервы. Он мог бы воспользоваться сотнями приемов, чтоб сбросить стресс в кратчайшие строки, но не хотел. Он с ужасом представлял, что его жена, как в том ужасном сне, лежит на пороге его дома и некому даже закрыть ей глаза, он не мог отделаться от этих образов. Он понимал, что бесполезно терзаться, но и хотел наказать себя за то, что он жив и здоров, а ее все нет и нет.

Ноги невольно довели его до информационного окошка, одного из пяти. Очередь была огромная, и это было обусловлено еще и тем, что самое крайнее, пятое окошко, не работало. Люди подходили к девушкам и спрашивали о своих родственниках или друзьях, те вводили имена в базу данных дважды и смотрели, прибыли ли они в один из бункеров или нет. Тогда люди уходили радостные или грустные, а те, кто еще надеялся, становились заново в очередь. Другие следили за большим монитором, на котором появлялись имена зарегистриро-

ванных беженцев сразу же, когда те прибывали. Михаил стоял в одной из очередей и переполнялся той грустью и тревогой, витавшей в этой комнатке, больше похожей на вытянутый короткий вагончик. Комнатушка была настолько короткой, что многие стояли уже в коридоре. Кроме этого она была еще и узкой, и четыре очереди, упираясь в стену, сливались и выходили сквозь открытые нараспашку двери в коридор. И нельзя было понять, кто и к какой из них относится.

Спустя получасовое ожидание, Михаил, чтоб слегка отвлечься, уставился в монитор и читал все имена подряд. На нем было два окошка. Одно из них было намного больше другого, имена и фамилии там пролетали быстро, но они были большими и хорошо заметными издали. Потом эти имена помещались в правое окошко, где список был больше, и продвигался медленней, но и имена там были написаны очень мелко. Михаил читал то один список, то другой. Различные замысловатые фамилии почти никогда не повторялись, и он диву давался воображению неведомых предков, которые когда-то решили давать друг другу прозвища и имена. Кофе отпускаяло, и глаза начинало резать. Эта усталость поселилась в них еще и от почти суточного пребывания в костюме. Он то и дело закрывал и тер их, чтобы сбросить спазмы, резавшие глаза, если всматриваться в мелкий список, но это слабо помогало. В очередной раз, взглянув на монитор, пролетело Светлана Соборова. Он посмотрел не вовремя, и имя скрылось с большого списка. Сперва ему не поверилось, что он увидел именно это имя, в нем проснулась радость, но вспомнив о боли, он успокоился и побоялся разочарования. Он вспомнил о втором списке и начал терпеливо и внимательно всматриваться в каждое имя, боясь ошибиться. И вот вновь: «Светлана Соборова – Зап. Уб.». Это была она и она была в западном убежище, она была здесь! Окрыленный невероятным облегчением, Михаил быстрым шагом отправился к лифту, нужно было добраться к хостелу. Он бы бросился бежать, но этот район бункера был слишком оживлен людьми сновавшими туда-сюда.

Спустя примерно десять минут он наконец-то добрался на верхний этаж, к хостелам. Там было человек пятьдесят, ждавших своих родных, которые проходили беглый медосмотр и анализы. Не смотря на то, что это был беглый анализ на заразные болезни, не более, все равно он требовал примерно сорок пять минут на человека. При ограниченном количестве врачей это должно было затянуться на пару дней, а ввиду того, что скоро придут новые люди, врачей можно было просто пожалеть.

Михаил нервно всматривался в стеклянную дверь, пытаясь распознать в очередях Свету, но это было практически не реально. Спустя какое-то время он отказался от этой идеи. Его мучила жажда и было немного не комфортно в желудке, к тому же сон нагло и беспардонно, как рэкетир забирающий дань, забрал себе какую-то часть сознания, оставив Михаила и вовсе без ресурсов. Он отошел от такой же усталой толпы счастливчиков, как и та, возле информационных окошек, но глаза этих людей горели, ведь у них все еще было ради кого жить, и стал в сторонке.

Михаил, ваясь с ног от усталости, прислонился спиной к стене. Он всего на миг закрыл глаза и опустил голову на груди. Перед глазами вспыхнул образ Светланы. Теперь она уже улыбалась, обнимала его, а он, обхватив ее талию, просто всматривался в ее глаза. Мечты медленно обрастали деталями и становились все реальней, захватывая все большую часть сознания Михаила. Уснув на какую-то секунду, он отдернулся, резко приходя в сознание и улавливая потерянное на миг равновесие. За короткое время его усталые глаза уже расслабились, и нужно было привыкать к свету. Он инстинктивно осмотрелся по сторонам. Толпа все еще стояла у стеклянных дверей, но от нее уже начали отходить люди, которые сновали туда-сюда по коридору, пытаясь подольше сохранить бодрость. Кое-кто куда-то уходил, кто-то беседовал с кем-то в тених слабо освещенного коридора. Порой казалось, что весь бункер – это бесконечный коридор, такой себе лабиринт, где чужак не мог определить разницы ни в этажах, ни в корпусах. Абсолютно стандартная расцветка стен, освещения и

других элементов интерьера. Врагу было бы сложнее находить важные части бункера, когда эти части ничем не отличались с другими. Это могло дать дополнительное время для эвакуации и спасти парочку жизней.

Михаил ощутимо взбодрился после минутного расслабления. Осматривая коридор, он случайно, абсолютно незаметно для самого себя, выхватил из толпы до боли знакомое лицо. Она стояла, прикрыв рот руками, и смотрела на него. Ее глаза были мокрыми от слез счастья. Светлана не знала жив ли Михаил и вот теперь сбылись те мечты, в которые она боялась верить. Михаил тоже не мог поверить, что все его страхи теперь лишь глупые воспоминания, они все еще держали его, и он не верил своим глазам. Они смотрели друг на друга какой-то миг, совершенно не готовые к такой встрече, а потом бросились в объятия друг к другу. Как описать то, что было в их душе? Как бы они описали это? С чем сравнить оправданную надежду? Они были просто счастливы, они были лучиком света друг для друга даже в этом царстве тьмы, страданий, бед и разрушений. У Михаила катились слезы, а Светлана и вовсе рыдала как маленькая, и скоро, заметив это, Михаилу стало по доброму смешно, и он принялся успокаивать ее.

Ближе к полудню следующего дня, Михаил проснулся первым от короткого сна. Они со Светланой получили комнату около восьми утра и тут же рухнули спать. Отбросив все тревоги, Михаил буквально упал в глубокий сон, а сейчас проснулся бодрым и полным сил. Все его страхи остались позади и начал свою привычную работу разум. Светлана все еще спала у него на груди и Михаил не смел ее тревожить. Он лежал, обнимая ее, и думал о том, что их ждет. Их комнатка была маленькой, но достаточно уютной. Не было ни сырости, ни холода, температура держалась комфортная, даже воздух из вентиляции подавался уже обогретый, не то, что в коридорах, где постоянно донимали сквозняки. Михаил смотрел мысленно в будущее, и ему в голове никак не укладывалось семейное счастье, он предчувствовал расставание, на душе было тяжело, но эта тяжесть была привычной и даже уже родной, она была данью тому опыту, который был за плечами Михаила, интуицией в чистом виде. Когда так на душе, то можно смело ждать посыльного от начальства, который скажет старое доброе: «Нужно идти, времени нет, вас ждут наверху». Михаил уже приготовился к этому, он знал, что так будет, понимал это, и был готов. Но сейчас он тонул в теплоте Светланы, ее нежности и уюте их маленького гнездышка.

Бункер медленно оживал и приходил в себя. Те, кто еще не ложился, вяло расходились по убежищу, выжатые как лимон, но радостные от выполненного долга. Те, кому удалось немного поспать, говорили громче, выглядели бодрей и ходили быстрее, они были готовыми к работе, а ее было немало.

Бункер работал как надо. Все системы отлично функционировали, мелких неожиданных неполадок было единицы, и ремонтные службы благодарили Бога за то, что им попался так называемый «удачный механизм». Всегда существуют удачные и неудачные конструкции механизмов, даже тогда, когда в них нет брака. Среди разного рода мастеров существует понятие живой и мертвый механизм, когда в нем есть душа, есть некое настроение, или, другими словами, энергетика. Западный бункер в этом плане имел неплохую энергетику, хотя все это всего лишь суеверия. Ведь если вкладываешь в дело душу, если делаешь его с отдачей и совестью, то и получается неплохое творение, а Западный бункер был построен с душой. И людям жилось тут неплохо.

Ближе к обеду в сером кабинете главнокомандующего, все еще продолжалось ночное совещание, которое носило то исполнительную, то планирующую, то организационную функцию. Главнокомандующий все также восседал в своем кресле, с безупречной осанкой, ровным и спокойным тембром голоса и нерушимым спокойствием. Вокруг стола сидели командиры корпусов, кто-то стоял у вытяжки, куря очередную сигарету и попивая из большого картонного стакана кофе. Это кофе бесконечно варили в соседнем кабинете секре-

тарши, с расчетом еще и на себя. Они болтали о войне, о своих бедах, курили и также пили кофе. Молодые солдаты бегали с разного рода бумагами, их они носили из кабинета в кабинет, это были распоряжения, приказы, инструкции и другие важные поручения.

Михаил сидел в конце стола, рядом с Зорогой, ставшим руководителем Корпуса Отрядов Специального Назначения и Специальных Операций, в придачу получив звание генерала. Зорога почти не учувствовал в разговорах, они его не интересовали, он говорил лишь тогда, когда речь шла о его подчиненных и операциях, возлагавшихся на его подчиненных. Ему было проще, чем другим командирам, Главнокомандующий Вирвис был его старым боевым товарищем, хотя и не близким другом, но говорили они на равных и Вирвис не боялся этой близости, он всегда был сильнее всех людей, которых встречал и Зорога знал это даже тогда, когда вел себя по – панибратски. Если бы нужно было – Вирвис бы поставил его на место и именно на то место, куда он бы захотел, но он почти никогда так не поступал и всегда выбирал толерантный подход, за что Зорога и уважал его.

Михаил со скукой осматривал лица генералов и полковников, с безразличием слушал беседы. Он знал, что его место среди всех этих высокопоставленных лиц не случайно. Звание ему давать незачем, информации у него особой нет. В комнате даже не было военнослужащих его ранга. Михаил с иронией и грустью понимал, что для него что-то приготовили, что-то ждет его, что-то особенное. Когда он был моложе, он мечтал о таком, выдумывал в мыслях вот такие ситуации, где ему всегда говорили: «Страна нуждается в вас!» и Михаил гордо с готовностью рвался удовлетворять нацию. Но сейчас все было иначе. Нет, ему не было страшно, просто он знает, что для него важнее всего на свете, что он боится потерять, и страна была чуть ниже в иерархии приоритетов.

– Господа, прошу вас в комнату для совещаний – главнокомандующий кивнул Зороге и Михаилу – остальные свободны, отдыхайте.

Зорога посмотрел на Михаила и кивнул ему, показывая на дверь, куда поехал на своей тележке Вирвис. Михаил послушно поднялся и пошел. Зорога шел впереди и не видел, как Михаил бросил взгляд на тех, кто уходил прочь из кабинета, ему хотелось быть среди них, и он не мог это отрицать.

Это был небольшой, но очень уютно и богато обустроенный кабинет. На стенах были красивые дорогие обои и замысловатые светильники, их было достаточно много. На белоснежном потолке были различные узоры и рельефы, придававшие ему благородства. Весь кабинет походил на комнаты дворцов эпохи возрождения, только мебель была более современной и очень удобной. У картины с окном, собственно заменявшая окно как таковое и даже подсвечивалась, стоял небольшой стол, очевидно, предназначенный для главнокомандующего. В центре комнаты были глубокие, низко посаженные кресла, они откидывались, превращаясь в удобные, поглощающие усталость кушетки. Эти кресла стояли вокруг большого черного стеклянного стола, возносящегося всего в тридцати сантиметрах над полом, украшенным прекрасным ковром, который защищал дубовый паркет от всевозможных царапин и создавал драгоценный уют. Правда все это не оказывало особого впечатления на Михаила, он уже давно взял себя в руки и думал о деле.

– Валерий Николаевич, налей нам чего-то, я видел, как ты дремал за столом, теперь будешь на побегушках. – Подколол старого товарища Вирвис.

– Служу народу Украины – парировал Зорога и отправился к бару, с ним, очевидно, он был уже знаком. – Капитан, что вы будете?

– Спасибо, я не пью.

– Похвально – без намека на лесть заметил Вирвис – Михаил, вам наверняка очень интересно, зачем вы здесь и что вас ждет, но я хотел бы, чтобы мы дождались всех участников этой беседы. Их всего двое и они придут с минуты на минуту.

– Если опоздают, то я их выпорю – сострил Зорога, хотя это совсем не походило на шутку. Скорее создавалось впечатление, что этих двоих парней и вправду выпорют.

Вирвис медленно и ловко перенесся из своего самоходного кресла в то, что было у столика. Он впервые за сутки расстегнул верхнюю пуговицу на кителе, и с неоспоримо-очевидным удовольствием откинулся в кресле. В этот момент Зорога управился с выпивкой, ею оказалась обыкновенная кока-кола. Михаил подметил это про себя и Вирвис прочел его взгляд.

– Лекарства – он многозначительно приподнял кока-колу, оправдывая свой выбор – когда пена уляжется, все решат, что это какой-то коктейль.

– Он знает твой секрет – вмешался Зорога – теперь придется его убить.

– Так и сделайте, этот секрет я не смогу носить в себе всю жизнь – парировал Михаил, шутливо вставая с кресла и демонстрируя готовность умереть.

Все трое засмеялись. Учитывая, что Михаилу приходилось быть в тылу различных террористических организаций и банд, играя роли бандитов, террористов, торговцев оружия и жадных предателей, пустяк с кока-колой казался действительно абсурдным и смешным. Смех довольно резко изменил общую атмосферу в комнате. В этот момент все трое уже были в креслах, достойные, сильные и умные люди. Если бы не война, то эта встреча могла бы быть очень интересной.

– Я забираю свои слова обратно – пробубнил Зорога, потягивая свою выпивку, которую он делал минуты три не меньше – если эти двое опоздают, я дам им отгул. Очень уж удобное у тебя кресло, Бодя.

– Шутки шутками, парни, но проверить то, что мы хотим, будет крайне тяжело. И тяжелей всего будет вам, Михаил.

– Может мы бы перешли ближе к делу? – не удержался Михаил. В душе ему хотелось закончить с этим, и скорее уже узнать в какой ад его хотят отправить. Более того вся эта обстановка начинала казаться ему уже не такой милой и расслабляющей. Он понимал, что эти ребята ничем не рискуют, а ему как всегда, придется рискнуть всем, что у него есть, а есть не так уж много. Понятно, что им хотелось расслабиться после долгой ночи, но по отношению к нему это было не честно. Хотя терпения, воли и знаний Михаилу еще хватило бы, чтоб сейчас отправится тамадой на свадьбу, все же хотелось уже влиться в работу, чтобы разум не рисовал всевозможные картины ужасного будущего.

– Михаил, сразу хочу вас предупредить, что у нас есть альтернативные варианты, мы можем выбрать других людей для этого задания. Но вы первый в списке и мы бы хотели, чтоб именно вы занялись этим заданием. Должен заметить, что оно не носит форму приказа по той причине, что без личного согласия и готовности с ним не справится. – Вирвис сделал паузу, изучая реакцию Михаила и ожидая, что бы он включился всецело в разговор.

– Я это учту.

– Отлично. Второй момент, который вы должны учесть, состоит в том, что это задание крайне секретно. О нем будет знать всего пятеро людей, включая вас. Такая секретность обусловлена чрезвычайной важностью и сложностью вашей миссии.

– Мне не привыкать.

– Хорошо. Итак, миссия крайне амбициозная, и рискованная, мы понимаем это и я еще раз напомню, что вы имеете право принять любое решение по этому поводу. Если в общих чертах, то это троянский конь. Мы хотим внедрить вас в тыл врага и сделать это нужно как можно быстрее. Сейчас они наверняка сильно заняты, у них идет большой расход персонала, огромные потери других ресурсов и, пока они, кем бы они ни были, не станут на ноги, они будут искать побольше союзников. Вы уже пересекались с их организацией. Мы считаем, что террористическая группировка «Хаос», на которую вы почти вышли до этой

войны, является одним из многочисленных ответвлений нашего теперешнего врага. Теперь ответьте на вопрос: У вас там есть связи?

— Да, я был на последнем этапе внедрения. У меня уже был человек, который хотел привести меня к ним. У них там идеология, что-то типа «построим новый мир на руинах старого». Человек, который занимался мной, промывал мне мозги этой идеологией почти три месяца, и мне удалось убедить его, что я полностью охвачен ею. Меня должны были представить их руководству с дня на день.

— А какая у вас была легенда?

— Я помогал им в мелких разборках с криминалитетом и других разбойных операциях как наемник. Основная идея моей маски — это простой солдат, который хочет подзаработать. Я сливал им мелкую информацию для затравки, помогал находить поставщиков оружия и наркотиков. В основном они не работали с криминалитетом, а просто отбирали все, что хотели. Я работал с другими парнями, которые были настоящими профессионалами. Мы просто сносили все, что нам попадалось. Не знаю как они, может их тоже внедряли, этого я сказать не могу, но меня такая деятельность устраивала. Короче говоря, внедряясь к ним, я параллельно делал работу полиции, поэтому мне было довольно легко доказать свою преданность.

— Тот человек, который имел с вами дело, кто он? Что вы можете о нем рассказать?

— Евгений Святославович Быков, бывший полковник милиции. Ушел в увольнение после травмы. Они поймали одного блатного, а за ним пришли битком набитые оружием братки. Наш полковник выбежал помогать в перестрелке и получил пулю в плечо, прямоком в сустав. В итоге инвалидность и увольнение. Там у них полно таких. Ну а если забыть о прошлом, то он был одним из главных в «Хаосе». Я даже предполагал, что он и есть главный, только прикрывался историей типа он шестерка. Это позволяло ему быть везде и сразу, не боясь за себя. Он выдал себя однажды, сказал, что уходит к начальству, а наши ребята довели его до казино. Так что он важная персона, не сомневайтесь.

— Каковы были ваши отношения с ним?

— Не знаю, я никогда не мог бы довериться этому человеку. Он ко всем относился как к сыновьям, а когда кто-то погибал на задании, то казалось, что он даже рад. Да и вообще деньги он любил страшно, больше чем людей. В общем, скверный тип, хотя и умный мужик. Что же касается конкретно меня, то ко мне он относился более жестко, зато я делал для него самые важные задания. Думаю, что он чувствовал, что я его насквозь вижу и за это уважал. Остальные для него были наивными детишками. Пару раз он послал ребят просто насмерть, чтоб прикрыть основные группы. Скользкий тип, с ним невероятно сложно было играть и убеждать его. Он часто задавал провокационные вопросы в самый неудобный момент.

— Как думаете, вы смогли бы заставить его верить вам еще раз?

— Не уверен. Пожалуй, шансы равные на любой исход.

— И все же ваши шансы как минимум вдвое выше, чем у других. У вас есть человек, который практически доверял вам. Вы могли бы прикрыться им. У других такой возможности нет.

— Да, я понимаю.

— Вам нужно время, чтоб решиться?

Михаил задумался на миг. Он оторвал глаза от Вирвиса. Перед ним в его мыслях всплыла Светлана, которая будет одинока и несчастна. Неизвестно какая информация о нем будет распространена. Наверняка общая, которая будет ходить в кругу военных, то есть он будет для нее предателем. Какие шансы вернуться оттуда? Если он все сделает верно, то он на годы, а может и до конца своих дней будет в тылу. Даже если каким-то образом нашим удастся победить до конца жизни Михаила, то есть большие шансы погибнуть при штурме, или еще тысячи и тысячи вариантов. Но с другой стороны там он сможет сделать для нее

в сотни раз больше чем тут. Как долго продержится бункер? Насколько хватит припасов и человеческих ресурсов? Нет. Он должен. Тяжелая судьба, но он должен.

– Нет, времени не нужно. Давайте ближе к делу – выдохнул Михаил, это решение камнем легло ему на плечи, он немного засомневался в своих силах и правильности решения, но отступать было уже некуда. Да и более того, он знал, что согласится на все, что угодно на этой беседе. Он понимал, что будет невероятно сложно ведь идет война.

Глава 6. Шах

Самая коварная ложь строится на неоспоримой правде.

«Карпатия»

30 сентября

– Капитан, не забывайте, что мы всегда готовы принять вас обратно. Если выполнение задания станет невозможным – возвращайтесь. Однако не забывайте, что вы наш единственный лучик надежды.

– Я сделаю все, что в моих силах, обещаю вам.

Вот и прошел месяц подготовки. Тысячи переигранных ситуаций, сотни новых деталей для легенды, которые пришлось изучить, среди них были и ложные и правильные. Ложные всегда цеплялись за правильные, искажая их. Самая коварная ложь строится на неоспоримой правде. Михаил уже не думал об этом задании. Он давно оставил сомнения позади и открыл свое сердце будущему. Тяжесть спала с плеч, и он как на крыльях вылетел из кабинета главнокомандующего. Это была последняя встреча тет-а-тет. Еще было только четыре утра, весь бункер спал, а они уже готовились к самому важному делу их жизни. За этот месяц со Светланой Михаил буквально воскрес. Он свыкся с мыслью о предстоящем деле и давно оставил тревоги позади. Это было его новым делом и ничего больше. Он был уверен в своих силах, он знал, зачем делает все это и он знал, как это делать. За время тренировок он сильно вырос. В учителя ему выбрали ветерана разведки, неунывающего и искусного человека, он был невероятно умен и опытен. Этот человек невольно вернул Михаилу веру в себя. Наверняка он был какой-то легендой шпионских кругов, о подвигах которого, мы и не узнаем никогда. В любом случае Михаилу казалось, что он готов ко всему. Однако было ли это так на самом деле? Или это лишь удачно построенная психологическая защита? Время покажет.

В лифте Михаил проверил все системы скафандра. Он был в новенькой офицерской сутре, с новеньким комплектом оружия класса Тотус. На планировке снаряжения был соблазн слить на это задание старую или даже потрепанную в боях сутру, так как она все равно достанется врагу вместе с Михаилом, но это могло бы породить лишние подозрения. А если это могло породить подозрения, то этого делать было нельзя. Ведь Соборова итак будут подозревать во всем, чем только можно, и давать лишний повод крайне глупо и опасно. Наверху уже были все члены команды. Из-за крайней секретности операции Михаила никто не провожал, никто не задавал вопросов, никто не желал удачи и не смотрел со слезами на глазах. Для всего бункера это был обычный рейд за ресурсами или какими-то людьми. Усталый часовой осмотрел разрешение и пропустил в ангар с автотранспортом. Старенький дизельный хаммер должен был довести их до самого Крыма. Нужда в таком длинном переезде была обусловлена новыми реалиями военных будней. Все еще неизвестный враг начал контролировать воздух, чем сильно снизил скорость передвижения по стране, поэтому еще неделю назад пришлось прибегнуть к столь длительному и изнурительному переезду. Однако Михаилу это нравилось, день в дороге по своей родной земле еще на пару часов оттянет его суровое будущее. Единственное, что отличало этот хаммер от других – он был полностью отремонтирован всего пару дней назад. Новенькая ходовая и переточенный движок давали парням пару лишних бонусов.

У так называемой миссии было несколько целей. Одна из них была полностью секретна для всех – это внедрение Михаила в тылы врага. Вторая, которая была на бумагах – это рейд, и третья – это разведывательная миссия, целью которой было найти старый подземный бункер в горах Крыма. Об этом бункере знали и враги. В первые дни войны, когда спутники

еще повиновались нашим, была замечена активность в самом бункере. Были даже фото воинов в сутрах. Очевидно, что там была устроена засада, ожидавшая ничего не подозревающих беженцев. По новым данным со спутника, перехваченным три недели назад, удалось узнать, что бункер заселен. Скорее всего, он был перевалочным пунктом. Слабая охрана из обыкновенных солдат, вооруженных стрелковым оружием, которая была прямо как сыр в мышеловке, постоянно на виду, выдавала засаду. Именно разведка и возможный захват этого бункера и было третьей целью миссии. Об этой версии знали почти все вышестоящие военные, но никто не говорил об этом думая, что он посвящен в тайну. Некоторая часть информации об этом, так называемом, разведывательном задании была запущена в качестве слухов таким образом, чтоб каждый из военных мог дополнять эти слухи своей информацией, одновременно опровергая одного из своих коллег чем порождая еще больше интереса и вопросов именно к этой версии. Таким образом, тылы миссии и тылы Михаила были прикрыты более чем надежно. Ведь чем больше споров порождает какой-то вопрос, тем дальше от понимания истина.

Еще более надежно они были прикрыты благодаря удачному стечению обстоятельств. В общей сложности это было трагедией, но в условиях закулисных интриг это сыграло роль прекрасного трамплина. Буквально две недели назад несколько военных без вести пропали и вскоре были запечатлены разведгруппой во вражеском автотранспорте. После этого были раскритикованы данные о местоположения Харьковского убежища, которое подверглось небольшому штурму, что могло свидетельствовать о том, что информацию об этом бункере выдали именно предатели. Вслед за этими двумя дезертировало еще несколько рядовых солдат, местонахождение которых уже не удалось узнать. Известно было лишь то, что им удалось украсть несколько карт, указывающих расположения складских помещений и перевалочных пунктов, которые вскоре были ограблены.

Эти события создали Михаилу некую ширму из паники и серии предательств как бы толкнувшие и его на побег. Этим самым немного сгладив его предстоящее предательство, которое стало бы информационной бомбой, если бы он был на месте первых дезертиров. А теперь он уже навсегда останется в их тени. В любом случае, буквально в последние дни, было решено в первую очередь запустить дезинформацию о том, что Михаил погиб в бою, но параллельно пустить и слух о том, что он предатель. Этот слух предназначался вражеским шпионам, которые возможно находились в бункере. Этот слух должен был немного помочь Михаилу. Когда информация о том, что его считают предателем дойдет до тех людей, которые будут решать вопрос о его чистоте, то это послужит Соборову дополнительной гарантией.

Парни безмолвно сели в потрепанный джип. Вся правая сторона была прошита пулями крупнокалиберного пулемета. Если бы не было темно, то на изрезанных сиденьях наверняка можно было бы разглядеть засохшую кровь тех бедняг, которые попали под обстрел. Хаммер стоял среди новеньких Сабурбанов, еще месяц назад сверкавшим глубоким черным цветом, увозя важных беженцев из опасных регионов. В одном из них привезли и Михаила. Но сейчас их было сложно опознать. Перекрашенные в камуфляжные цвета, переоснащенные по последнему слову военной техники и вооруженные пулеметами, они выглядели внушающей страх несметной силой. Старенький хаммер, гроза маленьких военных конфликтов начала второго тысячелетия, не отставал и смотрелся как битый временем ветеран.

Зорога сел за руль. Осмотрелся, привык к креслу, немного качнулся, проверяя, не забыли ли усилить пружины под вес сутр, но хаммер проигнорировал движения Зороги и остался стоять как вкопанный. Михаил уселся на правое пассажирское место. Зорога провернул ключ, и двигатель бодро подхватил обороты. Спустя пару минут потраченных на разогрев двигателя, они двинулись. Михаилу все казалось нереальным, он понял, что до сих пор не верил в то, что они возьмутся за этот план в плотную. Он побаивался этого задания

и потому старался поменьше думать о нем всерьез, относясь как к рядовому заданию, но сейчас реальность начала давить на него чуть сильнее. Казалось, что все развивается очень быстро, вот они уже двинулись, абсолютно безмолвно. Никого ничего не интересовало, все ехали работать, план действий был просчитан и прорепетирован тысячу раз, все было делом техники. Осознание этого вернуло Михаила в строй. Он был творческой натурой, и мощное воображение иногда создавало ему лишние проблемы своей субъективностью, хотя любой на его месте хоть раз бы засомневался. Соборов вспомнил, что его ждет незабываемое путешествие по Карпатам. На украинском языке этот месяц звучит очень удачно, наиболее удачно – это был – жовтень, что прямо указывало на время, когда деревья меняют свой цвет. Михаил обожал осень, особенно время, когда деревья начинают менять свои цвета. Какие-то из них предпочитали желтый, а какие-то красный, одни выбирали яркость, а другие – контрастность. Казалось, что осень – это время, когда природа показывает лучшую сторону своего характера. Джип качнуло на подъеме, и они выехали на короткий серпантин, он шел огромной резьбой к верху из ангара наружу. Михаил включил один из визуальных фильтров, превращающий цвета в тысячи оттенков, различая и придавая невероятной контрастности даже самой маленькой тени в самую черную ночь, и темнота, поглощающая все еще минуту назад, растворилась в сотнях оттенков и цветов. Первым в глаза бросился искусственно созданный водопад, через который они выезжали. Он был создан как ширма для входа в убежище. Водопад питала специально созданная река, но Михаил не знал об этом, он всегда думал, что водопад настоящий. В визуальном фильтре вода водопада выглядела как тысячи иголок, падающих откуда-то с неба, сверкая на свете фар.

Спустя миг их осветила полная луна. В рации раздался голос диспетчера, который предполагал данными о маршруте и последними сводками разведки. Он сообщил, что их путь чист, дал указание по какой дороге ехать предпочтительней и после подтверждения получения информации Зорогой, пожелал удачи и отключился. Они остались совсем одни. Больше никто на них не влиял. Четыре человека пытавшихся изменить историю, при этом были простыми парнями, которых судьба заставила воевать. В ходе тренировки все они довольно близко сдружились, они были лучшими из лучших. Кто-то мог то, а другой мог это. Самым загадочным был Гавриил Нелевский, парень, за голову которого была назначено вознаграждение. Он был легендой, первой живой легендой, единственным воином, кто в одиночку в первые дни войны, не обладая ни опытом, ни навыками, умудрился победить в ближнем бою четырех соперников подряд. Одного за другим. В объявлениях, которые во множестве распространялись до сих пор безликими врагами, он фигурировал как Дубненский воин. Наградой было руководство любым регионом бывшей Украины на выбор – более чем заманчиво. Этот подвиг дал возможность Гавриилу остаться в строю, несмотря на глухоту и немоту. Теперь ему в скафандр встроили специальный фильтр, что трансформировал полученные в радио звуки в визуальные картинки и слова.

Михаил бросил взгляд в боковое окно, пытаясь распознать стражников, но ничего не увидел. Он смотрел точно туда, где они должны были лежать, он знал место наверняка, но распознать тело человека было просто не возможно. Лишь легкое движение головы стражника, который обратил внимание на хаммер Михаила, выдало его на долю секунды. Спустя минуты они въехали в лес, где не было дороги, но, тем не менее, хаммер шел ровно и гладко как на асфальте. Бункер остался позади. Михаил с грустью провожал очертания горы, под которой находился бункер, где-то в его комнатах мирно спала Светлана. Она так старалась не проспать это утро и проводить Михаила на задание, что заснула, а он не смог позволить себе разбудить ее. Тем более теперь, когда она отвечала за две жизни. Михаил молился, чтоб ребенок простил ему его отсутствие, но отступать было некуда. Кроме всего прочего Михаилу не хотелось лишний раз врать ей, и он с тяжелым сердцем ушел не попрощавшись.

Впрочем, Михаил был спокоен за судьбу Светланы. Он посмотрел бункер изнутри, познакомился с теми, кто им управляет, и понял, что в этом обществе он хотел бы вырастить своих детей. Люди объединились и сплотились, забыв о себе. Удивительно, но казалось, что Бог своими невообразимыми путями отобрал самых достойных в эти подземные ковчеги. Он знал, что там в этом оплоте, она в большей безопасности, чем на прежних улицах, погрязших в ненависти и зависти городов.

Через пару часов начало светать, а Михаил все проигрывал в уме будущее задание. Зорога попросил парня пулеметчика сменить его за рулем, и тот вел уже последние полчаса. Он ехал осторожней Зороги, медленней и даже пытался объезжать ямы, но и уверенности ему не доставало. Ощущалось напряжение, хотя не мудрено, ведь летать под сотню по извилистых дорогах, лишь изредка притормаживая на серпантинах, не самое комфортное занятие. Впрочем, ехали с ветерком, прямо на восток, ловя лобовым стеклом первые лучи солнца, которое вяло поднималось из-за сложного, закрытого горами горизонта. Дорога вела их вперед, маленькие городки и деревни, оставшиеся без людей, пролетали один за другим. Они претендовали на тоску и отчаяние в вашем сердце, но Михаил гнал эти чувства.

– Как дела Миша? – прозвучало в наушнике.

– Нормально, товарищ генерал.

– Переживаешь немного?

– Как и прежде меня немного беспокоит эпизод с Гавриилом.

– Да уж, намудрили в штабе с ним. Но как бы там ни было, а план вполне жизнеспособный, хотя и фантастический.

– Меня удивляет, как Нелевский согласился на него. Парень, твой шанс выжить процентов тридцать, не больше.

– Такой уж он. Я присутствовал на беседе Гавриила и Вирвиса, он согласился сразу, без колебаний. Думаю, что этот парень еще покажет свои козыри, правда Гавриил? – Зорога хлопнул Гавриила по плечу, когда тот не обращая внимания на разговор, рассматривал из окна горы.

Гавриил поднял согнутую в кулак руку вверх, показывая, что готов на сто процентов.

– Короче, Миш, прекращай, а то он нас сейчас отметелит и глазом не моргнет – Зорога умел подбодрить. На что Гавриил зашелся смехом, который, впрочем, походил больше на попытку подавить этот смех. Когда все успокоились, Нелевский воспользовался случаем и обратился к Зороге. Он хлопнул его по плечу, указал на себя, а потом проделал движения будто у него в руках руль, давая понять, что хочет прокатиться.

– Видал? А ты беспокоишься о его боевом духе. Андрей, тормози, все равно ты водить не умеешь. Пусть старшие прокатаются.

Джип остановился от резкого нажатия на тормоза. Впрочем, антиблокировочная тормозная система не дала хаммеру ни малейшей возможности пойти в занос. Джип остановился спустя метров сорок, ведь у него на борту было около полторы тонны груза, и Гавриил успешно перебрался за руль. Резко набрав скорость, он ехал с невероятным азартом.

– Диву ему даюсь – начал слегка озабоченный и встревоженный Михаил – как он умудряется быть таким? Как робот, ей Богу.

– Он не обращает внимания на страх, Миша. Бери пример. Сильные люди способны окрасить время в те цвета, которые хотят. Это может быть страх, а может быть смелость, может быть зло, а может быть добро. Кто сможет, посмотрев на этот потрепанный в битвах хаммер, сказать, что эти четверо ребят задумали проникнуть в сердце неизвестного им врага и разрушить его изнутри? Кто способен поверить в такой смелый план? Тот, кто может поверить в себя действительно способен на подобный подвиг, и ему помогают сами небеса, они уважают упорство и отвагу не менее чем все остальные. Можешь быть уверен в этом. А кто помогает тому, кто верит в свою гибель? Глупо верить в негативный исход, он случится так

или иначе, задача как раз в том, чтоб его избежать. Страх – это вера наоборот. Страх не способен ни на что кроме как на то, чтоб остановить тебя. Он не даст тебе пищи, не прикроет от пуль, не спасет от пропасти и не убережет от беды. Страх глуп и слеп, а его друзья – грусть и отчаянье и того бесполезнее. Они поворачивают тебя спиной к беде, и делают это часто тогда, когда над тобой уже завис меч и в самый раз принять бой. Но ты уже беззащитен, ведь страх сетью лег на твои руки и плечи. Оружие против страха – вера в победу, но не стоит также рисковать понапрасну. Победа – сестра тщеславия и дочь самоуверенности, но она лучшая в этой семейке. Ее лучшая подруга – отвага, а наставник и учитель – беспристрастность. Держитесь ближе к этой троице, и вы пройдете сквозь тьму и орды врагов. Они в совокупности зовутся верой, подпитывайте их любовью и будите надеждой.

– Отличные слова, генерал – разорвал вдруг нависшую тишину Андрей.

– Все верно. Но очень многое поставлено на карту. Ответственность большая. Я сделаю все, что в моих силах, но что если сил окажется не достаточно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.